РОМАН ГУЛЬ

ОДВУКОНЬ ДВА

РОМАН ГУЛЬ

ОДВУКОНЬ ДВА

СТАТЬИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОСТ» НЬЮ ИОРК 1982

ОТ АВТОРА

В 1973 году в Нью Йорке вышла моя книга "Одвуконь" — книга статей о русской эмигрантской и советской литературе. До книги статьи эти были напечатаны в разное время в зарубежных журналах и газетах. Название книги — "Одвуконь" — я взял у нашего знаменитого лексикографа Владимира Ивановича Даля и в предисловии объяснил его: — после октябрьского переворота русская литература пошла о д в у к о н ь: часть ее осталась внутри страны, став советской литературой, а часть, выбросившаяся на Запад, стала эмигрантской литературой.

В этой книге — "Одвуконь два" — мои статьи, опубликованные уже после выхода "Одвуконь". Даю я и некоторые давние статьи, не вошедшие в первую книгу.

Думается, что весь этот материал может пригодиться неведомым будущим историкам русской эмиграции и историкам эмигрантской литературы.

Р. Г.

ПРОГУЛКИ ХАМА С ПУШКИНЫМ

"И увидел Хам наготу отца своего, и вышед рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положивши ее на плечи свои, пошли задом и прикрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего .

("Бытие", гл. 9, ст. 22, 23.).

"В наши дни кретин и хам получили право публичного кликушествования".

(В. Ходасевич, "Возрождение", 1932).

"Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости".

/Пушкин/

" 'Всечеловечество' у Пушкина было эстетическим созерцанием".

/Д. Мережковский, "Грядущий хам"/.

Прежде всего я хочу успокоить хорошо воспитанных, чувствительных и нервных. Термин хам я не употребляю в ругательном смысле. Это было бы недостойно. Я употребляю его в библейском — как цинизм человека и надругательство над тем, что в человеческом обществе надругательству не подлежит, если общество не хочет превратиться в орангутангово стадо.

По-моему, в какой то глубине — в плане духовно-интеллектуального разрушительства — в потребности предать надругательству наши традиции и святыни, Абрам Терц — сохраняя все пропорции — несет в себе ту же заразу, что и Д.И. Писарев. Заразу духовно-интеллектуального Ивана Непомнящего, босяка, беспартошника, одним из отцов чего был у нас не совсем уравновешенный Д. И. Писарев.

Начиная разбор книги Терца, первую фразу я напишу в стиле Писарева. С позволения сказать, писатель Абрам Терц написал, с позволения сказать, книжку о Пушкине, озаглавив ее "Прогулки с Пушкиным". Установим прежде всего некий плагиат заглавия. Известно, что сто одиннадцать лет тому назад

(1865) Писарев опубликовал свою печально известную статью "Прогулка по садам российской словесности", сам сказав, что написал ее "в насмешливом и даже презрительном тоне".

Прогуливаясь по садам российской словесности Писарев говорит: "о Пушкине я буду писать только затем, чтобы образумить суеверных обожателей этого устарелого кумира... Идеи Базарова я считаю полезными — поэтому и говорю о них с уважением; идеи Пушкина я считаю бесполезными, — поэтому и говорю о них с пренебрежением". В своей, с позволения сказать, книге о Пушкине Абрам Терц пишет: — "да так ли уж велик ваш Пушкин (конечно, *наш*, а не ваш, Абрам Терц! Р. Г.) и чем в самом деле, он знаменит, за вычетом десятка-другого ловко скроенных пьес, про которые ничего не скажешь, кроме того, что они ловко сшиты?".

Разумеется, между Д. И. Писаревым и Абрамом Терцом — дистанция огромного размера. Писарев писатель образованный, куда более талантливый, и, главное, с исступленной верой в свои идеи, с нашей точки зрения духовно-вредные и, как показала история России, нанесшие сокрушительный удар русской культуре и русскому искусству. Искусству Писарев был совершенно чужероден, это была не сфера его жизни. Но, к сожалению, писал именно об искусстве. Что ж тут удивительного, если даже преподобный Ильич высказывался о литературе — архинепререкаемо!

В противоположность Писареву Абрам Терц сопричастен литературе. Он пишет о ней. Но тут мы должны коснуться тревожной советской темы. Тема это — о советском хамстве, о советском охамлении и оживотнении человека.

В начале нашего рокового века Д. С. Мережковский написал известную статью — "Грядущий хам". За это предчувствие на него тогда резко напали: неверие в народ, в демократию, в революцию. Но вот сейчас, видя так называемый Сов. Союз и его сателлиты, мы должны признать, что напророченный "грядущий хам" уже давно пришел, комфортабельно рассевшись в полумире. В дали истории Мережковский тогда разглядел то, чего другие не видели.

Правда, Мережковский (вслед за Герценом) связывал нашествие грядущего хама с выходом на мировую арену "запад-

ного мещанства". "Мещанство победит и должно победить, — с грустью писал социал-барин Герцен, — мещанство — окончательная форма западной цивилизации". Но если б это было так! При такой победе мир не стоял бы сейчас на краю пропасти. Увы, это была жестокая историческая аберрация Герцена. Грядущий хам нежданно-негаданно пришел с равнин, "не мещанской" в представлении Герцена, России. И если пришедший хам-большевик еще не захватил мир целиком, то только благодаря сопротивлению "западного мещанства". На нем, на "молчаливом большинстве" так называемых, "мещан" еще слабо держится свобода и будет держаться пока обольшевиченные интеллектуалы, типа Сартра и Рассела, не предадут мир хаму. Умно и правильно писал о мещанстве Петр Струве обращаясь к русским революционерам: "*учитесь* у мудрого мещанства Европы". Он был прав. Но "учения" не последовало.

"Одного бойтесь — рабства, — говорит Мережковский в статье "Грядущий хам", — а худшего из всех рабств — мещанства, и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть чёрт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее чем его малюют — грядущий князь мира сего, грядущий хам".

И в 1917 году в облике хлынувшего на Россию большевизма Мережковский сразу же, безошибочно узнал своего старого знакомца, напророченного им, но уже не "грядущего", а восходящего хама. Бежав (от хама) на Запад Мережковский всю свою жизнь здесь отчаянно призывал к борьбе против охамления России, а с ней и всего мира. Но его никто на Западе не слушал. А он — полвека тому назад — говорил то же, о чем говорит сейчас Западу А. И. Солженицын, к которому хоть и прислушиваются, но очень нехотя и с усмешкой. За эту усмешку Запад может дорого заплатить. В 1920-х г.г. Мережковский писал: "Первое и последнее слово Европы о большевизме: — "невмешательство". Россия лежит, как тяжело больной, без сознания, без памяти; сама не может встать. А Европа говорит: "не тревожьте больного, не приводите в чувство, не подымайте, не вмешивайтесь в русские дела". Это одно из двух: или бездонное невежество, или бесстыдная ложь".

II

Но вернемся к "Прогулкам с Пушкиным". Хотя разговору о них я предварительно хотел бы предпослать некое "введение в тему".

Не так давно со мной разговаривал советский эмигрант, третьей эмиграции. Он говорил примерно так: — "Вот вы тут пишете о неприятии большевизма, о необходимости его свержения и т. д. И правильно пишете. Все это точно, все это нужно. Но вы не знаете, что проблема ведь не только в освобождении от большевиков, как власти. Есть и другая, плотно сросшаяся с ним, проблема чрезвычайной важности. Это проблема сплошного охамления всей страны, связанная к тому же, с диким, неописуемым всеобщим пьянством. Десятилетиями партийная шайка спаивает весь народ сверху — донизу. Этого хамства вы здесь не чувствуете и не знаете, что это за страшный социальный бич. Ведь чудовищное хамство в СССР проросло всю страну *насквозь*. И это может быть социальной и культурной гибелью на века, а может быть и навеки. Вот, скажите, например, могли ли, скажем, Анна Павлова, Петр Аркадьевич Столыпин или Павел Николаевич Милюков "крыть в быту матом"? Не могли? Нет? Я то же думаю. А у нас кроют все: и премьер-министр, и столп литературы Михаил Шолохов, и прима-балерина, и члены Союза Писателей, и академики, и московские шоферы, и блатные, и фабричные работницы, и домохозяйки. И этот мат вовсе не какая-нибудь "экзотика", это *язык советской жизни,* язык быта, говорящий о градусе всеобщего охамления. Но не страшно, если бы дело было только в языке. Но ведь в Сов. Союзе охамлены человеческие чувства и человеческие отношения. Хамство большевизма, как серная кислота, десятилетиями проедало чувства чести, жалости, бескорыстия, благородства, искренности, честности, жертвенности, подлинной дружбы, настоящей любви. Всё охамлено. Вы скажете: — ну, а Солженицын, Сахаров, Шафаревич, Амальрик, Орлов, Буковский, Марченко, отец Дмитрий Дудко и многие другие? Правильно. И в этом нет ничего удивительного. Но общей картины это никак не меняет. Если в Содоме и Гоморре нашлось несколько праведников, конечно, они есть и в России,

даже в большем количестве. Но это же единицы, десятки, сотни, ну, тысячи, ну, скажем десять тысяч, пусть будет двадцать тысяч, сто, если хотите. Я же говорю о массе, о миллионах людей, о всей стране. И вот тут всеобщее охамление — явление совершенно страшное: духовно, душевно, культурно, политически, социально, всячески".

Советский эмигрант говорил мне это в Америке, но этим Америки мне не открыл. Он говорил о явлении известном. Не упомянул он только о том, что хамство соприродно рабству. Одно психологически питает другое. Не даром библейский Ной, прокляв потомство Хамово, сказал, что будет оно "рабом рабов". И "Прогулки с Пушкиным" — тому иллюстрация.

Характерно, что своим псевдонимом Синявский взял имя одесского босяка Абрашки Терца. В "Новом Журнале" публикуется повесть о московских диссидентах. Она правдива. Автор ее — женщина живущая в СССР, говорят, хорошо знала Синявского. И в его честь взяла тоже звучный псевдоним — Анна Герц. В повести, говорят, она выводит Синявского в образе художника Полушкина а жену его Марью, как — Дарью, освободившую Полушкина из концлагеря. Синявского КГБ тоже освободил из лагеря и даже сделал его советским вольноотпущенником, с бессрочной подорожной выпустив заграницу. "Прогулки с Пушкиным", как это ни странно, написаны в концлагере. Авторская пометка указывает: Дубровлаг, 1966-1968. За годы своего пребывания в концлагере Синявский написал там еще две книги — "Голос из хора" и "В тени Гоголя". "Прогулки" изобилуют многими цитатами и сносками на соответствующую литературу о Пушкине. Как и почему зеку Абраму Терцу удалось в концлагере всецело отдаваться литературному творчеству — мы не знаем. Но — факт, что удалось. Ни Солженицыну, ни Шаламову в концлагерях это не удавалось. Помилуйте, но то были страшные сталинские времена, а не милые брежневские, в которые некоторых неугодных писателей, как, например, поэта переводчика Конст. Богатырева убили просто на улице — проломили череп и кончено. А талантливейшего Вл. Войновича пытались отравить в гостинице "Метрополь".

Это, конечно, чудесно, что в брежневских лагерях вместо "вкалыванья кубометров" лесоповала и всяческих "строек" зеки

пишут поэзию и прозу. Но жаль, что ни Владимир Буковский, ни Валентин Мороз, ни множество других зеков ничем нас до сих пор не обрадуют из сотворенного ими в тюрьмах и концлагерях.

"Прогулки с Пушкиным" представляются не столько законченной работой, сколько каким-то черновиком: и композиционно, и стилистически недоработанным, но в конце концов это и не суть важно. В этой, на мой взгляд, именно хамской (в библейском смысле, конечно!) книге примечательно не то *что* о Пушкине написал Абрам Терц, а *как* он пишет о Пушкине.

В смысле *что* Терц не сказал ровно ничего нового, или оригинального. О творчестве Пушкина существует грандиозная литература и в ней множество чудесных работ, ну, хотя бы "Поэтическое хозяйство Пушкина" Владислава Ходасевича. В своей книге Терц не отделяет личности от творчества Пушкина. Он пишет и о том, и о другом. Пиша о личности Пушкина, Терц, якобы, хочет освободить Пушкина от мифов. Но это без него давно — 73 года тому назад! — сделано и сделано прекрасно Валерием Брюсовым. В своей книге "Мой Пушкин" в первой же статье Брюсов пишет: "Нам трудно представить себе жизнь Пушкина, как человека, как знакомого, с которым встречаешься, здороваешься, разговариваешь. Его жизнь столько раз была предметом мертво-ученых изысканий, и мы так вчитались в эти изыскания, что для нас Пушкин — какое-то отвлеченное, нарицательное слово, имя, объединяющее разные прославленные произведения, а не живое лицо. Между Пушкиным и нами поставлено слишком много увеличительных стекол — так много, что через них почти ничего не видно. Но слава Пушкина и значение его, столь же как позднейших исследователей, ослепляли и его современников, сверстников, писавших свои воспоминания о нем. В большинстве этих воспоминаний Пушкин тоже неживой, тоже отвлеченный. Приходится чутьем, вдохновением выбирать из рассказов и показаний современников, что в них верно до глубины и что только внешне верно — *угадывать* Пушкина".

И Брюсов прекрасно "угадывает" Пушкина, давая *живой* образ Пушкина и человека и поэта. Терц же вместо образа

Пушкина невольно подает читателю *свой собственный портрет* — Абрама Терца — а уж никак не Пушкина. И вот тут, в смысле *как* пишет о Пушкине Терц, я думаю, он единственный во всей пушкиниане.

"Исскуство *свято,* — писала Марина Цветаева, — о святости искусства у атеиста речи быть не может, — он будет говорить либо о пользе искусства, либо о красоте искусства. Посему настаиваю, речь моя обращена исключительно к тем, для кого — Бог — грех — святость — есть". Мы согласны с Цветаевой — подлинное искусство — *свято"*.

Я вас любил, любовь еще быть может
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим.
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Имя человека — то-есть Пушкина — написавшего это стихотворение (и много другого на той же надосягаемой лирической высоте) для меня — *свято*. Я согласен с тезисом Цветаевой. А вот что — как бы в ответ Цветаевой пишет Абрам Терц: — "Помимо религиозных эмоций в чистом искусстве есть привкус распутства. Недружелюбная* формула, примененная невзначай** к Ахматовой: "барынька, мечущаяся между будуаром и моленной" — правильно определяет природу поэзии, поэзии вообще, как таковой, передает зыбкую сущность искусства в целом. К числу этих барынек принадлежала и Муза Пушкина".

Признаюсь, прочтя это, я внутренно не мог удержаться от очень крепкого словца на букву м.......! Но, конечно, в этой резкости я не прав. Я погорячился. Я беру это слово назад. Абрам Терц не м......., он всего навсего — советский хамо-ху-

---

* Обратите внимание, как это "нежно" сказано! А почему? Р.Г.

** Почему "невзначай"? Жданов прекрасно знал, что говорил, наверное даже показывал "хозяину", Сталину, "брульон" своего погромного выступления против Ахматовой и Зощенко, против даже тени свободы в литературе. А "профессор Сорбонны" Синявский это цитирует, с этим недвусмысленно соглашаясь! Р.Г

лиган. И в этом он не виноват. У подавляющего большинства людей бытие определяет сознание. И только у очень редких — сознание освобождается от бытия. Синявский не из таких. Раб Дубровлага восхитился тонкостью понимания искусства товарищем Ждановым. Это диктуется бытием и вполне нормально. А чего вы хотите? Чтоб он не восхитился? Но это было бы анормально. Вполне нормально, например, что в КЛЭ в статье о Николае Гумилеве Синявский сообщил, что "мечта Гумилева о 'подвиге' и 'геройстве' носила *реакционный характер"*.

Это, конечно, идет от того же самого корня, что и: —

"Пушкин, Лермонтов, Некрасов
Трубадуры чуждых классов!"

Природу поэзии (и искусства вообще) А. А. Ахматова понимала не так, как Жданов и Терц. В своем "Слове о Пушкине" она писала: "Его дом стал *святыней* для всей его родины и более полной, более лучезарной победы свет не видел... Он победил и время и пространство".

Но может быть Ахматова и Цветаева поэзию просто не понимали? Во всяком случае профессор Сорбонны Терц утверждает, что Пушкин был просто напросто... Хлестаков! Терц пишет (сначала цитируя слова Хлестакова): — "Я признаюсь сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся... У меня легкость необыкновенная в мыслях". Но шутки в сторону, — кончив цитату, говорит Терц, — налицо глубокое, далеко идущее сходство! Как это ни странно выглядит /!/, но если не ездить в Африку, не удаляться в историю, а искать прототип Пушкину поблизости, в современной ему среде, то лучшей кандидатурой окажется Хлестаков. Человеческое alter ego поэта".

После столь оригинального проникновения Абрама Терца в личность Пушкина, мы уже знаем, что — "И всюду страсти роковые/ И от судеб защиты нет!" или "И с отвращением читая жизнь мою /Я трепещу и проклинаю/ И горько жалуюсь и горько слезы лью/ Но строк печальных не смываю/", и многое другое написал не Пушкин, а Иван Александрович Хлестаков. А вот бедный Александр Блок, пиша свое знаменитое полу-

предсмертное стихотворение о Пушкине, не знал, что пишет о Хлестакове:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда

. . . .

Вот зачем в часы заката
Уходя в ночную тьму
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

И Тютчев не знал, что он пишет о Хлестакове:

Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет.

Я думаю, на кафедре в Сорбонне сам Терц — что-то в роде Хлестакова! Но оставим Хлестакова в покое. У Терца есть еще более глубокие проникновения в личность и творчество Пушкина. Например, он сравнивает его... с собакой. Конечно, не с дворнягой, не с кабысдохом, нет... с болонкой. С отменной стилистической элегантностью Терц пишет: — "Читая Пушкина, чувствуешь, что у него с женщинами союз, что он свой человек у женщин — притом в роли специалиста, вхожего в дом в любые часы, незаменимого, как портниха, парикмахер, массажистка (она же сводня, она же удачно гадает на картах), как модный доктор-невропатолог, ювелир или болонка (такая шустрая, в кудряшках)".

Читаешь это и думаешь: каким же надо быть охамленным пошляком, чтобы написать подобную развязно-разухабистую чепуху. И о ком? О Пушкине!

Писарев поносил Пушкина, но куда же ему до Абрама Терца. Писарев был человек общества, а не хулиган. Ну, что там Писарев писал? Ну, писал об Онегине (а на деле пускал стрелы в Пушкина): — ... "Игру страстей он испытал настолько,

насколько эта игра входит в "науку страсти нежной". О существовании других более сильных страстей — страстей направленных к идее, он даже не имеет никакого понятия... Кто чувствует подобно Онегину, того, разумеется, тревожит призрак невозвратных дней, то-есть тех дней, когда случалось видеть вблизи ножки, ланиты, перси и разные другие подробности женского тела".

Тут присутствует резвость пера, но не хамство же! Терц на подобную тему пишет: "Ни у кого, вероятно, в формировании стиля, в закручивании стиха не выполнял такой работы, как у Пушкина, слабый пол. Посвященные прелестницам безделки находили в их слабости оправдание и поднимались в цене, наполнялись воздухом приятного и прибыльного циркулирования (что это такое? я не понимаю этого смердяковского стиля, Р.Г.). Молодой поэт в амплуа ловеласа становится профессионалом. При даме он вроде как бы при деле... Кто же соблюдает серьезность с барышнями, один звук которых (какой же это звук?! Р.Г.) тянет смеяться и вибрировать всеми членами (что за "вибрирование всеми членами"?). Сам объект воспевания располагал к легкомыслию и сообщал поэзии бездну движений ("бездна движений"?! пощадите, профессор Терц!)... На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох..."

Тут мы в праве упрекнуть профессора Терца не только уж в исключительной пошлости стиля, но и просто в безвкуснейшей графомании. Впрочем, чего же вы хотите? Соцзадача Терца стара-престара, ее еще в 20-х годах выбросил, как лозунг, основоположник советского литературного хамства — Вл. Маяковский*: "а почему не атакован Пушкин?". Вот полублатной профессор — Пушкина и "атакует на все сто"! — не стыдясь своего позора. Впрочем, на эдаком "геростратовом позоре" некоторые ведь и делают литературное имя.

Кто, например, помнит писателя Берви (Флеровского)? А ведь его оценка романа Л. Толстого "Война и мир" вошла в анналы русской истории литературы. О "Войне и мире" Берви

---

* О хамо-хулиганстве Маяковского см. "Воспоминания" И. Бунина и статьи Владислава Ходасевича.

(Флеровский) написал, что это не роман, а "рассказы пьяного унтера". И тем (держась за Толстого) Берви удержался хотя бы в памяти литературоведов. То же произошло с критиком Навалишиным. Его никто не помнит. Но Навалишин разнес в свое время "Анну Каренину", как никчемный "адюльтерный роман", и снисходительно добавил, что, слава Богу , у графа Толстого нет литературного таланта, а то бы "адюльтерный роман" мог быть и неприятнее. И этим Навалишин избежал забвения.

Кстати, в "Прогулках" "уничтожая Пушкина", Терц вслед за Берви и Навалишиным, — так, походя, пренебрежительно "заушил" и Льва Толстого. Охаивая *огулом* всю русскую литературу 19-века (чего с ней церемониться эдакому экстравагану?), Терц презрительно перечисляет эти "протоколы с тусклыми заглавиями "Бедные люди", "Мертвые души", "Обыкновенная история", "Скучная история"... Один артист не постеснялся свой роман так и назвать "Жизнь". Другой написал "Война и мир" (сразу вся война и весь мир!)".

Остановимся на последней фразе. Она характеризует Терца. Да, конечно, Толстой писал и о "войне" и о "мире". Но что значит — "сразу вся война" и "сразу весь мир"? Никакой такой "всей войны" нет, никогда не было и быть не может. А какой может быть — "сразу весь мир?" Что это такое? И почему — "сразу"? Терц пишет нагло , без всякой ответственности перед читателем, "как шло так и ехало", пусть едят. Но "геростратов позор" и не требует большего. Слава Берви (Флеровского) и Навалишина не дает вероятно Синявскому спать. Держась за Пушкина и Терц хочет не оказаться забытым. Поможем ему. Отметим еще какие-нибудь *"пёрлы"* его мыслей и стиля.

У Марины Цветаевой в сборнике "Проза" есть дифирамбическая статья "Мой Пушкин". Статья, как всегда у Цветаевой, полна бескрайностей и безмерностей. Но — чудесная, как выкрик любви, как выкрик преклонения перед Пушкиным. Цветаева в ней пишет: "Пушкин был негр ... От памятника Пушкина у меня и моя безумная любовь к черным, пронесенная через всю жизнь... В каждом негре я люблю Пушкина...". Это, конечно, чрезмерновато, но хорошо по своей любви.

О Пушкине-негре пишет и Терц: "Негр — это хорошо... Это

уже абсолютно живой, мгновенно узнаваемый Пушкин... Безупречный пушкинский вкус избрал негра в соавторы, угадав, что черная *обезьянообразная харя* пойдет ему лучше ангельского личика Ленского...". Но разве у Пушкина была "обезьянообразная харя"? Пушкин был некрасив, у него были и африканские черты. Но — "обезьянообразная харя"? Об этом мы впервые узнаем от Терца. И вообще "обезьянообразная харя" не похожа ли она на черносотенную "жидовскую морду"? Помоему, похожа. По сути своей это то же самое.

Вспоминаю интересное происшествие. Я работал редактором на радиостанции "Свобода" в Нью Иорке. И вот однажды заметил среди сотрудников какое-то оживление, переговоры, смех. Оказывается, кто-то в Объединенных Нациях записал на пленку частный разговор советского представителя Зорина. И в студии у нас эту пленку "проигрывали". Грубый хам, старый чекист, ставший "дипломатом" Зорин был тогда председателем какой-то комиссии и так как члены этой комиссии всё не собирались, Зорин нетерпеливо говорил: — "Ну, где же эти чернокожие, чорт возьми... Послушайте, приведите же хоть одного чернокожего". Слово "чернокожие" Зорин произносил с тем хамским оттенком пренебрежения, будто едва удерживаясь, чтоб не сказать похожее, но очень грубое (черно.....), как в Сов. Союзе эти господа называют "нацменов".

Неужели и у Терца "обезьянообразная харя" вырвалась из зоринских источников? Перед "харей" Терца Цветаева бы онемела. Но это — разность культур, разность Россий.

Пойдем дальше. Посмотрим, что пишет Терц о трагической смерти Пушкина? Тут, перед трупом поэта, Терц уж наверное снял шапку. Напрасное ожидание. Терц и тут хулиганствует и хамствует: — "Никто так глупо не швырялся жизнью, как Пушкин. Но кто еще эдаким дуриком входил в литературу? Он сам не заметил, как стал писателем, сосватанный дядюшкой под пьяную лавочку". Вот это стиль!! Прямехонько — из блатного барака Дубровлага! И далее, в том же стиле: — "Пушкин умер в согласии с программой своей жизни и мог бы сказать: мы квиты... мальчишка и погиб по-мальчишески... колорит анекдота был выдержан до конца и ради пущего остроумия, что ли,

Пушкина угораздило попасть в пуговицу. У рока есть чувство юмора..."

Сомневаюсь, чтобы у рока было чувство юмора. Хотя в случае Терца у судьбы, пожалуй, чувство юмора было. Покорный раб Дубровлага, вольноотпущенник КГБ, прямиком прыгнул на кафедру Сорбонны... Но на Западе мы привыкли и не к такому юмору.

Смерть Пушкина, которого, по свидетельству современников, оплакивала вся Россия, Терц оригинально называет — "заключительный фортель". И в этом "заключительном фортеле", в семейной драме Пушкина, Терца, собственно интересует одно: — "ну, а все-таки, положа руку на сердце, дала или не дала?". Конечно, Терц мог написать — "изменила иль не изменила?". Но Терц умышленно берет хамское, проституточное слово. В советской литературе много примеров скотства. На этом примере Абрам Терц перегнал Демьяна Бедного.

Мне неприятно было писать об этой грязной, хулигано-хамской и, в сущности своей, ничтожной книжке. Общее впечатление от "Прогулок" точнее всего можно выразить словами самого же Терца. Правда, словами совершенно омерзительными. Но, да простит мне читатель, из песни слова не выкинешь. В своей повестушке "Любимов" он в стиле "ультра модерн" — пишет: "Пердит, интриган, в рот". Именно этот смрад ощутит каждый читатель, если осилит "Прогулки" Абрама Терца. Тысячу раз был прав Владислав Ходасевич, написавший: "в наши дни кретин и хам получили право публичного кликушествования".

"Новый Журнал", кн. 124, 1976 г.

ЛЕНИН И «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»

«Мир с Брежневым, это война с Солженицыным».
Сальвадор де Мадарьяга

«Злая и преступная воля есть воля безумная и именно поэтому гибельная».
С. Франк

I. ЗАРОЖДЕНИЕ «ИДЕОЛОГИИ»

По-моему, эта книга А. И. Солженицына — великая книга. Впервые за страшные, кровавые полвека она предлагает *всему миру* ознакомиться с бесовской, инфернальной сутью большевизма, как не только русского, но мирового зла. «Архипелаг» написан с великой человечностью, с великой искренностью, ярким словом и с подачей подавляющего всякое воображение, огромного фактического материала. Всякому читателю «Архипелаг ГУЛАГ» предметно показывает, чем в своей уродливо-марксистской дикости была пресловутая октябрьская революция Ленина. И чем были Ленин и ленинцы — как люди — этот человекоубийца в окруженьи убийц. Обычно по «интеллигентской трусости», по т.н. псевдо-научной «исторической объективности» Ленина и ленинцев называют коммунистами. Но этот термин мертв и глуп. Он не определяет ни Ленина, ни ленинцев в их человеческой натуре. Мы привыкли к планетарной лжи. Для Ленина и ленинцев есть настоящее определение, это — «гангстеры с идеологией».

Литература о Ленине громадна. Советская — преимущественно лжива. В ней Ленин подрумянен и макиийрован, как покойник в американском «помп фюнебр». Но есть и правдивая русская литература о Ленине. За рубежом. Здесь люди

Эта статья была прочитана, как доклад, на симпозиуме о Солженицыне, устроенном Русской Академической Группой в США, 4 мая в Хантер Колледж в Нью Иорке, и 5-го мая на симпозиуме о Солженицыне в Свято-Серафимовском Фонде.

свободно писали о Ленине и люди его хорошо лично знавшие. Есть воспоминания о Ленине, характеристики, статьи, письма. Упомяну хотя бы главных русских авторов: П. Б. Струве, Бердяев, Валентинов, Мартов, Войтинский, Нагловский, Авторханов, Алданов, Шуб, в печати меньшевиков, левых эс-эров и просто эс-ров — много материала для портрета Ленина — и политика и человека. Надо, чтобы кто-нибудь из русских зарубежных библиографов выпустил наконец зарубежную «лениниану». Не говорю о материале на иностранных языках. Говорю только о русском.

Советской пропагандой (и подсобной, пятоколонной, иностранной) внушается, что Ленин и гигант и гений. Пусть так. Мы этого не оспариваем. Только это гигантство сродни гигантству прославленных «боссов» подпольного мира, вроде Аль Капоне, и уж, конечно, сродни гигантству и гению Гитлера. Организация Объединенных Наций, эта малоуважаемая международная организация пыталась провозгласить Ленина «великим гуманистом». За полвека, от которого «кровавый отсвет в лицах есть», мы привыкли к разным махинациям. Но мы, русские, знаем, *что такое большевизм,* и что представлял собой Ленин, как человек и политик — это воистину апокалиптическое чудовище, своей революцией убившее 60 миллионов людей в России и покушающееся руками своих последователей, отечественных и всесветных тупамарос, «угробить» еще больше миллионов людей во всем мире.

В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын о Ленине пишет мало. И мало цитирует «гения». Может быть он не хотел чересчур дразнить гусей? Ведь свою замечательную книгу Александр Исаевич писал и написал в рабовладельческой империи Ленина, живя в городе, где стоит постыдный для всякого мыслящего человека МАВЗОЛЕЙ с восковой куклой вождя, куда до сих пор водят стада дураков-туристов и гоняют отечественные «экскурсии» — смотреть на *останки марксизма-ленинизма.*

Когда то французский якобинец Камилл Демулэн (тоже личность вполне кровавая), обращаясь к французам, говорил, что, так называемые, «великие люди» только оттого кажутся им «великими», что они созерцают их, стоя на коленях. «Так, встаньте же!» восклицал Камилл Демулэн. И тут он был, разумеется, прав. Солженицын давно порвал с подобным коленопреклонением. Но сколько людей, как например Рой Медведев

(статью которого об «Архипелаге» мы гостеприимно печатаем), все еще никак не могут встать с колен перед Лениным. А многие из них даже и не хотят встать, считая, что жить на четвереньках удобнее, чем стоять во весь рост. «Четыре ноги — хорошо. Две ноги — плохо», писал Орвел в знаменитом «Скотском Хуторе». Но Александр Солженицын — перед всем миром! — встал во весь рост! Во весь свой богатырский рост!

С умной иронией Солженицын пишет о Ленине: «И хотя В. И. Ленин в конце 1917 года для установления «строго революционного порядка» требовал «беспощадно подавлять попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционеров и других лиц», т.е. главную опасность Октябрьской революции он ожидал от пьяниц, а контрреволюционеры толпились где-то там в третьем ряду, — однако он же ставил задачу и шире. В статье «Как организовать соревнование» (7 и 10 янв. 1918 г.) В. И. Ленин провозгласил общую единую цель «*очистки* земли российской от всяких вредных насекомых». И под «*насекомыми* он понимал не только всех классово-чуждых, но также и «рабочих отлынивающих от работы». (Вот что делает даль времени. Нам сейчас и понять трудно, как это рабочие, едва став *диктаторами* тут же склонились отлынивать от работы для себя самих). А еще... «в каком квартале большого города, на какой фабрике, в какой деревне... нет... саботажников, называющих себя интеллигентами?». Правда, формы очистки от насекомых Ленин в этой статье предвидел разнообразные: где посадят, где поставят чистить сортиры, где «по отбытии карцера выдадут желтый билет», где *расстреляют тунеядца;* тут на выбор — тюрьма «или наказание на принудительных работах тягчайшего типа». И дальше Солженицын продолжает с той же иронией: — «И невозможно было бы эту санитарную очистку произвести... если б пользовались устарелыми процессуальными формами и юридическими нормами. Но форму приняли совсем новую: *внесудебную расправу* и неблагодарную эту работу самоотверженно взвалила на себя ВЧК — Часовой Революции, единственный в человеческой истории карательный орган, совместивший в одних руках: слежку, арест, следствие, прокуратуру, суд и исполнение *решения*».

Тут Солженицын чуть-чуть не прав. Такие «органы» в истории бывали. У Гитлера было Гестапо с «внесудебными

расправами». В 12-м — 15-м веках «внесудебно» расправлялись трибуналы испанской инквизиции. «Органы расправы» существуют у Мао-Тзе-Дуна. А в частном порядке существуют в американском преступном мире, так называемом Organized Crime. Во всяком сообществе, целью которого является грубое насилье над людьми, «органы расправы» рождаются автоматически. Но прав А. И. Солженицын в том, что по территориальному размаху и числу миллионов жертв, созданный Лениным «Архипелаг ГУЛАГ» превзошел в мировой истории всё. Но так как Солженицын о Ленине все же недостаточно, по-моему, говорит, я думаю — надо кое-что сказать об этом человеке дополнительно.

По своей природе Ленин был насильник, маньяк самовластья, маньяк именно — *его* — неограниченной власти. До революции в большевицкой партии он был мало того что диктатор, он был «непогрешим». И когда пришла революция Ленин в октябре полез напролом к власти *своей* партии, то-есть, к *его* власти уже во всей стране. И он захватил эту власть, подмяв под себя немногих из своих еще колебавшихся «не социалистов, а мошенников», как их гениально определил Достоевский в «Бесах». Знаменательно, что основоположник русского марксизма и в этом отношении «учитель» Ленина, Георгий Валентинович Плеханов при известии о захвате Лениным власти, в отчаяньи сказал: «пропала Россия, погибла Россия!». Плеханов, как никто, знал Ленина.

Основатель Чехословацкого Государства Томас Масарик в книге «Идеалы гуманизма» так определял свой социализм: «мой социализм, это — просто любовь к ближнему». Масарик любил и человека и его свободу, он хотел *служить* людям. Поэтому в свое время и был близок к Льву Толстому. Ленина же и его «шайку» — Пелагаеи, Марьи, Иваны, Петры — не интересовали ни в какой степени: ни они, как люди, ни тем паче их свобода. Ленинская шайка в октябре бросилась только к властвованию *над* людьми, к подавлению народа своим ничем неограниченным самовластьем. Конечно, среди большевиков были и, так называемые, «идеалисты», к уголовщине Ленина не склонные. Был старый большевик Ольминский, осмелившийся написать: «Можно быть разного мнения о красном терроре, но то что сейчас творится, это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина». Был большевик Дьяконов, попро-

бовавший напомнить Ленину и его шайке: — «Разве вы не слышите голосов рабочих и крестьян, требующих устранения порядков, при которых могут человека держать в тюрьме, по желанию передать в трибунал, а захотят — расстрелять». Были даже такие, как Тимофей Сапронов, на IX съезде партии крикнувший Ленину — «невежа!... олигарх!». Но все эти, по Ленину, «дурачки» и несмышленыши кончили плохо: раньше или позже их всех расшлёпали несгибаемые ленинские неандерталы.

Я полагаю, что некоторых из читателей, настроенных «прогрессивно», будут шокировать мои слова «шайка» и «уголовные преступники» в приложении к Ленину и ленинцам, которых на языке «научного социализма» надо называть «марксистами». Но что тут поделать, определения эти не мои. «Шайка» — это определение известного левого социал-демократа интернационалиста Юлия Осиповича Мартова (Цедербаума), долголетнего личного друга Ленина, соратника по «Искре». Он был одним из двух социал-демократов с которыми Ленин был на «ты» (второй был Кржижановский). С Лениным Мартов основывал РСДРП. Так вот, еще в 1908 году Мартов писал Аксельроду: «признаюсь, я все больше считаю ошибкой самое номинальное участие *в этой разбойничьей шайке*». А его адресат Павел Борисович Аксельрод, столь же известный основоположник РСДРП, в 1918 году писал о Ленине и ленинцах: «...не из политического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал десять лет тому назад ленинскую компанию, как *шайку черносотенцев и уголовных преступников*... Такого же характера методы и средства при помощи которых ленинцы достигли власти и удерживают ее». Кстати, и Петр Бернгардович Струве определял большевизм, как *черносотенный социализм* и как смесь западных ядов с истинно русской сивухой.

Итак, в приложении к создателю «Архипелага ГУЛАГ» и его палачам я обелен в своей терминологии и Мартовым и Аксельродом. Характерно, что совершенно также характеризует шайку ленинцев выдающийся советский ученый Анатолий Павлович Федосеев, только в мае 1971 года бежавший из Совсоюза. В сборнике статей «Социализм и диктатура» он пишет, что ленинизм привел «к захвату власти проходимцами и подлецами, не стесняющимися в средствах для удержания власти».

Как все люди Запада и американцы не понимают сути боль-

шевицкой шайки, ее натурального волевого импульса. Но американцы это поняли бы, если бы, например, — назвавшись Советским Американским Правительством Рабочих и Крестьян — правительство США в течение пятидесяти с лишком лет состояло из Аль Капоне, Люки Лучиано, Джозефа Бонанно, Франка Костелло, Тони Аккардо, Датч Шульца, Мо Делица, Мейера Ланского, Луи Лепке, Арнольда Ротштейна, Мики Кона и других знаменитостей «организованной преступности». Правда, убийцы с идеологией все-таки всегда будут страшнее убийц без идеологии.

Великий отец католической церкви Блаженный Августин в своем знаменитом трактате «О граде Божьем» (De Civitas Dei) так писал о государстве: «если мы отбросим право и справедливость, то что такое государство, как не большая шайка разбойников? И что такое шайка разбойников, как не маленькое государство?» Эту суть «государства разбойничьей шайки» Ленин превосходно чуял и понимал. И сразу же по захвате власти в России создал жесточайшую систему террора, с годами разросшуюся в небывалый «Архипелаг ГУЛАГ». Дерзайте быть страшными или вы погибнете!

И. А. Бунин в «Окаянных днях» 2 марта 1918 г. записал: «Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это животное!». И Бунин, по-моему, — прав. В Ленине было мало человеческих чувств. Это было именно одноглазое и даже не политическое, а партийное животное с уголовными манерами. И Блез Паскаль, и Владимир Соловьев, и Достоевский считали, что совесть прирождена человеку. К сожалению, думаю, что все-таки не всякому. Есть уроды. В революционном мире всегда было довольно много «моральных идиотов». И Ленин, Сталин, Азеф, Гельфанд-Парвус принадлежат именно к ним, при чем два последние — Азеф и Парвус — тоже были и не без «гениальности» и не без «гигантства». «Морально то, что полезно партии», говорил Ленин. Вот — типично готтентотская мораль. И таких «изречений» основателя «Архипелага ГУЛАГ» — множество. Но, чтоб покончить с темой о Ленине, я приведу только два факта из его биографии, совершенно бесспорно подтверждающих тезу о *полнейшем аморализме* Ленина, ужасающем всякое нормальное сознание.

Во время русско-японской войны Азеф — глава террористической организации партии с.р. и член ЦК партии — брал

на свой террор деньги от японцев. И это ни в коей мере его не волновало. Во время первой мировой войны — через Фюрстенберга-Ганецкого и Гельфанда-Парвуса — Ленин получил миллионы золотых марок от немецкого генерального штаба для антивоенной, разрушительной революционной работы в России. Известный лидер германской социал-демократии Эдуард Бернштейн, разоблачая эту связь Ленина с Кайзером Вильгельмом II, в январе 1925 года в берлинской газете «Форвертс» писал: — «Ленин и его товарищи получали от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной работы... Из абсолютно достоверных источников я выяснил, что *речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше 50 миллионов золотых марок...»*

Ленин, конечно, прекрасно понимал почему ему давали эти деньги, но, как известно, Ленин же сказал: — «а на Россию, господа хорошие, нам наплевать...». Ленину нужна была не Россия, а «Мировая революция» и он брал миллионы от императора Вильгельма II. Ленин брал деньги и тогда, когда государственная власть была уже в его руках, брал, чтобы удержать ее. И немецкие деньги, без которых он не захватил бы власти, не волновали Ленина также, как Азефа — японские. И что же? Он был прав: все сложилось чудесно! Ленин вышел почти сухим из воды. Если попытки разоблачений Ленина начались еще в 1917 году (Алексинский, Бурцев, Временное Правительство), то ведь только почти через полвека, когда Ленин уже давно сладко почивал в своем роскошном мавзолее на Красной Площади, на Западе опубликовали документы немецкого министерства иностранных дел, наконец-то *документально уличавшие* Ленина в получении миллионов от... кайзера. Но кто теперь об этом «неприличии» вспоминает? Даже Объединенные Нации не вспомнили, пытаясь объявить Ленина светочем гуманизма.

В сборнике германских документов под названием «Германия и революция в России», вышедшем в 1958 г. по-английски, есть замечательная телеграмма от 29 сентября 1917 г. германского министра иностранных дел фон Кюльмана о подрывной немецкой работе в России. Фон Кюльман телеграфировал представителю министерства в главной ставке: — «Мы теперь заняты работой в полном согласии с политическим отделом генерального штаба в Берлине (капитан фон Гильзен).

Наша совместная работа дала осязательные результаты. *Без нашей беспрерывной поддержки большевицкое движение никогда не достигло бы такого размера, который оно сейчас имеет. Все говорит за то, что движение это будет расти*». Этот «гений» фон Кюльман оказался чрезвычайно прозорлив. *Движение так разрослось,* что захватило полмира и, в частности, половину Германии господина фон Кюльмана. Если у него есть внуки, они могут помянуть добрым словом «подрывную работу» своего чрезвычайно умного дедушки.

В архитекторе «Архипелага ГУЛАГ», в Ленине была *большая сила.* Сила полного, высшего аморализма, также как в убийце студента Иванова, изувере Нечаеве. И неудивительно, что в то время как революционеры всех мастей шарахались от Нечаева, как от страшного пугала, Ленин очень высоко ценил Нечаева и ставил его на пьедестал *великого революционера.* Именно с Нечаевым и связан мой второй пример полного ленинского аморализма и полной беспощадности.

Известно, что Ленин называл Нечаева «титаном революции», что ленинское положение (1902 г.) — «дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию» — это нечаевская формула. Но я не останавливаюсь на всем психологическом и душевном сродстве Нечаева и Ленина, это увело бы нас далеко от «Архипелага ГУЛАГ». Я приведу только рассказ старого друга и сотрудника Ленина Бонч-Бруевича, с 1917 г. управлявшего у Ленина делами его Совнаркома. В 1934 г. Бонч Бруевич опубликовал то, что говорил о Нечаеве Ленин. Ленин говорил: — «Совершенно забывают, что Нечаев... умел свои мысли облекать в такие потрясающие формулировки, которые оставались в памяти на всю жизнь. Достаточно вспомнить, — говорил Ленин, — его ответ в одной листовке, когда на вопрос «кого же надо уничтожить из царствующего дома?» Нечаев дал точный ответ: — «всю великую ектению...» Да, весь дом Романовых!.. Ведь это просто до гениальности! Нечаев должен быть весь издан... Так неоднократно говорил Владимир Ильич», рассказывает Бонч Бруевич.

Когда в октябре 1917 г. Ленин захватил в России власть, свой восторг от нечаевской «гениальности», от «всей великой ектении» он скоро и хладнокровно привел в исполнение. Ленин зверски умертвил всех Романовых: и царя, и царицу, и всех их детей, и всех великих князей, которые были в пределах

досягаемости, за исключением одного Гавриила Константиновича, жизнь которого Ленин высочайше подарил Максиму Горькому за то, что «буревестнк революции» от оппозиции большевикам перешел к сотрудничеству с большевиками.

Говорят, что из Екатеринбурга голова Николая II-го была доставлена в Москву, в Кремль, Ленину — в банке со спиртом — как доказательство пахану, что его мокрое дело выполнено: — «вся великая ектения» уничтожена.

Ни от каких мокрых дел Ленин не падал в обморок. Вот его телеграмма от 9 августа 1918 г. Евгении Бош: — «Получил вашу телеграмму. Необходимо... провести *беспощадный массовый террор* против кулаков, попов, белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении». — А своему сатрапу Гришке Зиновьеву, председателю балаганной Петрокомунны, Ленин в 1918 г. давал такие директивы: — «Надо поощрять *энергию и массовидность террора*».

Чтобы почувствовать насколько морально гнусны были террористы французской революции достаточно прочесть хотя бы допрос и, так называемый, суд над Марией Антуанетой. Здесь весь их террор — как океан в капле воды. В «Окаянных днях» И. А. Бунин записывает 11 мая 1918 г.: — «...читаю Ленотра. Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий, Дзержинский. Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские». Разумеется. Террор якобинцев был шуточным в сравнении с террорищем Ленина, захватившем одну шестую часть земли, на которой это чудовище и заложило «Архипелаг ГУЛАГ», работающий уже многие десятилетия.

«Архипелаг» — целиком и полностью — вырос из политической доктрины и практики *именно Ленина,* из его отношения к миру и людям. Жаль, что Солженицын приводит только две цитаты из легших на бумагу мыслей Ленина, приведших в своем развитии к «Архипелагу ГУЛАГ». Солженицын приводит известные письма Ленина к своему наркому юстиции Курскому. Солженицын пишет: — «К процессу эс-эров очень торопились с уголовным кодексом: пора было уложить гранитные глыбы Закона! 12 мая, как договорились, открылась сессия ВЦИК, а с проектом кодекса все еще не успевали — он только подан был в Горки Владимиру Ильичу на просмотр. Шесть статей кодекса предусматривали своим высшим пределом рас-

стрел. Это не было удовлетворительным. 15 мая на полях проекта Ильич добавил еще шесть статей, по которым также необходим расстрел... Главный вывод Ильич так пояснил наркому юстиции: — «Товарищ Курский! По-моему надо расширить применение расстрела...» Расширить применение расстрела! — чего тут не понять, — пишет Солженицын, — *Террор — это средство убеждения,* кажется, ясно!... Но вдогонку, 17 мая Ленин послал из Горок второе письмо: — «Т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиально и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и *оправдание террора...* Суд должен не устранить террор... а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире... С коммунистическим приветом. Ленин». — Комментировать этот важный документ, — пишет Солженицын, — мы не беремся. Над ним уместны тишина и размышление».

Да, скажу я от себя, — тишина и размышление нужны, ибо в то время в тиши ленинского кабинета вместо России зарождался — «Архипелаг ГУЛАГ». Но я жалею, что в книге Солженицына нет цитат из Ленина, объясняющих ради какой цели Ленин начал с тотального всеустрашающего террора? Этот террор был нужен Ленину только для того, чтобы удержать над страной, *свою* власть, *свою* диктатуру, которую он для пущей «научности» и для дураков назвал «диктатурой пролетариата». Я думаю, тут уместно восполнить этот некий пробел в книге Александра Исаевича цитатами из Ленина.

Например: — «Речи о равенстве, свободе и демократии в нынешней обстановке — чепуха... Я уже в 1918 г. указывал на необходимость *единоличия, необходимость признания диктаторских полномочий одного лица* с точки зрения проведения советской идеи». И далее: — «...Решительно никакого противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц *нет*... Как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного». И далее: — «...Волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим». И далее: — «Научное

(?!РГ)* понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

В течение десятилетий на Западе многие, так называемые, советологи либерального типа пытались весь терроризм Ленина перевалить на Сталина, на московские «процессы ведьм», на «великую чистку» 1937 г., на «процесс врачей» и т.д. Это была ложь во спасение некой выдумки о, якобы, какой-то «демократичности» Ленина (и при Ленине), которая не только в нем (и при нем) никогда не ночевала, но была глубоко противна ему по природе. Своим «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицын восстанавливает историческую правду. Он пишет: — «Когда теперь бранят *произвол культа,* то упираются всё снова и снова в настрявшие 37-й и 38-й годы. И так это начинает запоминаться, как будто ни ДО не сажали, ни ПОСЛЕ, а только в 37-м и 38-м. Не имея в руках никакой статистики, не боюсь, однако ошибиться, сказав, поток 37-го и 38-го ни единственным не был, ни даже главным, а только может быть — одним из трех самых больших потоков, распиравших мрачные вонючие трубы нашей тюремной канализации».

Большая заслуга Александра Исаевича Солженицына в том, что *именно к Ленину,* ко всему его большевицкому заговору и перевороту он относит закладку страшной машины убийств и ломки человеческих тел и душ.

2. ВОПЛОЩЕНИЕ «ИДЕОЛОГИИ»

«Голубые канты» — одна из сильных глав «Архипелага ГУЛАГ». Общеизвестно положение и Ленина и Дзержинского: «каждый большевик должен быть чекистом». В вопросе о терроре вся головка большевиков — от Ильича до Бухарчика — никогда не фальшивила. «Классовая борьба». Ее очень хорошо называл Н. К. Михайловский — «школой озверенья».

«Устрашение является могущественным средством политики и надо быть лицемерным ханжой, чтоб этого не понимать»,

---

* Известно, что «учение» Ленина называется *«научным* социализмом», хотя всякий дурак должен бы понять, что ничего «научного» здесь нет. И диктатуру (свою) Ленин определяет, как «научную», что является просто уже бредом.

писал Троцкий. «Буквы ГПУ не менее страшны для наших врагов чем буквы ВЧК. Это самые популярные буквы в международном масштабе», писал Зиновьев. «Революции всегда сопровождаются смертями, это дело самое обыкновенное. И мы должны применять все меры террора... Я требую организации *революционной расправы!»,* говорил Дзержинский. «Трибунал, — это не суд, в котором должны возродиться юридические тонкости... Если целесообразность потребует, чтобы карающий меч обрушился на голову подсудимых, то никакие... убеждения словом не помогут. Мы охраняем себя не только от прошлого, но и от будущего», говорил Крыленко. «Мы не отличаем *намерения* от самого *преступления* и в этом *превосходство* советского законодательства перед буржуазным», высссказывался Вышинский. Можно привести такие же морально готтентотские цитаты из выступлений и писаний Сталина, Менжинского, Лациса, Петерса, Урицкого, Кагановича, Микояна, Володарского, Ягоды, Ежова и других членов «шайки». Но я думаю, это излишне.

О психологии «каждого большевика» долженствующего тем самым «быть и чекистом» писалось много, но только Солженицын подал эту тему так, как должно́. Его «голубые канты» живут и незабываемы.

Говоря о таких ленинцах-чекистах, как Абакумов и Берия (этот тип своих подручных Ленин удовлетворенно называл «рукастыми коммунистами») Солженицын пишет: «Они по службе не имеют потребности быть людьми образованными, широкой культуры и взглядов — и они таковы... Им по службе нужно только четкое исполнение директив и бессердечность к страданьям — и вот это их, это есть. Мы, прошедшие через их руки, душно ощущаем их корпус, донага лишенный общечеловеческих представлений... Они понимали что *д е л а* (арестованных, *Р. Г.)* — дуты и всё трудились за годом год. Как это?...», спрашивает Солженицын. И отвечает словами колымского следователя: — «Ты думаешь, нам доставляет удовольствие применять воздействие (это по-ласковому — ПЫТКИ, поясняет Солженицын). Но мы должны делать то, что от нас *требует партия»*.

ПАРТИЯ. Слово сказано. Это и есть та знаменитая нечаевско-ленинская «организация профессиональных революционеров», которая должна была «перевернуть Россию», не

видя ни ее крови, ни ее слез. Она ее и перевертывает 57 лет. Кто? Эти самые «голубые канты» — дети и внуки Ильича, для которых он изобрел особую ленинскую идеологическую инъекцию из марксизма, пугачевщины и шигалевщины. Для изобретения такой «сыворотки» Сталин был мелкотравчат.

Конечно, в чекистских «легендах», в полной вымышленности, так называемых, «преступлений» ничего нового нет. Всякий революционный террор всегда живет такой вымышленностью. Так было у якобинцев. Так было и есть в Китае у Мао Тзе Дуна. Так было и есть в империи ГУЛАГ. Чем же заговорщикам удержать свою власть, как не ужасом?

Вспоминаю статью американского философа Сиднея Хука. К нему пришел известный немецкий поэт, коммунист, его друг Берт Брехт. Это было в дни самого страшного по своей сатанинской вымышленности сталинского террора. Хук естественно спросил Брехта, что он об этом думает? И коммунистическая интеллектуальная знаменитость без запинки ответила: «чем больше они невиновны, тем больше они виноваты». Хук подал Брехту пальто и шляпу. И больше его не видел. «Формула Брехта» определяет всю психологию «голубых кантов».

С порабощением рабочих партаппаратом из ленинской «идеологической инъекции» исчезли признаки марксизма («фабрики рабочим!») После погрома и закрепощения крестьянства («земля крестьянам!») исчезла пугачевщина. Что же осталось от «идеологической инъекции»? Осталось главное, что привело «шайку» к власти — шигалевщина. «Мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю. Полное равенство... Но у рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность... Одно или два поколения разврата теперь необходимо: разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, себялюбивую мразь — вот что надо! А тут, чтобы еще к свеженькой кровушке попривыкли...», — говорит в «Бесах» Петр Верховенский, практик шигалевщины. Недаром о «Бесах» Достоевского Ленин говорил: — «омерзительно, но гениально!». Стало-быть Достоевский что-то — самое нутряное — нащупал в нечаевщине-ленинщине. Конечно, теперешние «голубые канты», все эти разъевшиеся, номенклатурные мурлы и хари снизили шигалевщину с ее интеллигентского уровня

до уровня грубоживотного, разбойного примитива. Они уже гораздо ближе к Федьке Каторжному чем к Шигалеву.

Солженицын пишет: «По роду деятельности и по сделанному жизненному выбору лишенные ВЕРХНЕЙ сферы человеческого бытия, служители Голубого Заведения с тем большей полнотой и жадностью живут в сфере нижней. А там владели ими и направляли их сильнейшие (кроме голода и пола) инстинкты нижней сферы: инстинкт ВЛАСТИ и инстинкт НАЖИВЫ. (Особенно — власти. В наши десятилетия она оказалась важнее денег...) Для людей без верхней сферы власть — это трупный яд. Им от этого зараженья — нет спасенья».

Но все же, конечно, от Ильича Первого и его ленинизма Ильич Второй — Брежнев — не отрекается. Да и не может. Чем же ему было бы *жить?* Даже книгу своих глубокомысленнейших речей он так и озаглавил — «Ленинским курсом». И КПСС и КГБ до сих пор освящены и ославлены именем великого Ленина. Солженицын так пишет об этой единственной, всесильной опоре ленинского государства — о гордости партии — о «голубых кантах»: — «...Ты выше открытой власти с тех пор как прикрылся этой небесной фуражкой. Что ТЫ делаешь никто не смеет проверить, но всякий человек подлежит твоей проверке... Ведь один ты знаешь *спецсоображения,* больше никто. И поэтому ты всегда прав... Все твое теперь! Все для тебя! Но только будь верен Органам! За тебя всегда заступятся! И всякого обидчика тебе помогут проглотить! И всякую помеху упразднят с дороги! Но — будь верен ОРГАНАМ! Делай все что велят... Ничему не удивляйся: истинное назначение людей и истинные ранги людям знают только Органы, остальным просто дают поиграть... Нет, это надо пережить — что значит быть голубой фуражкой. Любая вещь, какую увидел — твоя! Любая квартира, какую высмотрел — твоя! Любая баба — твоя! Любого врага — с дороги! Земля под ногой — твоя! Небо над тобой — твое, голубое!...»

Мартов, Валентинов, Войтинский, Нагловский, и другие хорошо знавшие Ленина, пишут, что к людям Ленин относился «с недоверием и презрением» (Мартов). «Надо ко всем людям относиться без сантиментальности, надо держать камень за пазухой» — вот формула Ленина еще 900-х г.г. (Валентинов). Члены его заговорщической, конспиративной партии рассматривались им, по его собственному выражению, как «партийное

имущество». И ценность этого «имущества» Ленин измерял одним аршином: «полезности».

«Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы вы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый!» Так, в 1907 году говорил Ленин члену Большевицкого Центра проф. Н. Рожкову о Викторе Таратуте, который «по директиве» Ленина подвалился к богатой московской купчихе Елизавете Шмит, чтобы — через постель — получить деньги на большевицкую партию, на Ленина. И Таратута это прелестное и приятное задание Ильича выполнил целиком и полностью. Капиталы Шмит попали-таки в руки Ленина.

Я не знаю, чем кончил Таратута? Но несомненно при Ленине и после него он вполне бы мог быть и на месте Петерса, и на месте Ягоды, и на месте Берии, руководя «голубыми кантами», ибо «заповеди» Таратуты и «голубых кантов» родились из того же бесовского аморализма Ленина. Ленину на его дело были нужны деньги. И он шел на получение их не только «через постель купчихи», но и через настоящие грабежи (с убийствами), чего Маркс как-то не предвидел и чему, кажется, слава Богу, не учил.

В 1906 г. по директиве Ленина его ближайшие подмастерья Коба (Сталин) и Камо (Тер-Петросян) совершили вооруженное ограбление в Чиатури. Из награбленной 21 тысячи рублей 15 тысяч пошли к Ленину, в его «большевицкий центр». Крупные деньги шли от грабежей и позже — от ограбления на корабле «Николай I» и в Бакинском порту. Но самым крупным (просто грандиозным!) ленинским мокрым грабежом (то-есть, с убийствами) было знаменитое в анналах партии ограбление Кобой и Камо тифлисского Государственного банка в июне 1907 года. Тут грабители-марксисты применили бомбы. (Не от этих ли бомб в наши дни бомбы взрываются по всему миру?! Конечно, от этих ленинских!). Бомб было брошено около десяти, были убиты три человека и 50 ранены, зато в кармане Ленина оказались около 300 тысяч рублей (а тогда рубли были золотые!). В 1912 году под руководством, посланного Лениным из-заграницы, Камо ленинцы-бандиты грабанули денежную почту на Каджарском шоссе, при чем были убиты семь казаков. Вот по какой дороге «воля к власти» вела социалистического

насильника Ленина и привела к октябрьской революции и тоталитарной империи «Архипелага ГУЛАГ». Аморализм голубых кантов не упал с неба. Это чистое «учение» Ленина.

Не помню кому в свой последний приезд в Париж (кажется, Адамовичу?) Анна Ахматова говорила, что «Достоевский ничего не понимал в убийстве». У него Раскольников, убив старуху-процентщицу, терзается душевно: «все позволено?» или «не все позволено?» А «у нас», говорила Ахматова, человек убивает 30 человек и вечером с женой едет в оперу. Кто же этот человек? Этот «голубой кант»? По Ленину, это «носитель объективной истины», образцовый большевик-ленинец. Это м.б. Ягода. М.б. Агранов. М.б. Мессинг. М.б. Петерс. Как у «носителя объективной истины» у него и не должно быть от этих убийств никаких охов и ахов. А раз так — то он и едет с женой в оперу освежиться, отдохнуть для завтрашней работы.

В книге Валентинова «Встречи с Лениным», кстати, приведен даже диалог между Валентиновым и Лениным на эту тему: о совести у преступника. «Из ваших слов вытекает, что ни одна гадость не должна быть порицаема, если ее учиняет полезный партии человек. Так легко дойти до 'все позволено' Раскольникова», — говорил Ленину Валентинов.

«Ленин остановился и, засунув большие пальцы за отворот жилетки, посмотрел на меня с нескрываемым презрением. — Все позволено! (сказал Ленин). Вот мы и приехали к сантиментам и словечкам хлюпкого интеллигента, желающего топить партийные и революционные вопросы в морализирующей блевотине! Да о каком Раскольникове вы говорите? О том, который прихлопнул старую стерву-ростовщицу или о том, который потом на базаре в покаянном кликушестве лбом все хлопал в землю? Вам, посещавшему семинарий Булгакова, может быть, это нравится?»

Ленин в марксизме занимал позицию некой якобинской марксятины. Для Ленина старуха-процентщица была не человек, она была — некий схематический знак «классового врага» и убить ее было и можно и может быть нужно. У марксистов такого толка человеческая личность всегда была — «quantité negligeable». Вот из такой ленинской марксятины прямехонько и родился «ленинец», шлепающий 30 человек (потенциальных иль мнимых, не все ли равно) «врагов народа» и после этого

едущий в оперу. Голубому канту — «все позволено». Из этого ленинского «все позволено» и родился «Архипелаг ГУЛАГ».

Кстати, люди близко знавшие Ленина отмечают в его характере приступы ража, внезапного бешенства, злобу, беспощадность, беспринципность и, как пишет Валентинов, «дикую нетерпимость, не допускающую ни малейшего отклонения от его, Ленина, мыслей и убеждений». «Для терпимости существуют отдельные дома», говорил Ленин. В той же книге «Встречи с Лениным» Валентинов рассказывает, что известный большевик и писатель А. А. Богданов, по профессии врач (Бердяев в «Самопознании» пишет — врач-психиатр) в 1927 году говорил Валентинову: — «Наблюдая в течение нескольких лет некоторые реакции Ленина, я, как врач, пришел к убеждению, что у Ленина бывали иногда психические состояния с явными признаками ненормальности».

В Ленине для его партийцев, также как в Гитлере для его партийцев (Der Führer weiss alles!), была воплощена вся истина. И партия шла за Лениным, как за идолом. Бухарин писал, что «Ленин вел партию, как власть имущий». Уже это отдает идолопоклонством. По множеству свидетельств оно и было. Конечно, бывали в ЦК кое-какие «бунты», несогласия. Но все они, как пишет Мартов, были всегда «бунтом на коленях». Когда же кое-кто заходил в своем «личном мнении» слишком далеко, то Ленин действовал очень решительно. Томского за такое «бузотёрство» он немедленно выслал в Туркестан. Г. Мясникова арестовал и сослал на Кавказ, откуда он бежал заграницу. А в Кронштадте без суда расстрелял всех восставших против него коммунистов.

А. Д. Нагловский, старый большевик, хорошо знавший Ленина, бывший первый советский торгпред в Италии, избравший на Западе свободу и ставший невозвращенцем, так описывает «демократизм» заседаний ленинского Совнаркома: — «У стены, смежной с кабинетом Ленина, стоял простой канцелярский стол, за которым сидел Ленин... На скамейках, стоявших перед столом Ленина, как ученики за партами, сидели народные комиссары и вызванные на заседание видные партийцы. Такие же скамейки стояли у стен... на них так же тихо и скромно сидели наркомы, замнаркомы... В общем, это был класс с учителем довольно-таки нетерпимым и подчас свирепым, осаживавшим «учеников» невероятными по грубости окри-

ками... Ни по одному серьезному вопросу никто никогда не осмеливался выступить «против Ильича...» Самодержавие Ленина было абсолютным... Обычно во время общих прений Ленин вел себя в достаточной степени безцеремонно. Прений никогда не слушал. Во время прений ходил. Уходил. Приходил. Подсаживался к кому-нибудь и не стесняясь, громко разговаривал. И только к концу прений занимал свое обычное место и коротко говорил: — Стало-быть, товарищи, я полагаю, что этот вопрос надо решить так! — Далее следовало часто совершенно несвязанное с прениями «ленинское» решение вопроса. Оно всегда тут же без возражений и принималось. «Свободы мнений» в Совнаркоме у Ленина было не больше чем в совете министров у Муссолини и Гитлера».

Тот же А. Д. Нагловский о смерти Ленина пишет: — «Когда Ленин умер, я видел многих видных вельмож коммунизма, которые плакали самыми настоящими человеческими слезами. Плакали не только Коллонтай, Крестинский, Луначарский, но (в самом буквальном смысле) плакали заматерелые чекисты. Любовь партии к Ленину и даже не любовь, а какое-то «обожание» были фактом совершенно несомненным. В Ленине жила идея большевизма».

Естественно, когда этот «самовластительный злодей» умер, партии, воспитанной в его самодержавии, был — как воздух — необходим новый самодержец. Он и пришел в лице Сталина, что с точки зрения бытия партии было закономерно. И Сталин пошел за Лениным, как говорит Солженицын, «точно, стопой в указанную стопу». Так и идет полувековой «Le Massacre des innocents» на глазах всего мира, заражающий своим злом землю. Конечно Сталин превзошел Ленина по числу массово убиенных. И некоторые могли при нем, вспоминая Ленина, говорить: «и злая тварь милее злейшей». Но изуверство всей этой шайки в своей сути одинаково — от Ильича Первого до Ильича Второго.

В «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицын, как искусный хирург, вскрывает всю *анатомию* этой «заплечных дел демократии», показывая *психологию* обслуживающих ее палачей от самой головки голубых кантов до какого-нибудь безымянного лагерного убийцы в небесной фуражке. Аресты, допросы, пытки, тюрьмы, концлагеря, тройки, ревтрибуналы, особые

отделы всё есть в этой страшной уголовной энциклопедии ленинизма.

Солженицын пишет: — «Арестознание — это важный раздел курсов общего тюрьмоведения и под него подведена общественная теория. Аресты имеют классификацию по разным признакам: ночные и дневные, домашние, служебные, путевые; первичные и повторные; расчлененные и групповые... Нет-нет, аресты очень разнообразны по форме. Ирма Мендель, венгерка, достала как-то в Коминтерне (1926 год) два билета в Большой Театр, в первые ряды. Следователь Клегель ухаживал за ней и она его пригласила. Очень нежно они провели весь спектакль, а после этого он повез ее... прямо на Лубянку». ...«Нет, никогда у нас не был в небрежении и арест дневной, и арест в пути, и арест в кипящем многолюдии... Вот вокзал. В пассажирском зале или у стойки с пивом вас окликает симпатичнейший молодой человек: — 'Вы не узнаете меня, Петр Иваныч?'. Петр Иваныч в затруднении: 'Как будто нет, хотя...' Молодой человек изливается таким дружелюбным расположением: 'Ну, как же, как же, я вам напомню...' и почтительно кланяется жене Петра Иваныча: 'Вы простите, ваш супруг через одну минутку...' Супруга разрешает, незнакомец уводит Петра Иваныча доверительно под руку — навсегда или на десять лет!... Граждане, любящие путешествовать! не забывайте, что на каждом вокзале есть отделение ГПУ и несколько тюремных камер...» «Вас в 'Гастрономе' вызывают в отдел заказов и арестовывают там; вас арестовывает странник, остановившийся у вас на ночь Христа ради, вас арестовывает монтёр, пришедший снять показания счетчика; вас арестовывает велосипедист, столкнувшийся с вами на улице; железнодоржный кондуктор, шофер такси, служащий сберегательной кассы и киноадминистратор — все они арестовывают вас, и с опозданием вы видите глубоко запрятанное бордовое удостоверение».

«Всеобщая невиновность, — пишет Солженицын, — порождает и всеобщее бедствие». Это как раз подтверждает формулу Берт Брехта. «Не каждому дано, — пишет Солженицын, — как Ване Левитскому уже в 14 лет понимать: 'каждый честный человек должен попасть в тюрьму. Сейчас сидит папа, а вырасту я — и меня посадят'. (Его посадили 23-х лет)». «...И в Москве начинается планомерная проскребка квартала за кварталом. Повсюду кто-то должен быть взят. Лозунг: 'Мы

так трахнем кулаком по столу, что мир содрогнется от ужаса!' ...Типичный пример из этого потока: несколько десятков молодых людей сходятся на какие-то музыкальные вечера, не согласованные с ГПУ. Они слушают музыку, а потом пьют чай. Деньги на этот чай они самовольно собирают в складчину. Совершенно ясно, что музыка — прикрытие их контрреволюционных настроений, а деньги собираются вовсе не на чай, а на помощь погибающей мировой буржуазии. И их арестовывают ВСЕХ, дают от трех до десяти лет (Анне Скрипниковой — 5), а несознавшихся зачинщиков (Иван Николаевич Варенцов и другие) — РАССТРЕЛИВАЮТ!»... «Или в том же году, где-то в Париже собираются лицеисты-эмигранты отметить традиционный пушкинский лицейский праздник. Об этом напечатано в газетах. Ясно, что это — затея смертельно раненного империализма. И вот арестовываются ВСЕ лицеисты, оставшиеся в СССР, а заодно и — 'правоведы'»... «Удобное мировоззрение рождает и удобный юридический термин: *социальная профилактика*. Он введен, он принят... Один из начальников Беломорстроя Лазарь Коган так и будет скоро говорить: 'Я верю, что лично вы ни в чем не виноваты. Но, образованный человек, вы же должны понимать, что проводилась широкая социальная профилактика»... «Затаились и подлежали вылавливанию также и все прежние государственные чиновники... Некто Мова из простой любви к порядку хранил у себя список всех губернских юридических работников. В 1925 году случайно это у него обнаружили — всех взяли — и всех расстреляли...» ...«Весной 1922 года Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, только что переназванная в ГПУ, решила вмешаться в церковные дела. Надо было произвести и 'церковную революцию' — сменить руководство и поставить такое, которое лишь одно ухо наставляло бы к небу, а другое к Лубянке... Для этого арестован патриарх Тихон и проведены два громких процесса с расстрелами: — в Москве — распространителей патриаршего воззвания, в Петрограде — митрополита Вениамина...»

Говоря о первых сфабрикованных в ГПУ публичных процессах — Промпартии, Трудовой Крестьянской Партии, Союзного Бюро Меньшевиков — Солженицын пишет: — «самые аляповатые детективы и оперы с разбойниками серьезно осуществлялись в объеме великого государства».

«Так пузырились и хлестали потоки — но через всех перекатился и хлынул в 1929-30 г.г. многомиллионный поток *раскулаченных*. Он был непомерно велик и не вместила б его даже развитая сеть следственных тюрем, но он миновал ее, он сразу шел на пересылки, в этапы, в страну ГУЛАГ... Этот поток (этот океан!) выпирал за пределы всего, что может позволить себе тюремно-судебная система даже огромного государства. Он не имел ничего сравнимого с собой во всей истории России... Озверев, потеряв всякое представление о ‘человечестве’, — лучших хлеборобов стали схватывать вместе с семьями и безо всякого имущества, голыми, выбрасывать в северное безлюдье, в тундру и в тайгу... Поток 29-го-30-го годов протолкнувший в тундру и тайгу миллиончиков пятнадцать (а как бы не поболе). Но мужики народ бессловесный, ни жалоб не написали, ни мемуаров... Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту и даже самые горячие умы о нем почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил. А между тем не было у Сталина (и у нас с вами) преступления тяжелее».

«...Поток этот отличался от всех предыдущих еще и тем, что здесь не цацкались брать сперва главу семьи, а там посмотреть, как быть с остальной семьей. Напротив, здесь сразу выжигали только гнездами, брали только семьями и ревниво следили, чтобы никто из детей, даже четырнадцати, десяти или шести лет не отбился бы в сторону: все наподскрёб должны были итти в одно место, на одно общее уничтожение. (Это был ПЕРВЫЙ такой опыт, во всяком случае в Новой истории. Его потом повторил Гитлер с евреями и опять же Сталин с неверными или подозреваемыми нациями)».

Страшно вспомнить, что на Западе в социалистических кругах II Интернационала этот всероссийский крестьянский погром в «15 миллиончиков» человеческих жизней вызвал у некоторых социалистов «научный интерес». О нем писали, как о «новом» социальном эксперименте — коллективизации деревни. К нашему стыду эти ноты раздавались и в русской зарубежной социалистической печати. Впрочем, это вполне увязывалось с «доктриной», с тем, что Маркс и Энгельс всегда говорили об «исконном идиотизме деревни». Но когда Гитлер начал уничтожать приверженцев II Интернационала никто на Западе не написал, конечно, что это «интересный социальный

эксперимент». Запад глубоко виноват перед Россией своим молчанием перед ужасами террора шигалевской шайки.

В конце главы «История нашей канализации» Солженицын спрашивает: — «Объединить ли все теперь и объяснить, что сажали *безвинных?* Но мы упустили сказать, — говорит он, — что само понятие *вины* отменено пролетарской революцией, а в начале 30-х годов объявлено *правым оппортунизмом*. Так что мы уже не можем спекулировать на этих отсталых понятиях: вина и невиновность».

Солженицын прав: в ленинском государстве пытками понятия вины и невиновности стёрты, им нет места, если на «пыточном следствии» арестованному, — как пишет Солженицын, — «будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и привязанного пытать муравьями, клопами, загонять раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие («секретное тавро»), медленно раздавливать сапогом половые органы, а в виде самого легкого — пытать по неделе бессонницей, жаждой и избивать в кровавое мясо».

В 1918 году, защищая свой террор, Троцкий писал: — «Трудно обучить массы хорошим манерам. Они действуют поленом, камнем, огнем, веревкой». Через некоторое время Троцкий на себе самом испытал «дурные манеры» масс, правда, не полено, не камень, не огонь, не веревку, а острый ледоруб, которым сталинский голубой кант Рамон Меркадер размозжил голову этому террористу. «Злом злых погублю».

На XXII съезде Хрущев разорялся о «недопустимых методах физического воздействия». Но это, конечно, был только тактический и безошибочно сильный «ход конем» в борьбе Хрущева за власть. Пытки были при Ленине, были при Сталине. И эпигоны их не отменили. Если отменили «либерально», для Запада, — введение раскаленного шомпола в анальное отверстие, то создали новые страшные пытки в психбольницах, разрушая психически человека впрыскиваниями соответственных химикалий.

От методов физического и психического насилья над человеком, от его ломки и сламывания, ленинская шайка отказаться никогда не могла и не может. Она труслива и (не без оснований) предполагает, что такой отказ приведет к «индонизийскому финалу». «Архипелаг ГУЛАГ» это — героическая

и титаническая попытка борьбы с шайкой путем раскрытия всех ее преступлений против человека. «Тут мой вопль услышат двести, дважды двести человек — а как же с двумястами миллионами?», — пишет Солженицын. И добавляет: — «Смутно чуется мне, что когда-нибудь закричу я двумстам миллионам».

И Солженицын, действительно, закричал двумстам миллионам. Его «вопль» уже услышан в мире и его еще услышат десятки, если не сотни, миллионов. Эхом вопль уже доходит и до родной стороны. Небывалым страданьем — своим — и состраданием к великому страданию всего народа Солженицын духовно победил шигалевскую шайку Ленина. И мне хочется закончить статью такой нотой. Мы — русские и у нас есть Солженицын! В этом — наше, большое счастье!

"Новый Журнал", кн. 115, 1974 г.

ВСЕ ЛИ БЫЛО БЛАГОПОЛУЧНО В ДАТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ?

Известно, что 17-19 октября в Копенгагене, в здании парламента происходило т.н. Международное Слушание Сахарова, задачей которого было «представить на рассмотрение мирового общественного мнения факты нарушения прав человека на территории СССР за последние десять лет». Почему — за последние десять лет? Разве *до этого* советский человек «дышал вольно»? Но пусть так. Слушание все равно надо было приветствовать, как некое, пусть незначительное, но все таки пробуждение совести и разума у либеральной интеллигенции Запада.

Но, к сожалению, даже эта слабосильная попытка открыть глаза на насильническую и кровавую сущность коммунизма натолкнулась на непонятные странности. О слушании нами получена большая документация и есть свидетельства двух лиц, присутствовавших на нем, так что в фактах и в комментарии их мы вряд ли ошибемся.

В первый день слушания произошла одна непредвиденная непонятность. Редактор «Русской Мысли» З. А. Шаховская, привезшая из Парижа текст обращения А. Д. Сахарова к слушанию, отказалась огласить его и покинула зал, заявив, что не прочтет текст Сахарова, если в составе жюри будет оставаться пастор Майкл Вурмбрандт, по приглашению комитета приехавший из Америки.

Пасторы Ричард и Майкл Вурмбрандты известны не только в Америке, как непримиримые борцы против коммунизма. Они ведут большую христианскую антикоммунистическую работу в США, выпускают по-английски ценный документальный бюллетень «Голос мучеников», в котором дается материал о преследовании верующих в коммунистических странах. Кроме того о гонении на христиан (и вообще на верующих) в коммунистических странах — они выпустили много книг и бро-

шюр. К тому же Ричард Вурмбрандт отбыл в тюрьме румынского КГБ (пресловутая Секюритатэ) 14 лет прежде чем вырвался на свободный Запад. Мы глубоко уважаем антикоммунистическую бескомпромиссную борьбу за христианство и свободу пасторов Майкла и Ричарда Вурмбрандтов. И поэтому — в первый момент — мы просто не поверили лежащим перед нами документам, говорящим, что именно пастора Майкла Вурмбрандта З. А. Шаховская, редактор антикоммунистической русской газеты «Русская Мысль», потребовала удалить из состава жюри, отказавшись огласить заявление Сахарова в его присутствии.

Как же отозвались члены Комитета на это заявление З. Шаховской? Увы, — НА ЗАСЕДАНИИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (и в первую очередь, конечно, права свободного слова человека) они насильнически (силой полиции) вывели из зала пастора Вурмбрандта и его жену Джудит. Этот факт, происшедший в «Датском Королевстве», в здании датского парламента, я расцениваю, как СКАНДАЛ И ПОЗОР. Хочу думать, что З. Шаховская не ожидала к какому безобразию приведет ее заявление. Ведь каждому ясно, что Андрей Дмитриевич Сахаров, с именем которого в данном случае было связано заявление З. Шаховской, — никогда бы в жизни не потребовал удалить (да еще полицейской силой!) кого бы то ни было из зала заседания, темой которого были ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. Ведь на это слушание были приглашены даже представители компартии Дании. И против этого никто (и З. Шаховская тоже!) не протестовал. И — правильно! Пусть бы послушали в СВОБОДНОМ мире показания бывших советских граждан!

Признаюсь честно, мотивов зявления З. Шаховской я не понимаю. И полагаю, что она *общественно обязана* всем нам, читателям «Русской Мысли», разъяснить их на страницах редактируемой ею газеты. Кто именно отдал приказание полиции вывести из зала слушания — антикоммуниста, христианина пастора Майкла Вурмбрандта — мы не знаем (очевидно председатель Комитета). Но мы знаем, что вскоре же после его насильственного удаления Комитет «ин корпоре» (поняв безобразие этого факта!) обратился к М. Вурмбрандту с длинным письмом-извинением, текст которого раздавался всем при-

сутствовавшим на Слушании. В этом письме-извинении, между прочим, говорится следующее:

«Уважаемые слушатели! Уважаемый господин Майкл Вурмбрандт!... Случилось нечто, чего мы, организаторы Слушания, не ожидали. Мы пригласили Вас в комиссию, единственной целью которой является — путем задавания вопросов — познать правду и сделать ее достоянием мировой общественности. Официальная пропаганда СССР называет Вас, господин Вурмбрандт, реакционером и мы ни минуты не сомневаемся в том, что нас тоже так будут вскоре называть. Организаторы подчеркивают во всеуслышание, что Вы были нами приглашены и мы приносим Вам публичное извинение за то, что случилось, за то, что Вас удалили из зала Датского Парламента, любезно предоставленного Международному Слушанию Сахарова.

Я объясню Вам причину. Госпожа Шаховская, которая получила на руки речь лауреата Нобелевской премии мира Андрея Дмитриевича Сахарова, обращенную к заседающему Международному Слушанию Сахарова, вышла с ней из зала, заявив, что не прочтет ее, если Вы будете находиться в зале. С ней вместе удалился господин Майкл Бурдо. Их реакцию можно объяснить тем, что они сказали бы, если бы им пришлось сидеть рядом с представителем Датской коммунистической партии, который был приглашен наравне с Вами?

Мы, организаторы Международного Слушания Сахарова (теперь-то мы можем признаться, что нас было не более 10 человек, работавших над подготовлением Слушания на тему нарушения прав человека в СССР в течение целого года, не жалея сил, денег, времени и здоровья) мы должны были действовать вопреки своим убеждениям и удалить Вас из зала, для того, чтобы это чрезвычайно важное для всего мира мероприятие могло начаться. Недоразумения между Вами и госпожей Шаховской возникли не по нашей вине и не нам их устранять. Я уверен в том, что, как Вы, так и Шаховская с Майклом Бурдо пали жертвой дезинформации, распространяемой неведомыми силами.

Я хочу спросить Вас, Майкл Вурмбрандт, о чем-то. Если представители датской коммунистической партии будут сидеть здесь завтра и задавать вопросы свидетелям, как того сами

свидетели желали, откажетесь ли Вы сидеть здесь? Я думаю, что Вы останетесь, так как правда на нашей стороне и нам ли бояться провокационных вопросов? Их вопросы могли бы только помочь свидетелям, а ни в коем случае не повредить.

Мы, организаторы Международного Слушания Сахарова, приглашаем Вас, господин Вурмбрандт, если Вы готовы забыть обиду, Вам причиненную, занять Ваше место в комиссии по расследованию показаний свидетелей...

От имени Комитета: Бернард Караватский».

На следующий день Слушания произошла странность другого порядка. Пять свидетелей — недавно приехавших из СССР — А. Григоренко, В. Балашов, Л. Кавачевский, В. Фейнберг и Б. Шрагин — подали в жюри письменное заявление о том, чтобы на Слушании разбираемые вопросы нарушения прав человека не переходили в «политическую борьбу» против советского режима. Об этих пяти «господах из СССР», по-моему, правильно написал Н. Отрадин в «НРС» (28.11.75), что они боялись больше всего, что «их примут за антикоммунистов». Отметим, что один из «подписантов» уже раньше выступал в зарубежье в этом же духе. В № 108 «Вестника РСХД» Б. Шрагин давал такие советы для успеха и процветания «Вестника». Журнал — «должен обезопасить себя от обвинений в антисоветизме»; «не нужно и в подтексте прятать маниакальное 'Карфаген должен быть разрушен'». От православного направления журнала Шрагин предлагал «Вестнику» отказаться: — «есть, надо признать, основания быть предубежденным против православия». Эта рекомендация Шрагина была бестактна, ибо Шрагин не православный. Другие рекомендации были также странны в своей сути, как странно заявление пяти на слушании Сахарова о правах человека в СССР. Разве бесправие советского человека не порождено природой однопартийной тоталитарной диктатуры? Мне кажется, «подписанты» чего-то не договаривают и делают вид, что не знают определения А. Д. Сахаровым сути «советского общества». Сахаров пишет: — «Именно недостаточным пониманием того, что скрывается за фасадом советского общества, непониманием потенциальных опасностей советского тоталитаризма, объясняются многие иллюзии западной интеллигенции и, в конечном счете, удивительные просчеты и неудачи западной политики» (А. Сахаров.

«О стране и мире», стр. 7). А когда делается самая робкая попытка на слушании раскрыть глаза западной интеллигенции на «опасности советского тоталитаризма», то пять упомянутых «подписантов» своим заявлением пытаются защитить тоталитарный «советский строй» от какой-то «антисоветчины». Что это такое?

Еще более рьяно в Копенгагене ограждала доброе имя «советского общества» г-жа Мария Синявская, прибывшая на слушание из Парижа «вместо своего мужа». Эта госпожа, беспрепятственно совершающая рейсы: Москва — Париж и обратно: — Париж — Москва — Париж, — отвечая на свидетельства о концлагерях бывших заключенных на Архипелаге ГУЛАГ, заявила, что «здесь кидались миллионами», она же заявляет, что по подсчетам ее и ее мужа в советских концлагерях сейчас всего 10.000 человек. В книжке «Сахаров о себе» (А. Кнопф, Нью Иорк, 1974, стр. 19) Андрей Дмитриевич Сахаров, говоря о сегодняшних советских концлагерях, пишет: «я обращаю внимание мирового общественного мнения на эту проблему, которая является жизненно важной для *одного миллиона семисот тысяч* заключенных». Как же называется заявление Синявской?

Бывшие заключенные на Архипелаге ГУЛАГ, выступавшие свидетелями на слушании, утверждали даже, что на сегодня цифра советских заключенных колеблется между 3 — 4 миллионами человек. Г-жа Палатник (Израиль) показала, что только в украинских женских лагерях заключены 10.000 женщин.

Итак, все ли было благополучно в «Датском Королевстве» на слушании Сахарова? Думаю, что далеко не все. Но несмотря ни на что показания большинства свидетелей, бывших советских граждан, — Варди, Маркиш, Панина, Шифрина, проф. Азбеля, Краснова-Левитина, Классена, Бресендена и других дали *потрясающую картину* человеческого бесправия, насилья и террора коммунистической диктатуры. Эти показания должны быть опубликованы книгой на всех главных языках для просвещения людей всего мира о сути т.н. «советского общества».

"Новый Журнал", кн. 121, 1975 г.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

К ПИСАТЕЛЬСКОМУ СЪЕЗДУ В МОСКВЕ

Оказывается, у гражданина Сталина — прекрасный литературный вкус: из всех рабоче-крестьянских писателей СССР ему больше всего нравится пролетарий — граф Алексей Николаевич Толстой. Отменный вкус. С таким выбором Толстого в первые писатели союза согласятся, вероятно, все следящие за российской словесностью.

Исключительно-одаренный мастер русской прозы, блеснувший талантливейшим многотомным романом "Петр Первый", А. Н. Толстой является сейчас едва ли не самым интересным художником из живущих русских художников слова. Во всяком случае занятое им первое кресло внутрироссийской литературы принадлежит Толстому по праву.

Но дело не в этом. Тут подымается интересный побочный вопрос. Как же с этой-то самой, с литературной пятилеткой? Ведь за прошедшие пять лет все Авербахи обещали нам показать "Днепрострой литературы"?! Мы ждали, но вот из волн, долженствующих потрясти мир произведениями пролетарской словесности, вышла единственная и столь знакомая фигура графа Алексея Николаевича Толстого. Для русской литературы это хороший итог. Но для литературного ОГПУ — потрясающее фиаско.

Как это произошло? Почему Алексей Толстой получил вдруг полное признание? В былые времена Толстого подтравливали не только "литературные стукачи" из ОГПУ, на него рявкал сам

Маяковский!

"И пусть не думают некоторые писатели въехать в советскую литературу на белом коне полного собрания своих произведений", — орал Владимир Маяковский на Алексея Толстого. И вот, — ничего не поделаешь, — "инцидент исперчен". Заявив, что он "сам стал себе на горло сапогом", Маяковский наложил на себя руки. А Алексей Толстой въехал в советскую литературу, предварительно выкрасив своего коня в такой интенсивно-красный цвет, что аж за него жутко становится. В конечном счете, Маяковский, разумеется, тоже знал, что дело не столько в лощади, сколько в таланте.

Но оговоримся сразу: не надо думать, что теперешнее выдвижение Толстого на первый план связано с каким-то литературным нэпом, с какими-то литературными свободами. Об этом помину нет. Всё объясняется много проще: Сталин хочет читать "интэрэсные" книжки! И когда пришедшим к нему с "генеральной линией литературы" Авербаху, Безыменскому, Чумандрину Сталин сказал: "Нэинтэрэсно пишете! Нужны интэрэсные книжки!", то и пробил час Алексея Толстого.

За годы жизни в Советском Союзе, кроме интересных вещей, Толстой "левой ногой" написал много халтуры. Но все знают, что Толстой умеет писать и не только "интэрэсные", но даже замечательные книги. В то время как за пятилетку коммунистическая диктатура окончательно задушила невыдержавших более молодых писателей, этот обласканный Сталиным, представитель старшего поколения дал в "Петре Первом" блестящее доказательство своего перворазрядного художественного таланта.

Итак, Алексей Толстой — в фаворе. Он, будто бы даже запросто принят в Кремле. Теперь граф Толстой — "вельможа в случае". И когда он идет по улицам Москвы, былые травители и завистники опрометью бросаются на другую сторону, ибо попасть Толстому сейчас под ноги, всё равно, что, зазевавшись, полезть под колеса курьерского поезда...

Когда Сталину был представлен список писателей, которым предлагалось высказаться о стиле будущего Дворца советов, долженствующего быть построенным на месте взорванного Храма Христа Спасителя, "хозяин" наискось перечеркнул всех, жирно написав одну фамилию: "Толстой". И Толстой разразился в "Известиях" гомерическими подвалами об истинно-пролетар-

ском стиле будущего истинно-пролетарского дворца.

Разумеется, и Толстой на приветы "рабочих и крестьян" отвечает вполне соответственно. Казалось бы, уж если Есенину трудно было "задрав штаны, бежать за комсомолом", то Алексею Толстому "задирание штанов" вовсе не по возрасту. Но, оказывается, наоборот, Толстой и "догнал и перегнал" комсомол.

В промежутках меж подлинным искусством, подлинной прекрасной прозой, Толстой "левой ногой" продолжал писать обо всем, о чем правительству нужно. О Беломорско-Балтийском канале. О каком-то "образцовом" колхозе, где живут и работают сошедшие с ума и еще не совсем сошедшие с ума чекисты. О "мировом вожде" Димитрове. О его старухе-матери. Даже о соломенном кресле, на котором сидела эта старушка...

Мы знаем, что в судьбе русских писателей давно "что-то лежит роковое". Знаем душевную надтреснутость Некрасова между знаменитым "Еду ли ночью по улице темной" и столь же знаменитыми гвоздями на запятках некрасовской кареты. Помним, как Герцен чувствовал себя "публичной женщиной" после униженного письма из ссылки в Третье отделение. Знаем, как перепугавшись, Чаадаев написал "низкое" письмо Дубельту, всячески в нем отмахиваясь от похвалы друга-эмигранта Герцена, а когда друзья недоуменно спросили философа, что же это такое, философ ответил весьма не-философской формулой: — "On tient à sa peau".

Но если для надтреснутого Некрасова, чувствительного Герцена, загнанного Чаадаева всё это были разнообразные душевные драмы, то, будучи беспристрастным, надо сказать, что Алексей Толстой — не из их числа.

Прекрасная фигура графа Толстого, которая была бы так типична, хороша и импозантна даже в сороковых годах прошлого века, не принадлежит никоим образом к ордену русской интеллигенции, пережившему и переживающему много драм. Алексей Толстой — барин, но и барин-то совсем особенный.

Конечно, этот барин и оценит, и поймет любое прекрасное полотно и любую прекрасную новеллу, но вот, например, ходящего по Афинам в дырявом плаще Сократа, радующегося тому, что кругом "так много вещей, в которых он совершенно не нуждается", Алексей Толстой ни за что не понял бы и, вероятно, даже не поверил бы Сократу.

Блестящий писатель, Алексей Толстой больше всего на свете любит примитивные, "негритянские" радости жизни: золотые запонки, шелковые рубашки, "извращенные" галстуки, сладко поесть, вкусно поспать, чтобы ежедневный обед накрывался на тридцать персон, во льду чтоб стояла икра, в ведерках — шампанское, и чтобы рассказывались, конечно, чудесные художественные анекдоты. "Легкую и изящную" жизнь любит Алексей Толстой.

Ну а что там кого-то, где-то прищемили, сослали, посадили, расстреляли, это барина нисколько не касается. Ведь не его же прищемили? Не его расстреляли? Так, стало быть, это и не его дело. Его дело — писать романы. И это он делает первоклассно. А блоковское "О, как паду и горестно и низко" — не для Алексея Толстого. Алексей Толстой не падает. Он ходит. И любит, вообще, твердую почву. Насчет же гражданских чувств барин руководится евангельским положением: — "Несть бо власть, аще не от Бога". И служит советской власти верой и правдой, сидя рядом с рамолисментным Горьким в мягких кремлевских креслах.

Никакой оппозиционностью эти писатели не больны, и правительство ничем никогда не огорчат, никакой фиги, даже в кармане, не покажут. Ну, порасстреляли где-то там в деревнях миллион каких-то безымяных мужиков, не захотевших коллективизироваться; ну взяли за жабры остальные миллионы; ну и черт с ними! "Так и надо", — скажет граф, закусывая с Караханом водку свежей икрой. — "Мой дедушка тоже пробовал взять своих мужиков за жабры, да ничего такого не вышло... Налей-ка мадеры, Карахан". — Вот и всё. А в мадере Алексей Николаевич знает толк, конечно, побольше недотёпы Карахана.

И всё-таки очень хорошо, что Алексей Толстой занял первое литературное кресло, растолкав и отпихнув всевозможную безграмотную бездарь. По крайней мере, в свободное от халтуры время, он даст всё-таки читателям литературу, искрящуюся подлинным даром крупного художника.

Интерес к этой фигуре, с точки зрения русской литературы, содержится в ином. Хочется гадать, кто же кого всё-таки переживет? Коммунистическая диктатура графа Толстого или граф Толстой — коммунистическую диктатуру? Мы не знаем, к сожалению, состояния здоровья Алексея Николаевича. Но объективные данные о состоянии здоровья коммунистической

диктатуры говорят как будто за то, что граф-то Толстой переживет. И за этой возможностью невольно на память приходит фраза другого блестящего, но совсем не похожего на Алексея Николаевича, французского графа Сен-Симона. Этот блестящий человек приказывал слуге будить его не иначе, как возгласом:

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

И вот, когда, верный коммунистической диктатуре, граф Толстой доживет до того самого (выражаясь по-советски) *перевертона,* о котором талантливый советский поэт в подпольном стихотворении пишет: "Дождусь ли я счастливейшего года... увижу ль я в Бутырках наркомпрода и на фонариках российский совнарком", — вот именно в этот момент, когда, возможно, что граф Толстой будет сладко спать (не будет же он, надеемся, с винтовкой в руках, на баррикадах, защищать власть Советов?!), вот тогда, к этой буйно раскинувшейся и, вероятно, видящей сладкий сон, прекрасной фигуре, надо подойти с обязательным сен-симоновским возгласом:

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

"Иллюстрированная Жизнь", Париж, 1934

О КНИГЕ ГЛЕБА СТРУВЕ

Подвести итог русской литературе в эмиграции (почти за сорок лет) — задача ответственная и нужная. Под конец своей деятельности изд-во имени Чехова выпустило о зарубежной литературе две книги: Г. Адамовича "Одиночество и свобода" и отчетную книгу Г. Струве. К сожалению, обе книги — по разным причинам — нужного историко-литературного итога не подводят. "Одиночество и свобода" Г. Адамовича — сборник литературно-критических статей о творчестве нескольких писателей-эмигрантов. Книга — интересная, как все, что пишет Г. Адамович. С ним можно (и на мой взгляд должно!) во многом не соглашаться, но в писаниях Адамовича о литературе есть та бесспорная ценность, что это его, Адамовича, "домэны", это *его право* говорить о литературе, здесь он у себя дома, потому что он человек искусства. Может быть именно поэтому задаче подведения итогов его книга и не служит. А если служит — только отчасти. "Подведение итогов" не дело поэта, эссеиста, критика.

Но "опыт исторического обзора литературы" Струве, казалось бы, естественно должен был выполнить именно эту задачу: подвести инвентарный итог. К ней, как будто, и стремился автор, не претендуя на историю литературы. "Своего беспристрастного историка (зарубежная литература) еще ждет", пишет Струве. И определяет свою задачу так: "зарегистрировать главные факты...", "составить, так сказать, приблизительный

Г. Струве. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Изд. Имени Чехова. Н. И. 1956.

инвентарь...” Но удалось ли это? По моему, нет. Конечно, как *первая сводка* литературных фактов книга будет иметь некоторую ценность. Но все же недостатки ее настолько велики, что от положительной оценки книги приходится воздержаться. Прежде всего ее недостаток, на мой взгляд, — методологический. Если бы автор попросту без затей сделал инвентарно-регистрационный список (какие были писатели, издательства, журналы и газеты, где выходили, когда, какого направления и т. д.) такая работа представила бы большую ценность. Струве частично и дает такой материал. Но, к сожалению, во-первых, его регистрационная работа пестрит такой непонятной неполнотой и неряшливостью (я настаиваю именно на этом слове), что цена ей становится невелика. А, во-вторых, отступая от прямой задачи инвентаризации автор неоправданно перегрузил книгу ”всем понемножку”: и кусками биографий писателей, и ненужными пересказами их произведений, и собственными, малоинтересными литературными высказываниями, и всяческими странными нотациями, поданными в претенциозно-дидактическом тоне. В результате от книги создается впечатление какого-то первозданного хаоса, из чего не родится ни инвентарь, ни тем более литературная критика. Самый же тяжкий недостаток книги — в ее плохом русском языке и невозможном стиле. Чтобы не быть голословным, приведем примеры всех этих недостатков.

При чтении этой книги может иногда показаться, что пафос работы Струве в его исключительной кропотливости. Так, на стр. 330 он дает аккуратный подсчет всех поэтов, печатавшихся в 9-ти книгах журнала ”Числа”. Оказывается — 23. На стр. 333 указывает, что одно стихотворение Анны Присмановой было напечатано под разными названиями, в двух вариантах и в двух журналах. Открытия — не очень большого научного значения, зато казалось бы в столь аккуратных подсчетах — подлинная сила работы. Но вот мы просматриваем составленный Струве список, куда им включены ”не только поэты, беллетристы и критики, но и журналисты, публицисты, ученые, политические и общественные деятели, а также редакторы и издатели периодических изданий”. И тут — на первый взгляд — как будто та же кропотливость. Так, например, мы видим имя В. Самсонова. Кто это? Это рано умерший молодой человек, не успевший нигде

ничего напечатать, кроме первой попытки — крайне неудачного рассказа. И всё. Конечно, весьма похвально — в смысле полноты списка — что Струве включил в него даже Самсонова. Кстати, таких никому неведомых имен в списке очень много. Но почему же наряду с такой "точностью" в списке среди других политических деятелей нет, например, всероссийски известного И. Г. Церетели, автора исключительно ценных воспоминаний о революции. Среди общественных деятелей и писателей нет А. Л. Толстой, автора замечательной книги "Отец" и других литературных работ. Нет гр. С. Паниной. Нет известного публициста и редактора журнала "Соц. Вестник" Р. А. Абрамовича, при чем "С. В." в эмиграции выходит больше 35 лет и вряд ли Струве мог его не заметить? Нет кн. Г. Е. Львова, писавшего в "Сов. Записках". Нет В. Б. Станкевича, автора многих книг, из которых замечательные "Воспоминания" цитируются всеми историками революции и политическими мемуаристами этого времени. К тому же В. Станкевич был редактором первого эмигрантского журнала в Германии "Жизнь", о котором в книге Струве нет даже упоминания. Нет известного актера М. Чехова, автора изумительных по художественности воспоминаний. Нет известных художников — М. Добужинского, А. Бенуа, Рериха, кн. Щербатова. Нет известных с. д. публицистов А. Н. Потресова и Ю. О. Мартова. Нет Е. Брешко-Брешковской, А. Т. Гречанинова, автора "Моей жизни", Ф. И. Шаляпина, автора "Маска и душа", нет знаменитого химика В. Ипатьева, нет С. Л. Бертенсона, проф. В. Сперанского, нет писателя по религиозным вопросам о. А. Шмемана, нет публицистов К. Елиты-Величковского и С. Оболенского. Нет беллетриста Андрея Седых, автора многих книг. Нет известного экономиста С. Шварца, автора книг на русском и иностранных языках. Нет выдающегося театрального писателя и драматурга Н. Н. Евреинова, известных старых журналистов — Неманова, Галича, Василевского (не Буквы), Шутякова, И. Троцкого, нет Б. Оречкина, редактора журнала "Русский эмигрант" и газеты в Прибалтике. Нет публицистов П. Берлина, А. Байкалова, нет А. Шика, автора нескольких книг, Г. Альтшуллера, автора исторических романов, нет музыкальных критиков Сабанеева, Яссера, нет редактора газеты "Время" и автора нескольких книг Г. Н. Брейтмана, писателя по

религиозным вопросам С. Верховского, нет известного лидера "Крестьянской России" и редактора журнала "Знамя России" С. С. Маслова, В. Бутенко, нет редактора журнала "Сеятель" Н. Чоловского, редактора журнала "Часовой" В. Орехова, журналиста Бориса Солоневича, В. Байдалакова, анархистов — Максимова и Карелина. Нет Е. Извольской, И. Сабуровой, Е. Двойченко-Марковой. Нет редактора газеты в Прибалтике Николая Бережанского, журналистов-юмористов Лери (В. Клопотовского), Аргуса (М. Железнова), Аркадия Бухова. Среди поэтов нет Т. Тимашевой, В. Горянского, К. Померанцева, А. Браиловского, Г. Забежинского, Н. Станюковича, К. Славиной, Рогаля-Левицкого. Нет казачьих поэтов — Н. Евсеева и Марии Волковой, стихи которой весьма отмечал В. Ходасевич. Не удостоился попасть в список и славист с мировым именем проф. Р. Якобсон.

Та же странная неполнота постигла писателей и журналистов новой эмиграции. Нет беллетриста Г. Андреева, Юрия Елагина, А. и Т. Фесенко, авторов книги о русском языке, нет С. Юрасова, С. Малахова, Н. Горчакова, поэта кн. Эристова, сотрудника "Возрождения" В. Рудинского, экономиста проф. Богданова, проф. К. Штепы, Б. Яковлева, автора ценной работы о концлагерях, нет беллетриста П. Ершова, Г. Менского, Г. Климова, автора "Берлинского Кремля", проф. Криптона, автора "Осады Ленинграда", П. Пирогова, автора "За курс", нет редактора "Нового Слова" Константинова, нет журналистов Михалевского, Осипова, Градобоева, Прошина, Б. Пряничникова, Сергеева, Кошеновой, нет даже В. Завалишина, с кем Г. Струве полемизировал о собрании сочинений Мандельштама. Я привожу только те имена, что вспомнились.

Теперь о языке книги. Тут следует судить автора со всей строгостью, ибо Струве в своей книге направо и налево дидактическим тоном читает выговоры другим, упрекая и в незнании языка, и в плохом стиле, и в "срыве вкуса", и в "прямой безвкусице", и даже в "грамматической несогласованности". Увы, язык и стиль Г. Струве никак не дают ему права на эти выговоры. Примеров полного отсутствия чувства языка и невозможного стиля в книге так много, что я приведу только самую малую их часть.

На стр. 388 Струве говорит: "Проблема порчи языка стоит в русском зарубежьи очень остро и становится со временем все острей, особенно в Америке, и долг зарубежной печати решительно бороться с этой порчей". Итак, начнем эту "борьбу" к которой призывает Г. Струве. На стр. 12 — "моих студентов... благодарю за помощь, *оказанную ими с библиографическими справками и составлением словаря*". На стр. 16 — Константинополь "был скорее пересыльным *этапом, без пустивших прочные корни учреждений*". Никогда не слыхал, чтобы "этап" мог "пустить корни", да еще "прочные". На стр. 19 — "приведенный выше список... писателей, вложившихся в зарубежную литературу, достаточно внушителен... Правда, входящие в него поэты *не перевешивают* оставшихся в России..." На стр. 75 — "он *участвовал довольно острыми полемическими статьями в томах* "Лит. Наследства"... принял участие в советской полемике *вокруг* Джойса..." На стр. 132 — "последние годы он страдал *от* душевной болезни..." На стр. 215 — "в дальнейшем журнал *последовательно воздерживался от касания к текущей политике...*" На стр. 279 — "Адамович, *прегрешая* против истины..." Может быть — греша? На стр. 317 — "мысли Иванова об умирании искусства, несмотря на *присваиваемое* им Гулем *наименование "манифеста"*, не новы...". Знает ли автор, что значит глагол "присваивать"? Во всяком случае он употребляет его вместо глагола "приписывать". К тому же вряд ли можно *мыслям* приписать *наименование манифеста.*

Упрекая прекрасного поэта Б. Поплавского в незнании русского языка, Струве пишет на стр. 339 — "грубые ошибки *против* языка... попадаются у Поплавского..." Это "*против* языка" очень хорошо в выговоре другому о незнании языка! На стр. 357 — "*Вне* Парижа главным центром зарубежной поэзии была Прага". А в Париже что было главным центром? Автор, вероятно, предполагал сказать *кроме* Парижа. На стр. 370 об одной поэтессе Струве говорит: — "чувство слова и *чутье к языку* в Америке утрачивается обычно еще быстрее чем в Европе". Конечно, не "чутье к языку", а чувство языка, потому что "чутье к языку" вещь поверхностная и может быть даже у иностранца. Но что в Америке русские быстро утрачивают чувство языка, это верно. И Г. Струве тому пример.

Разбирая другие достоинства и недостатки книги, приходится остановиться на критических высказываниях Струве. В противоположность книге Г. Адамовича, где даны литературные силуэты отдельных писателей, в книге Струве этого нет. Здесь — отрывочные, на одной-двух страничках, высказывания о писателях. При чем автор предпочитает больше цитировать или пересказывать то, что о писателе имя рек писалось другими. Так, о Шмелеве — словами Адамовича. О Ходасевиче — словами Вейдле. О Бунине — словами Степуна, и Вейдле, и Адамовича. О Мережковском — словами Вышеславцева и Мочульского. Об Алданове — словами Кизеветтера и Вейдле. И т. д. Метод несложный. Но все-таки кое-где Струве высказывает и собственные критические мысли. И часто они бывают небезинтересны. Но опять таки больше своим стилем и языком.

О Зайцеве (стр. 103) — "Один из ключей к своеобразию его писательского почерка в порядке слов у него, в расстановке им прилагательных, хотя не в этом одном, разумеется, дело". Фраза не очень разрешающая проблему стиля у Зайцева. Зато о творчестве Зайцева в целом Струве говорит много интереснее (стр. 263): — "творчество Зайцева *вызывает на ум* нежный полусвет окутанного дымкой утра. Ничего яркого, резкого, все *немного смазано,* расплывчато". Как творчество Зайцева может "вызывать на ум нежный полусвет"? Да еще "немного смазанный"? По-русски говорят: "приходит на ум", "вызывает в душе", "вызывает в воображении". Автор явно пишет не то, что хотел бы. В смысле проникновения в "глубины творчества" столь же интересно сказано о М. Алданове (стр. 271): — "последняя вещь вообще наиболее слабая из крупных вещей Алданова, и вообще женщины выходят у него гораздо хуже мужчин..." — "критика почти единодушно отметила такую блестящую удачу, как адвокат Кременецкий в "Ключе" и в "Бегстве", это законченное воплощение добродушного и симпатичного пошляка, но удаются Алданову и люди совсем другого склада, более похожие на него самого, вроде Вермандуа в "Начале конца", на котором, впрочем, тоже есть легкий налет пошлости". Не решаюсь комментировать. Но мне все-таки думается, что Струве опять "вызвал на ум" не то, что хотел.

О Бунине (стр. 81): — "он выбрал местом своего более или

менее постоянного жительства городок Грасс в департаменте Приморских Альп, знаменитый центр французской парфюмерной промышленности". Читаешь и не понимаешь, при чем же тут парфюмерная промышленность? Разве она играла какую-нибудь роль в жизни и творчестве Бунина? Если бы это прочел Иван Алексеевич, думаю, слова были бы уничтожающие! О Мережковском (стр. 90) — его "романы *перенасыщены эрудицией и культурой...*" Перенасыщение эрудицией — плохо, но понятно, но что такое — *перенасыщение культурой?* Хорошо об Осоргине: — "в отличие от первых вещей Осоргина роман написан в игривозамысловатом стиле, с игрой сюжетом постоянным ироническим вторжением автора, с элементами "конструктивизма". Очень хорошо об А. Белом (стр. 150): — "Белый был легче, воздушнее, его словесно-звуковую игру можно скорее уподобить *подшвыриванию резиновых шариков"*. В мире известны резиновые мячики (к Белому, правда, никакого отношения не имеющие), но что такое — резиновые шарики, подшвыриванию которых можно уподобить творчество Белого, это не очень ясно. О Берберовой (стр. 173): — "в отличие от большинства молодых поэтов Берберова *обнаруживала наклонность* к вещам более крупного масштаба". Струве, вероятно, хотел сказать "склонность". Но опять сказал иное. И что за "крупные масштабы"? Некоторые высказывания против воли автора звучат анекдотически (стр. 183): — "Айхенвальд стал жертвой несчастного случая и собственной близорукости: его сбил с ног и *смертельно ранил* берлинский трамвай". Ранить может человек, трамваем можно только быть раненым. О Яновском (стр. 295): — "Яновский — медик по образованию, окончил Парижский университет, *а с 1942* года проживает в США". Оставим паспортное "проживает", здесь гораздо лучше это связующее "а", которое стало классическим еще со времен, когда оно связало "бузину" и "дядьку". О Газданове (стр. 294): — "его длинные, небрежно построенные периоды (это Струве пишет! Р. Г.) часто раздражают, его язык *как-то лишен костяка...*" Как может быть язык "лишен костяка" — остается тайной Струве. Упрекая Набокова в "прямой безвкусице" и говоря что ему "не давался безошибочный выбор лучших слов" Струве для доказательства цитирует его самые ранние стихи. Ничего в этом интересного нет. У

какого поэта в его первом сборнике нет промахов и незрелости? Гораздо интереснее, что выговор о неуменьи ”безошибочно выбрать лучшие слова” Струве заключает так (стр. 171): — ”Набоков *интересный случай поэта, развивавшегося прочь от крайнего консерватизма в молодости,* но благодаря своей ранней выучке и дисциплине *твердо державшего своего Пегаса в узде и в самых смелых и неожиданных заскоках его”.* Сказано термоядерно. И вкуса — бездна!

Подобные высказывания о писателях и поэтах, характеризующие книгу Струве, можно приводить в изобилии. Но я думаю, что их все-таки вполне достаточно для справедливого упрека автору в неоригинальности мыслей, нищете стиля и отсутствии чувства языка. Может быть стоит еще отметить часто встречающиеся в книге вульгарности: — ”Осоргин в каком-то смысле попал пальцем в небо”, ”Маковский вложился в зарубежную поэзию”, ”уровень ее огромной поэтической продукции” и т. п. Неприятны читателю и постоянные ссылки автора на самого себя — на заметки и статьи ”автора настоящей книги” и цитирование их. Причем автор ничуть не скупится на комплименты самому себе: ”исключением был автор этой книги” (стр. 284), ”большие критические статьи, которые никак нельзя отнести к заметкам ”восклицательного характера”: — автора настоящей книги и Н. Андреева” (стр. 280), ”в уже цитированной статье автора этой книги мы читаем...” (стр. 286) и т. п. А на стр. 61 мы даже узнаем от автора, что Глеб Струве — поэт ”приобретший некоторую известность”. Согласимся с этим!

В целом эта книга со всеми ее недостатками и ошибками может быть все-таки неким справочником дат, изданий, авторов, издательств. Но только для людей, не живших все эти годы в эмиграции. Для людей же, проведших в эмиграции без малого сорок лет, и знающих ее литературу и журналистику, эта книга — кривое и тусклое зеркало.

”Новое Русское Слово”, 1956 г.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В СССР И НА ЗАПАДЕ

«БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ»

Я хочу поговорить о последней книге А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом». Это будет не какой-нибудь «литературный анализ». Я, слава Богу, не «присяжный критик». Я — читатель, ну — пишущий читатель. И просто хочу поделиться некоторыми мыслями о «Теленке».

Эта книга Солженицына тоже, по-моему, явление монументальное, хотя, разумеется, как всякая книга, и она может вызывать (и вызывает) некоторые «но». Однако в сравнении с ее темой и идеей все эти «но» представляются никчемными.

Одно «но»: — книга, на мой взгляд, длинновата, 629 страниц! Есть повторения. Есть некие «прыжки в сторону», как говорят немцы. Есть места, на мой взгляд, ненужные. Ну, кому, например, нужна литературная характеристика критика Лакшина (страниц на 10!)? Кому-то, конечно, нужна (самому Лакшину в первую очередь!). Но широкому читателю, для которого книга и предназначена — это не нужно, как и другие «прыжки в сторону» от столбовой темы. Растянутость повествования признает и сам Солженицын. «Вот, оказывается, какое липучее это тесто — мемуары, — пишет он, — ...И сам себя проклиная за скучную обстоятельность, трачу время читателя и свое».

Но этот огрех автора заслуживает полного снисхождения. Всякому писателю почти невообразимо себе представить, что своего монументальнейшего «Теленка» Солженицын писал «в передыхе между двумя узлами», то-есть, одновременно «между работой» над столь же монументальным «Августом 14-го» и еще более монументальным, трехтомным «АРХИПЕЛАГОМ ГУЛАГ».

Какие для этого нужны силы? Какая писательская, аввакумовская одержимость? Какая вера в свое призвание, в свой

«социальный заказ», словно данный откуда-то «свыше»: «восстань, пророк, и виждь и внемли!». В приложении к Солженицыну эта избитая но знаменитая строка не звучит неправдоподобием. «Но я писал на каменной кладке, в многолюдных бараках, без карандаша на пересылках, умирая от рака, в ссыльной избенке после двух школьных смен, я писал, не зная перерывов на опасность, на помехи и на отдых — и только потому в 55 лет у меня остается невыполненной всего лишь — 20-летняя работа, остальное — успел».

Мое второе «но» из другой области. Это — язык Солженицына, который я не всегда приемлю и порой дивлюсь: зачем бы это? Конечно, «Теленок» по языку куда проще и «Августа» и «Архипелага». Язык тут, в сущности, почти классический, что продиктовано самим жанром вещи — литературные мемуары (хотя А. Белый и в «мемуарах» говорит подчас так, что читателя берет оторопь!). Но все же и в «Теленке» (пусть редко!), но иногда становишься в святой тупик, а иногда и не «допонимаешь». Зачем, например, понадобилось: — «вередил наутык», «деготный зашлеп» (хотя Ремизову м.б. это и понравилось бы!), «нераскрыв» (существительное), «исполегающий голод», «прогляженные годы», «утонутое положение» и мн. др. Попадаются и иные слова, которые мне кажутся некстати именно в этом литературном жанре: — «маненько», «нехай», «на лешего» и т.д. Да, у нас в Пензенской губернии крестьяне именно так и говорили: «маненько». Но они говорили ведь и «надысь», и «баить» и мн. др. Нет плохих и негодных слов. Разумеется, все слова хороши, но когда встают на свое место. К примеру, как чудесно у Клюева: «мы свое *отбаили* до срока». Но в литературных мемуарах подобные простонародности, по-моему, ни к чему. И меня в этом поддерживает никто иной, как сам Владимир Иванович Даль, знаменитый русский лексикограф и составитель Толкового Словаря, который так любит Солженицын. В 1862 году Даль написал: «языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все, решавшиеся на такую попытку и в том числе, может быть, и сам составитель словаря».

Но, как сказал однажды в Государственной Думе П. А. Столыпин: — «мой язык, как хочу так и говорю!». И Солженицын мог бы мне ответить также. Тем более, что «Теленок»

при всем том — великолепен. И написан своим солженицынским языком — с его выразительностью и своеобразием, которые давно закреплены за Александром Исаевичем. И только за ним. У него своя языковая стихия.

Основное чувство, овладевающее при чтении «Теленка», это прежде всего удивление духовной (да и физической!) *силе* Солженицына. Ведь «Теленок», это — эпопея борьбы одиночки-писателя Солженицына со всей тоталитарной левиафановской властью большевицкого полицейского государства. И писалась хроника этой борьбы не в Цюрихе, не «опустив ноги в холодную воду», где-нибудь в отеле в Альпийских горах. Нет, страшная эпопея этого невероятного духовного сопротивления — всему ленинскому государству — писалась в самой берлоге этой державы-концлагеря, зовущегося — СССР. И борьба Солженицына шла ведь не год, не два, а целых 27 лет! — «от первых стихов на шарашке, первых пряток и сжогов». — «Издали кажется: государством проклятый, госбезопасностью окольцованный — как это я не преломлюсь, когда-то успеваю и в архивах рыться, и в библиотеках, и справки наводить, и писать, и перепечатывать, и считывать, и переплетать — выходят книга за книгой в Самиздат (а через одну и в запас копятся) — какими силами, каким чудом?» — «Как ты мудро и сильно ведешь меня, Господи!», срывается у Солженицына. И этому веришь. «Недаром многих лет свидетелем Господь меня поставил и книжному искусству вразумил». Недаром Господь «вразумил» Солженицына. Думаю даже — с бóльшим основанием чем древнего летописца. Без преувеличения надо установить: *ТАКОЙ* книги в мире не появлялось. И в этом непреходящая историко-литературная ценность «Теленка».

Солженицын подробно рассказывает не только об условиях созданья своих подпольных произведений в СССР, но и об очень осторожной, но целеустремленной борьбе за то, чтоб его писания увидели там свет. Тут большое место занимает вспыхнувшая литературная (а потом и человеческая) дружба с Твардовским, после прочтения им рукописи «Одного дня Ивана Денисовича». Но на истории «Ивана Денисовича», ставшего внезапной литературной сенсацией в России и во всем мире, я не задержусь. Она общеизвестна. Все знают это из

иностранной и из русской зарубежной печати. Фактично, хорошо рассказал об этом и Жорес Медведев в книге «Десять лет после Ивана Денисовича». Я приведу лишь одну подробность из «Теленка», характеризующую Солженицына.

После всей длительной и упорной борьбы Твардовского за напечатание «Ивана Денисовича» в «Новом Мире» и полученного наконец разрешения на это от самого царя Никиты — Солженицына вызвали в Москву читать корректуру. «Пока я сидел над машинописным текстом, — пишет Солженицын, — все это было миф... Но когда передо мной легли необрезанные журнальные страницы, я представил, как всплывет на свет к миллионам несведующих крокодилье чудище нашей лагерной жизни и, в роскоши гостинничного номера я первый раз плакал сам над повестью».

В русском зарубежьи Солженицына многие иконизируют. Я видел даже какие-то не в меру богомазные его портреты. Я понимаю, что это делается из самых лучших чувств: наконец-то, мол, на весь мир заговорил наш, русский человек о правде, да какой человек! И все же, мне думается, иконизация ненужна. Любовь не требует раболепства. Оно убивает любовь. Солженицын — человек, а не иконостас. Правда, Солженицын совершенно особый человек, он — «озвенелый зэк», он — «железный зэк», навсегда слившийся с миллионами своих братьев зэков, погибших на Архипелаге ГУЛАГ. У меня «неисправимо-лагерный мозг», говорит он. И именно тут родилась тайна его силы — «Я воспитан там и это *навсегда*». «Открою вам тайну, — говорит Солженицын Твардовскому, — я *никогда* не выйду из себя, это просто невозможно, в этом же лагерная школа. Я взорвусь — только по плану, если мы договоримся взорваться на девятнадцатой минуте... А нет — пожалуйста нет».

И в борьбе за прорыв своей литературы в публичность, к читателям, сквозь блевотину большевицкого тоталитаризма, у Солженицына было вовсе не только «открытое и гордое противостояние» («выхожу на бой в свой полный рост и в свой полный голос»). Как «озвенелый зэк» Александр Исаевич и придурялся, где нужно, и отпирался, и лицедействовал. Как хорошо, например, он провел встречу в ЦК с вызвавшим его туда всесильным товарищем Пономаревым, «главным души-

телем литературы и искусства». — «Я нарочно приехал в своем школьном костюме, купленном в «Рабочей Одежде», в чиненных, перечиненных ботинках с латками из красной кожи на черной, и сильно нестриженным». И еще ловчее «озвенелый зэк» Александр Исаевич пустил, исконно лагерную «раскидку черемухи», на двухчасовой встрече с еще более вельможным душителем русской литературы, с начальником «агитпропа» и советником по делам культуры у Хрущева — с Демичевым. «По мере разговора он несколько раз мне выкладывал даже без нужды: — 'Вы — сильная личность!', 'Вы — сильный человек!', 'К вам приковано внимание всего мира!» — «Да что вы ! — удивлялся я, — да вы преувеличиваете!»... «Я вижу вы действительно открытый русский человек!», — говорил Демичев с радостью. Я бесстыдно кивал головой. Я и был бы им, если б вы нас не бросили на Архипелаг ГУЛАГ. Я и был бы им, если б за 45 лет хоть один день вы нам бы не врали!». Даже с Твардовским, которого Солженицын любил, и с которым крепко дружил, он никогда все-таки не был «душа на распашку».

После магниевой вспышки литературной славы Солженицына и в России, и на Западе, травля писателя со стороны КГБ не заставила себя ждать. На верхах его «раскусили». И началось «боданье теленка с дубом».

После напечатания рассказов «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка» и нескольких других, Солженицын пробует — правдами и неправдами — через Твардовского и не через него — протащить в печать «Раковый корпус» и в «Круге первом». Но эта борьба уже напрасна. Солженицын не выигрывает ее, на верхах его уже трактуют, как «внутреннего врага», его «маскировка перед полицейской цензурой» разоблачена. Его душит КГБ захватом литературного архива, опутывает кольцом слежки, стукачами. Душит и прямыми действиями и через свой главный филиал — Союз Советских Писателей. Сопротивление Солженицына этой борьбе — невероятно. Он шлет письмо IV-му Всесоюзному Съезду Союза Писателей, в котором говорит: «я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной и скрытой — цензуры художественных произведений». И это письмо — неисповедимыми путями — сейчас же распространяется во

всех странах Запада. Вскоре «теленок» наносит и новый удар: он шлет письмо в Секретариат Правления Союза Писателей СССР, в котором настаивает на опубликовании его «Ракового корпуса» — «безотлагательно»! И это письмо тутже находит путь на Запад. И вот заседание секретариата Союза Писателей, на котором присутствует и Солженицын, и где секретариат делает «попытку публично определить ваше отношение к антисоветской кампании, поднятой недружественной зарубежной пропагандой вокруг вашего имени и ваших писем».

На это «теленок» отвечает еще более отчаянным «боданием». Солженицын шлет новые письма: и в Секретариат Союза СП и заграницу — в «Ле Монд», в «Унита». Его большие вещи уже ушли на Запад и там напечатаны. Ему присуждается Нобелевская премия. Он пишет письма: — в Королевскую Шведскую Академию и в Нобелевский Фонд, открытое письмо министру КГБ Андропову, председателю Совета министров СССР Косыгину, министру внутренних дел Щелокову, обличает письмом патриарха Пимена. И все эти письма тоже уходят на Запад и там печатаются и комментируются. Он дает интервью — «Нью Иорк Таймз», «Вашингтон Пост», «Ассошиейтед Пресс», «Ле Монд, «Тайм». Его уже знает весь мир: Запад защищает (и собственно, правду сказать, спасает!) Солженицына от расправы андроповцев, — разнеся по миру его литературную и человеческую славу.

«Бодался теленок с дубом» не только дает читающему прекрасный, в полный рост портрет Солженицына, как писателя и человека. Книга дает и множество острых зарисовок, — как говорит Солженицын — «верноподданного баранства» (не баронства, конечно!). То-есть — портретов этих «инженеров человеческих душ», которые десятилетиями брюхом приросли к ленинскому тоталитаризму. Тут и — первые среди равных — секретари-канцеляристы ССП: «коренастый, широчелюстный хамелеон» псевдо-драматург Воронков, и «мурло, отчасти комическое» Сартаков, и «отъевшаяся лиса» Марков «с хитреньким мягким полубабьим лицом», и «полканистый» Соболев. Очень хороша сцена, когда эти получекисты-полуписаки («даже не писатели вовсе!», говорит Солженицын) встречают Солженицына и Твардовского, приехавших (по настоянию Твардовского) на разговор о том: как попало заграницу резкое

письмо Солженицына IV-му Всесоюзному Съезду Союза Сов. Писателей.

«Приехали мы в знаменитый колоннадный особняк на Поварской». Сели. «Я спросил, нет ли графина с водопроводной водой — и тут же какая-то потайная дверь раскрылась и горничная из какого-то заднего тайного кабинета стала таскать на огромный полированный стол фруктовые и минеральные воды, потом крепкий чай с дорогим рассыпчатым печеньем, сигареты и шеколадные трюфели (народные денежки...)». Сперва «начался гостиный разговор о том, что это особняк Ростовых, и как его берегут, и как графиня Олсуфьева, приехав из заграницы, просила его осмотреть (со смаком выговаривал Воронков «графиню», представляю, как он перед ней вертелся — и как бы ту графиню вошел (в особняк РГ) расстреливать в 17-м».

Признаюсь, что помимо чувства отвращения к этим портретам чекистов литературного ведомства, засевших (с нуворишским упоеньем, конечно!) в «дом Ростовых», я чувствовал искреннюю жалость к этому прекрасному особняку, охамленному таким отребьем.

Среди зарисовок «верноподданного баранства» в «Теленке» там и тут мелькают: и «изнеженный» международный кагебистский жулик Виктор Луи (по-настоящему — Виталий Левин), «в лагере бывший известным стукачем, а после лагеря внезапно ставший корреспондентом английских газет». И Корнейчук, заявляющий — «своим творчеством мы защищаем свое правительство, свою партию, свой народ; вы тут иронически высказывались о заграничных поездках, как о приятных прогулках, а мы ездим заграницу вести борьбу». И сталинский одописец Симонов, сообщающий — «роман в «Круге первом» я не приемлю и против его печатанья». И Кожевников — «я когда-то первый выступил с опасениями по поводу «Матрениного двора»... «Раковый корпус» вызывает отвращение от обилия натурализма, от нагнетенья всевозможных ужасов... и он неприемлем». И Сурков — «Я тоже читал пьесу «Пир победителей». Ее настроение: — «да будьте все вы прокляты!» И в «Раковом корпусе» продолжает звучать то же».

Это все — главные натурщики «верноподданного баранства» ленинского стада. Есть зарисовка (и не одна) и Кон-

стантина Федина. Вот Твардовский пишет ему письмо «объема в авторский лист» в защиту напечатанья «Ракового корпуса». Ответа нет. А спустя долгое время при встрече с Твардовским — «Благодарю, благодарю, дорогой Александр Трифонович! У меня такая тяжесть на сердце... — А, правда, Константин Александрович, что вы у Брежнева были? — Да, товарищи вокруг решили, что нам надо повидаться. — И был разговор о Солженицыне? — (Со вздохом) Был. — И что же вы сказали? — Ну, сами понимаете, что ничего хорошего я сказать не мог...»

В книге много и «профилей» и «фасов» этих растоптанных мертвых душ, когда-то бывших писателями (а некоторые и талантливыми!). А теперь — руководящих всей ленинской литературной полицейщиной. Сейчас это скорее — персонажи с орвеловского скотного двора.

На фоне этого духовного свинства гораздо интереснее и, если угодно, трагичнее — портрет Твардовского. Солженицын дает яркий и внешний и психологический рисунок этого человека. Оговорюсь (для ясности). Я не поклонник музы Твардовского. Думаю, он был не только не «первый поэт России» (даже Советской), как его величали в хрущевские времена, а вообще поэт был второстепенный. Знаю, что Бунин хвалил «Теркина» за прекрасный народный язык. Но в поэзии дело ведь не в народном говоре. Блок наверняка уступал Твардовскому в этом. Не уступали — Есенин, Клюев, Клычков (кстати прекрасный, но малооцененный поэт, расстрелянный в 1937 г.). Но у этих трех людей кроме «народного языка» было и еще кое-что, что делало их поэтами. Твардовский же не из того теста.

Его портрет интересен иным. Это — высокопоставленный литератор-партиец с глубокой трещиной в душе, ибо был он природно хорошим русским человеком. По-настоящему любил литературу и в царствование Хрущева защищал ее до потери сил. Уж за одно напечатание им (с величайшими трудностями!) «Ивана Денисовича» да простятся ему все его партпрегрешения вольные и невольные.

«Твардовский держался (в редакции «Нового Мира», *РГ*) с достойной церемонностью, однако и сквозь нее сразу поразило меня детское выражение его лица — откровенно детское,

даже беззащитно-детское, ничуть, кажется, не испорченное долголетним пребыванием в высоких слоях, и даже обласканностью трона». Так пишет Солженицын о первой встрече с Твардовским. Дальше, на протяжении лет (и на протяжении всей книги) рассказывается о их (Твардовского и Солженицына) дружеской борьбе. Твардовский, как твердокаменный (пусть либеральный) партиец и член ЦК — с одной стороны борется в верхах (всяким дипломатничанием) за то, чтобы протащить вещи Солженицына в «Новом Мире», а с другой — борется (дружески, но с вспышками гнева) с Солженицыным, стараясь обломать рога «бодливому теленку». Правда, рога у Солженицына мало похожи на телячьи. Уговариваясь поехать с ним в секретариат ССП в «дом Ростовых», Твардовский «настраивает» Солженицына на дипломатический тон, чтобы как-то сгладить резкости и «углы» письма Солженицына Всесоюзному Съезду, заграницей произведшего соответственное впечатление. «Да, не говорите им, что вы боретесь против советской власти!», — уже смеялся он, уже кончал одной из любимых своих шуток».

В изображении Солженицына Твардовский ярок и своим несчастием: гомерический запойный пьяница (как и очень многие «инженеры человеческих душ»). Ну, а чем же залить как не «грозным сиволдаем» великие человеческие горести? Ведь отца Твардовского, работягу-крестьянина «раскулачили» и он где-то в ссылке погиб наверное очень страшной смертью. Ну, а сын? Из-за партбилета и сановной карьеры примирился с этой страшной смертью ни в чем неповинного отца. Из-за партбилета и цекистства Твардовский не мог, не смел взглянуть на мир открытыми глазами так, как внезапно увидел мир Солженицын.

«Ну да, нельзя же сказать, что Октябрьская революция была сделана зря!... ведь если б не революция не открыт бы был Исаковский?... А кем бы был я, если б не революция?», говорил Твардовский Солженицыну. По поводу этой реплики, я думаю, было бы великим счастьем всей России, если б Октябрь не состоялся даже ценой отсутствия в литературе Исаковского. За небытие Архипелага ГУЛАГ — недорогая цена. Конечно, без Октября Твардовский не барствовал бы, «вроде князя Юсупова» или «графа Орлова-Давыдова», на живописной даче Пахра. Но думаю, что и без всяких револю-

ций народные поэты Твардовский и Исаковский всегда нашли бы в России свое место, как находили его до них Кольцов, Никитин, Суриков, Дрожжин и другие. Да ведь и Есенин, и Клюев, и Клычков, и Орешин — все вошли в литературу до революции. И как раз Октябрь уничтожил этих крестьян-поэтов.

Разница в миропонимании Солженицына и Твардовского была велика. Свою духовную свободу Солженицын выстрадал на Архипелаге ГУЛАГ. Твардовский же жил *несвободой* (и своей и чужой). «Я не то, чтобы запретил вашу пьесу («Пир победителей», *РГ*), если б это от меня зависело... я бы написал против нее статью... *да даже бы и запретил...*» И Солженицын добавляет: «когда он говорил недобрые фразы, его глаза холодели, даже белели и это было совсем новое лицо, уже нисколько не детское... Раз вещь была не по нему — отчего и не задержать ее и силой государственной власти? Такие ответы Твардовского перерубали нашу дружбу на самом первом взросте».

Когда дело дошло до романа «В круге первом» Солженицын не без хитринки (он же «озвенелый зэк»!) зазвал Твардовского к себе в Рязань, там читать рукопись. Твардовский и читал ее в Рязани, заливая чтенье «стопцами» коньяка. «С бело-возбужденными глазами, полушутя, полусерьезно этот «сын своей партии» говорил, — «Вы ужасный человек. Если б я пришел к власти — я бы вас *посадил*». — Говорил, конечно потому, добавляет Солженицын, что «как и Хрущев был в довечном заклятом плену у принятой идеологии».

Во время брежневской оккупации Чехословакии горький пьяница Твардовский пытался было отгородиться от этого гнусного подавленья. Но партбилет сделал свое дело. И в «Новом Мире» было-таки напечатано «горячее одобрение» вторжению. «Этот день я считаю духовной смертью «Нового Мира», пишет Солженицын. «Слопала чушка — партия — своего поросенка», скажем мы, вспомнив Блока.

И все-таки за «гнилой либерализм», за печатанье Солженицына партия убила этого человека. У больного уже Твардовского отняли его детище «Новый Мир». «Постепенное «душенье» Твардовского было расчитанной кампанией», пишет Солженицын. В эту кампанию нежданно-негаданно вплелось и напечатание поэмы Твардовского «По праву памяти»

журналом НТС «Посев». «Поэма не ходила по самиздату, Твардовский ее никуда не посылал, не распускал. А вот — появилась... Потрясен, обескуражен, удручен был Твардовский» пишет Солженицын. Твардовский напечатал гневные «протесты» в газетах. Но дело было сделано. И сделано ловко.

В феврале 1971 года Твардовского додушили. Он скончался. А через три года решилась и судьба А. И. Солженицына. Но эти три года «теленок» отчаянно «бодался». И в этой страшной, неравной и напряженной борьбе, в 1973 году КГБ нанес Солженицыну последний, казалось бы, удар. Тщательно захороненную рукопись «Архипелага» гебисты наконец-то захватили. Но КГБ не знал, что борясь не на жизнь, а на смерть, Солженицын успел-таки переправить один экземпляр «Архипелага» на Запад в надежные руки.

Захват «Архипелага» — наиболее трагическое звено в борьбе Солженицына с Андроповым и его «собачьими головами». Арестованную гебистами пожилую женщину, Елизавету Денисовну Воронянскую, на которую по всей видимости навела КГБ первая жена Солженицына, Решетовская, уж тогда «вплотную работавшая» с КГБ, допрашивали непрерывно пять суток. Мы не знаем (и не узнаем) *как* Воронянскую допрашивали, какое «давление» или «воздействие» применяли. Знаем лишь, что Воронянская не выдержала этих пяти суток и указала место захоронения в земле «Архипелага». Казалось бы — полная победа Андропова. Воронянская освобождена. Вернулась к себе. И вот Андропов неожиданно проиграл — Воронянская повесилась. Перед смертью, мечась по квартире, говорила соседке: «Я — Иуда, скольких невинных людей я предала!».

Трагическая кончина Елизаветы Денисовны неожиданно повернула всю борьбу Солженицына и окончательно решила его судьбу. Сразу после ее самоубийства Солженицын дал знак на Запад: печатать «Архипелаг»! «Божий перст, — пишет он, — это ты!... Разве бы сам я решился? Разве понял бы, что *пришло время пускать «Архипелаг»*?... Но перст промелькнул: что спишь ленивый раб? Время давно пришло и прошло — *открывай*!»

Для такого действа нужна была *великая*, могучая душевная сила и *великая* вера. Они у Солженицына были. Конечно,

живя в СССР и выпуская «Архипелаг» на Западе на всех языках, Солженицын твердокаменно был уверен, что кладет свою голову на плаху. Больше того: он знал, что губит этим и любимую жену, Наталью Дмитриевну, и малых детей. Но Наталья Дмитриевна этот его шаг всей душой поддержала. Это был героический жест. Солженицын шел на все. И даже — естественно — переоценивал силу этого жеста. Он пишет: — «должны же они оледениться, такая публикация почти смертельна для их строя».

Разумеется, появление трех томов «Архипелага» на всех языках мира — чрезвычайная неприятность для шайки КПСС. Но к великому нашему прискорбию надо установить, что в «смертельности» выхода «Архипелага» Солженицын глубоко заблуждался. Это — просчет. В наши дни тоталитарный строй охраняется ведь не людьми, а *машинами*. Это в сказочные, баснословные времена королевские, царские, республиканские режимы падали, когда поддерживающие их *люди* отказывали в повиновении. Нынче — *машины* — ни в чем не откажут. Строй, опирающийся на танки, самолеты, бомбы — ядерные, не ядерные, с удушливыми газами и просто разрушительные — для своего смертоносного обслуживанья требуют всего *горсть* людей. А эта горсть (и куда больше!) всегда в полном распоряжении шайки КПСС. И это хорошо знает весь народ, потому и «безмолствует». Знает это и шайка, вооруженная к тому же зверской беспощадностью и наплевательством на все божеские заповеди и человеческие законы. Тоталитарный строй КПСС не взорвешь тремя томами «Архипелага» — это не тридцать атомных бомб.

Почти за 60 лет своей власти ленинская шайка пережила многие удары разоблачений своих преступлений. И выстояла. Даже «колебнутия» не было. Были документальные разоблачения связи Ленина с правительством императора Вильгельма II-го, от которого он получил миллионы золотых германских марок, на которые и делал свой Октябрь. Была речь Хрущева на XX-м съезде о преступлениях времен сталинщины (в которых сам Хрущев играл весьма не последнюю роль). Речь его была международным ударом ошеломительной силы! И что же? Да ровно ничего. О концлагерях и терроре (задолго до «Архипелага») на Западе накопилась большая и страшная

русская и иноязычная литература: книги Кравченко, Солоневича, Марголина, Светланы Аллилуевой, А. Кестлера, Виктора Сержа и очень многих других. Ну, и что? Ничего. Почему? Да потому, во-первых, что политически-влиятельные круги Запада, владеющие всей сетью информации (пресловутая mass media), газеты, радио, телевидение, издательства, в течение полувека *знать правды об СССР не хотели* (*и сейчас не хотят*!). Верно, что после нашумевшего на весь мир казенного антисемитизма КПСС кое у кого из западных интеллектуалов стали чуть-чуть приподниматься веки (как у «Вия»). Но это всего навсего — «чуть-чуть». Поэтому-то и вера Солженицына — свалить тоталитарный строй тремя томами «Архипелага» была, конечно, героической, но, конечно, и дон-кихотской.

Изучая «комплексным методом» психологию и настроения политически-ведущих кругов на Западе, тратя на это несусветные миллионы, шайка КПСС *лучше* чем Солженицын знала всю слабость Запада, ежечасно подтверждающую знаменитую «ленинскую веревку», на которой он предполагал повесить демократии.

После опубликования «Архипелага» в Париже Солженицын был уверен в своем аресте. На сей случай он выработал для себя «правила поведения». Казалось бы, суть ленинской шайки, ее волчью, безжалостную хватку лучше зэка Солженицына не знает никто. Но и в выработанной им тактике автор «Архипелага» просчитался. Солженицын написал записку под заглавием — «На случай ареста»!

«Я заранее объявляю неправомочным любой уголовный суд над русской литературой, над единой книгой ее, над любым русским автором. Если такой суд будет назначен надо мной — я не пойду на него своими ногами, меня доставят со скрученными руками в воронке. Такому суду я не отвечу ни на один его вопрос. Приговоренный к заключению, уже отдав свои лучшие восемь лет принудительной казенной работе и заработав там рак — не буду работать на угнетателей больше ни получаса. Таким образом, я оставляю за ними простую возможность открытых насильников: вкоротке убить меня за то, что я пишу правду о русской истории».

Шайке КПСС необходимо было принимать решение. Споры в Политбюро о Солженицыне могли быть жаркие. Убить?

Запереть снова в концлагерь и там добить? В тюрьму — в Потьму? И — там? В психбольницу? И там впрыскиваниями химикалий довести до помешательства? Все — в их полной возможности. Но убить Нобелевского лауреата, нашумевшего на весь мир, все-таки как-то невыгодно для престижа, хотя бы и гангстеров. И шайка КПСС приняла, слегка рискованное, но по сути дела весьма неглупое решение: выбросить из СССР на Запад: — «Нате! Берите! Вместе с семьей! Со всем архивом! Повозитесь с ним!».

«Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын, А. И.».

На Западе одни по милой наивности и, пожалуй, даже по дурости объяснили этот жест шайки, как «либерализм», другие, как чуть ли не «предсмертный жест разлагающейся диктатуры», третьи, как «страх Кремля перед общественным мнением Запада» (подумаешь! страх! перед кем? перед Фордом и Американским Конгрессом с Мак Говерном, Беллой Абцуг и другими макговернитами? перед Вилли Брандтом с его ленинизированной «социал-демократией»?).

Через стукачей, которых Александр Исаевич знал и не стукачей («информаторов», которых он быть может и до сих пор не знает!) головка ленинцев насквозь знала — характер, волю, взгляды, все мировоззрение Солженицына. Они знали, и то — *что* и *как* Солженицын скажет и напишет *о них* на Западе. Но именно эти — *что* и *как* их не так уж пугали. Почему? Да потому, что шайка знала, непонятную ей, духовность Солженицына, его веру в победу *неразложимой правды*, с неприятием никаких соглашательств, знали и его православное христианство. Они понимали, что такой *солженицынской правды* Запад (именно эти «ведущие», теперешние «лево-либералы») *никогда не примет*. Если б даже и захотели. Просто *не смогут* принять, ибо это и для них ведь нечто вроде приговора к небытию. Шайка в своем предвидении была не беспочвенна. Правильно писал блестящий европеец Сальвадор де Мадарьяга: мир с Брежневым, это война с Солженицыным. Но

Мадарьяга ведь последний из могикан — из европейцев этой породы. И олигархи выбросили Солженицына на Запад.

Как же это было осуществлено? Очень просто. 12 февраля в 17 часов вечера, в квартиру Солженицына обманом и силой ворвались восемь «собачьих голов» Андропова, предъявив постановление о *ПРИВОДЕ* в прокуратуру. Главы, описывающие «выброс» Солженицына на Запад — самые захватывающие. Сначала из дома (полунасильственно) в Лефортово, из Лефортова (полунасильственно) — в самолет, а из самолета уж свободный выход — во Франкфурте на Майне: bitte schön! Солженицын пишет: «Теленок оказался не слабее дуба». Да, «теленок», конечно, очень силен и крепок. Но к глубокому сожаленью, дуб оказался дубом: он по-своему много сильнее «теленка».

«И вдруг от пилотского тамбура сюда в салон команда — громко, резко:

— Одевайте его! Выводите!

...На пороге тамбура один из восьми налетает на меня лицо в лицо, грудь к груди — и от живота к животу передает мне пять бумажек — пятьсот немецких марок. Во-как! Поскольку я зэк — отчего не взять? Ведь беру же от них пайку, щи... Но все-таки джентельменничаю:

— Позвольте... А кому я буду должен?

— Никому, никому.

Исчез с дороги, я даже лица его не отличил, не заметил. И вообще — дорога мне свободна. Стоят гебисты по сторонам... Иду. Спускаюсь... Так и осталась нечистая сила — вся в самолете...»

Конечно, на коре шестидесятилетнего ленинского тоталитарного дуба КПСС «теленок» оставил кое-какие царапины. Для истории даже, пожалуй, довольно серьезные. Но «дуб» о будущих историках не очень беспокоится. Чихал он на них с своей дубовой высоты.

В довольно затянувшейся трагедии сосуществования тоталитарного СССР с демократиями Запада, в этой трагедии «Коварства и любви» (по слову Алданова), идущей шестьдесят лет на мировой сцене, ленинская шайка всегда обыгрывала Запад: — от Ильича Первого до куда более мелкого Ильича Второго. И этот обыгрыш был нетруден, ибо партнеры шайки,

лево-либеральные круги Запада подсознательно (а некоторые и сознательно) только и хотят, по существу, «быть обыгранными», но сохраняя при этом какую-то пустопорожнюю демократическую словесность. Недаром считающийся гениальным лорд Бертран Рассель выдумал для них от всего избавляющую формулу: «лучше быть красным чем мертвым» (better red than dead). И шайка, думаю, была совершенно уверена, что лево-либералы не «выдадут» ее Солженицыну. И во имя либерально-демократической словесности защитят суверенное право шайки на насилия и зверства над народами России. И она пока что не ошиблась.

Сразу после «выброса» Солженицына на Запад какие-то шавки в русской печати в Израиле записали: «Солженицын — антисемит». И тут же, в американской печати откликнулись уже дипломированные «либералы», развивая эту «тему». Солженицын — «реакционер», «адвокат холодной войны», «шовинист», «сторонник авторитарного строя», «враг свободы и демократии». А Солженицын, как всем на зло, пишет то о «русском национальном самосознании», то о значении в будущей России роли «православной русской церкви», то о великих реформах Александра II-го, то осмеливается сравнивать дореволюционную Россию с ленинским крокодильим «Архипелагом ГУЛАГ». Но ведь это же у лево-либералов запретные и даже «неприличные» темы.

Лево-либералы Запада разрешают и даже поощряют высказывания о росте негритянского, китайского, израильского, арабского и других национальных самосознаний. Но — русского? Это уж извините! На этом — шестидесятилетнее табу. А уж если эта тема в широкой печати и затрагивается, то обязательно вульгаризируется и проституируется переводом в «реакционность», «шовинизм», «черносотенство». И мы видим, как ловкими искажениями, эта mass media — газеты, радио, телевидение — хочет пришлепать на спину Солженицына именно такой «бубновый туз», ошельмовав его, как политическую персона нонграта.

РЕЧИ В АМЕРИКЕ

Первое большое политическое выступление А. И. Солженицына на Западе — три его речи в Америке: две в Вашингтоне

и одна в Нью Иорке. Как хорошо, что в США его пригласила не Белла Абцуг (в будущем, по-моему, роскошная американская Евгения Бош), не Элизабет Хольцман (в будущем, по-моему, роскошная американская «Землячка»), не коленопреклоненный перед вьетконговскими чекистами Мак Говерн и не «друг» северо-вьетнамских ленинцев Рамзи Кларк, ездивший к ним неизвестно на какие «переговоры» в то время как вьетконговцы убивали зверскими пытками американских военнопленных. Солженицына пригласила самая политически и духовно здоровая и самая численно могущественная организация Общеамериканского профсоюзного объединения АФЛ-СИО, во главе в Джорджем Мини, старым, стойким защитником социальной справедливости и политической свободы человека.

И хорошо, что обращаясь в Вашингтоне не к политически марксизированным, волосатым левым интеллектуалам-снобам, а к американским трудящимся, к «молчаливому большинству» страны Александр Исаевич начал свою первую речь словами — «Братья! Братья по труду!»

Каждый, прочитавший «американские» речи Солженицына будет вынужден признать, что они блестящи. И по проникающему их чувству глубокой человечности, и по разносторонней политической осведомленности, и по глубине мысли и, наконец по ораторской форме. Эти речи были прямым и сильным ударом по анти-антибольшевизму лево-либералов, американских и западно-европейских.

Разумеется, речи Солженицына это не речи политика (хоть они и политические по содержанию). Это скорее проповеднические речи человека, остро чувствующего надвигающееся на мир апокалиптическое землетрясение. «И вышел конь бледный...». Если Блоку в начале века было — «утром страшно раскрыть лист газетный», то тогдашние страхи Блока — детские по сравнению с сегодняшним даже не страхом, а — мировым ужасом, к которому мы «более или менее» начинаем привыкать, головокружительно несясь в какую-то чертову пропасть вместе со всей нашей «культурой» и «цивилизацией».

«Именно потому, что я друг Америки, именно потому что дружеские чувства вызывают эту речь (аплодисменты), я и пришел сказать вам: Друзья мои, я не буду говорить сладких слов. Положение в мире не просто опасное, положение в мире

не просто угрожающее, положение в мире ката-стро-фическое!» (аплодисменты).

Как же реагировали на это лево-либералы? Как обычно. Передержками, извращеньями, а иногда ложью. «Солженицын вещает, как пророк Ветхого Завета. Но Сов. Союз и наша страна имеют все основания, чтобы продолжать детант для достижения мира». «Солженицын проповедует возвращение к холодной войне самого непримиримого стиля». А один левак в известной американской газете написал: «Бессмыслица остается бессмыслицей, даже если она высказана Солженицыным». Но посол США при ООН Даниель Мойнихен с этим развязным заявлением, оказывается, не согласен. Он признал правильной оценку Солженицыным мирового положения: «положение не только пугающее, не только угрожающее, оно катастрофическое», сказал Мойнихен.

«Коммунизм никогда не скрывал, что он отрицает всякие абсолютные понятия нравственности. Он смеется над понятиями добра и зла, как категориями несомненными... Он успел заразить весь мир этим представлением об относительности добра и зла. Сейчас считается в передовом обществе неудобным употреблять серьезно слова «добро» и «зло». Коммунизм сумел внушить, что это понятия старомодные и смешные». — «Коммунизм это прежде всего — *античеловечность...*» — «Я напомню, что великий Вашингтон не соглашался на признание французского Конвента из-за его зверств», — говорил Солженицын на банкете АФЛ-СИО.

И дальше: — «Нравственность всегда права. И эту точку зрения покинуть нельзя. Надо душой и сердцем это принять... И вместо того, чтобы вести низкие, мелкие и недалекие политические расчеты и игры, надо отдать себе отчет: вот концентрируется Мировое Зло огромной ненависти и силы. Оно растекается по земле и надо стать *против* него, а не спешить подавать ему все, что оно хочет съесть...» (аплодисменты).

В своей речи Солженицын цитирует высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, обосновывающие систему убийств — систему террора. Он приводит (известные русским, но не американцам) цифры — по советским документам — что «в 1918-1919 г.г. ВЧК расстреливала без суда *больше тысячи человек в месяц*!» «...А в расцвет сталинского террора в 1937-38 г.г.,

если мы разделим число расстрелянных на число месяцев, мы получим *более 40 тысяч расстрелянных в месяц*!». Переходя к сегодняшнему времени Брежнева Солженицын говорит: — «у нас десятки тысяч человек политзаключенных и по подсчету английских специалистов *семь тысяч человек в принудительном психиатрическом лечении*». — И Солженицын восклицает: — «Коммунистические вожди говорят: не вмешивайтесь в наши внутренние дела, дайте нам душить спокойно... А я говорю вам: «внутренних дел» не осталось на нашей тесной планете... Пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела. Мы просим вас — вмешивайтесь!» (аплодисменты).

На банкете американских профсоюзов дружественные аплодисменты взрывали речь Солженицына. Но это — не Белый Дом и не Государственный Департамент. Белый же Дом в лице президента Форда и государственного секретаря Киссинджера, к сожалению, отнеслись к Солженицыну именно так, как того хотела шайка КПСС «выбрасывая» Солженицына на Запад.

Общеизвестно — Форд отказался притти на банкет профсоюзов и не захотел принять Нобелевского Лауреата А. И. Солженицына в Белом Доме. Почему? Да, оказывается, только потому, что Александр Исаевич «человек не вполне уравновешенный» и к тому же страшный бизнесмен, желавший использовать этот прием, как рекламу, «для продажи своих книг». Такие резоны, согласно печати, выдвинул всесильный сторонник детанта, государственный секретарь и председатель совета национальной безопасности мистер Киссинджер, эта неудачная каррикатура на всесильного лорда Биконсфильда. На эти неумные и постыдные аргументы хорошо ответил писатель Роберт Мэсси, автор известной книги «Николай и Александра». В письме в «Нью Иорк Таймз» Мэсси пишет: — «Мне представляется, что один аспект постыдного отказа президента Форда приветствовать Нобелевского Лауреата Александра Солженицына заслуживает особого внимания. Согласно «Нью Иорк Таймз» от 3 июля, некоторые сотрудники Белого Дома выссказались против встречи, подняв вопрос о «психической уравновешенности» г-на Солженицына. До сих пор подобные утки, применяемые ко многим советским писателям и гражда-

нам, вызывающим недовольство режима, были особой принадлежностью КГБ. То, что они исходят теперь от американцев из Белого Дома — чудовищно. Можем мы просить, чтобы эти анонимные сотрудники были названы и чтобы от них немедленно потребовали покинуть дом, который, как американцы все еще надеются и верят, принадлежит нам, а не КГБ».

Поставившему президента Форда в постыдное положение Киссинджеру ответил не один Роберт Мэсси. В Америке не умер еще дух подлинной, джеферсоновской свободы! Известный публицист, автор многих книг Джон Рош (John P. Roche) в большой ежедневной газете «Norwich Bulletin» напечатал еще более резкую отповедь Форду и Киссинджеру под не очень лестным для них названием — «Форд и КГБ». Пытаясь, но весьма неуклюже, как-то выйти из своего не только стыдного, но и двусмысленного положения, Киссинджер заявил на пресс-конференции: «Если я правильно понял мысль Солженицына, то он считает, что США должны проводить агрессивную политику, чтобы положить конец советской системе». Эта самозащита Киссинджера была лжива. Ничего похожего А. И. Солженицын не говорил и сказать не мог. О дорогом сердцу Киссинджера «детанте» Солженицын сказал: — «То, что называется «детант» — это есть *ослабление* туго натянутой веревки... А я бы сказал — нужна *открытая ладонь*. Нужны такие отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, чтобы не было обмана в вооружении, чтобы не было концентрационных лагерей, чтобы не было психиатрических домов для здоровых. Чтобы не сжимались горла женщин от слез. Чтобы прекратилась эта вечная идеологическая война, которую против вас ведут. Чтобы такое выступление, как мое сегодня, не носило характера исключительности... И вот это и была бы, как я называю *«открытая ладонь»*! (Аплодисменты). И еще: «Разрядка нужна или нет? Не только нужна. Она нужна как воздух! Это единственное спасение Земли, чтобы вместо мировой войны произошла разрядка. Но разрядка истинная».

На неправду Хенри Киссинджера хорошо ответил сенатор Хенри Джексон, будущий демократический кандидат в президенты. Он сказал: «Печально, что государственный секретарь избрал мишенью для нападок большого, хорошего и смелого

человека — Александра Солженицына, неправильно представляя его взгляды и именуя его угрозой всему миру. Если бы Киссинджер и Форд встретились с Солженицыным вместо того, чтобы съеживаться от страха перед советской реакцией на такую встречу, они бы узнали, что все что требует Солженицын, это — *детант без иллюзий*... Не для того наша страна просуществовала двести лет, чтобы главный выразитель ее внешней политики становился на сторону советских правителей против американской преданности свободе». С резкой отповедью Киссинджеру выступил и сенатор Джеймс Бокли, выражая удивление, что «детант вынуждает президента самой могущественной нации свободного мира избегать встречи с самым красноречивым защитником ценностей свободного мира... О реальности нашей внешней политики детанта президент может узнать от Александра Солженицына значительно больше, чем от государственного секретаря». Против Форда и Киссинджера с хорошей статьей «Форд и Солженицын» выступили известные журналисты Эванс и Новак: «Отношение президента Форда к Солженицыну показало... отсутствие хорошо информированной политической консультации, недостаток политического чутья, неуклюжесть объяснений и просто плохие манеры... Не сыграло ли тут роль влияние вездесущего Киссинджера, одновременно сидящего на двух стульях: государственного секретаря и советника по вопросам национальной безопасности... Киссинджер слишком привык к тесному сотрудничеству с Брежневым и другими советскими лидерами...» И наконец даже «Нью Иорк Таймз» (этот центральный бастион анти-антибольшевизма и левого либеральства) оказался вынужден так высказаться в одной из передовиц: «Пожалуй, никогда еще... общественность не была столь плохого мнения о президенте, как после недавнего непредвиденного столкновения с Солженицыным. Все началось с открытой лжи, что у президента нет времени, чтоб встретиться с наиболее выдающимся из ныне живущих русских поборников свободы. После этого государственный секретарь Киссинджер обвинил Солженицына в том, что он стоит за агрессивную антисоветскую политику, которая, если она будет принята США, вылилась бы в угрозу военного конфликта. Позиция Солженицына ясна: он высту-

пает против нынешнего «детанта», который является ничем иным, как чистым обманом».

После этого справедливого взрыва стыда у американцев за бестактное, трусливое и неумное поведение Форда, по указке всесильного и всемогущего Киссинджера, друга советского посла «Анатоля» (Добрынина) — между президентом США и Солженицыным произошел последний раунд, моральным победителем из которого вышел не президент. На неуклюжие увертки и отбои Белого Дома, что президент хочет видеть Солженицына, что президента неверно поняли, что приглашение остается в силе, что он готов принять Солженицына — «озвенелый зэк» ответил полным достоинства заявлением в печати:

«С тех пор как я второй уже раз уехал из Вашингтона, в печати было много сообщений, что Белый Дом переменил свое решение: меня хотят видеть. Но среди многих противоречивых объяснений, почему эта встреча не состоялась раньше, было и такое: что президент Форд предпочитает «существенные» встречи, а не «символические». Я вполне разделяю эту точку зрения: символические встречи никому не нужны.

На-днях президент Форд уезжает в Европу, чтобы подписать (впрочем заодно с руководителями западноевропейских государств) *предательство Восточной Европы*: официально признать ее рабство навсегда. Вот если б я имел надежду отклонить его от этого договора — я и сам добивался бы встречи с ним. Однако такой надежды нет. Если тридцатилетний разгул тоталитаризма президент приводит, как образец *мирной* эпохи — то какова почва для разговора?

А. Солженицын, 21 июля, 75 года»

После «боданья теленка с дубом» началось «боданье теленка с Фордом». На это «боданье» Форд реагировал немедленно. Белый Дом выпустил сообщение, в котором подчеркивал, что совещание в Хельсинки «никоим образом не означает юридического урегулирования границ в Восточной Европе». Такое сообщение надо считать вполне юмористическим, ибо никаких «юридических урегулирований» ни Ленин, ни Сталин, ни Гитлер никогда не признавали, также как и Брежнев и вся теперешняя шайка КПСС. Хельсинки Брежневу были нужны, как угроза и как пропаганда. И он это от Запада (в особен-

ности от мистера Киссинджера!) получил. Интересны сообщения некоторых газет о том, что в Хельсинки Форд отклонил приготовленную для него Киссинджером речь «из-за ее мягкости». Может быть все-таки повлиял А. И. Солженицын? Киссинджер, как пишут газеты, хотел дать Брежневу какие-то бо́льшие авансы, с которыми Генсек мог бы приятнее возвратиться в Москву. А что касается «юридических урегулирований», то советские газеты уже пишут, что декларация в Хельсинки «должна стать в международных отношениях законом(!!), который никем не может нарушаться». Хорошо бы было устроить «международные курсы по ленинизму» для западных президентов, премьер-министров, министров иностранных дел и пр. На них преподавать могли бы знатоки и теории и практики ленинизма: — А. И. Солженицын, А. Г. Авторханов, Б. К. Суварин и многие другие. Ведь горе мира в том, что ни один ответственный западный политический деятель никогда — «ни при какой погоде» — не держал в руках *поучительнейшие* произведения Ильича!

Когда то — еще во времена прежнего президента — проф. Глеб Струве в печати назвал Киссинджера «злым гением Никсона». Я с этим согласен. «Злым гением» Киссинджер остается и при Форде. На нашей памяти Невиль Чемберлен своим миротворческим зонтиком подтолкнул Европу к захвату ее Гитлером. Киссинджер может оказаться куда опаснее Чемберлена. Своей политикой иллюзорного детанта он может свалить не только США но весь мир в подвалы мировой Лубянки. Кто-нибудь скажет: преувеличение! Но разве не этот господин — спустил «на тормозах» Южный Вьетнам (а с ним и Камбоджу!) в подвалы вьетконговской и кхмер-ружской ЧК? К тому ж еще получил за это Нобелевскую «премию мира» в 75.000 долларов и пока что ее не возвратил, как «ошибочно присужденную».

Сейчас на очереди Израиль. Я вполне сочувствую демонстрантам-евреям, идущим по Иерусалиму с плакатами: «Доктор Киссинджер, вы не получите еще раз Нобелевскую премию ценой нашей крови!». Но кто знает? Может быть и получит — за «мир» на Среднем Востоке.

Мы помним Мюнхен. Помним, в Париже засыпанного цветами Даладье, привезшего из Мюнхена мир с Гитлером «по

крайней мере для нашего поколения». Чтоб американцы опомнились нужен ошеломляющий Перл Харбор. Всякий тоталитаризм — и коричневый и красный — укрощается только *СИЛОЙ*. Солженицын в «Теленке» пишет: «Я удивляюсь, что за полвека весь мир не видит этого простейшего: только силы и твердости *они* боятся, а кто им улыбается да кланяется — тех давят». Когда умер Фостер Даллес, доктрина которого была — переговоры «с позиции силы» — Хрущев после официальных соболезнований сказал: «Он был наш враг, но он был сильный человек, а мы сильных людей уважаем». Хрущев иногда говорил откровенные и интересные вещи.

Судьба Солженицына на родине, где он «бодался с дубом КПСС» была трагична. Не легка она будет и на Западе, застигнутом «ночью Рима». Жизнь Солженицына на Западе будет духовно тяжка потому, что и здесь он будет «бодаться» за человека, но уже в глобальном масштабе. Может ли Солженицын выиграть такую борьбу? Сомневаюсь. Но дай ему Бог духовных и физических сил для нее, даже если он ее не выиграет, даже если в его «выбросе» с родины шайка оказалась бы права.

"Новый Журнал", кн. 120, 1975 г.

КНИГА ЖОРЕСА МЕДВЕДЕВА

От этой книги Жореса Медведева я не мог оторваться. Почему? В чем ее «магнетизм»? Казалось бы многое из биографии А. Солженицына и из истории напечатания и запрещения «Одного дня Ивана Денисовича» мы знаем. Но во-первых, многого, что рассказывает Жорес Медведев и о Солженицыне, и о его повести, и об А. Твардовском, и о многом другом — мы не знали. К тому же «магнетизм» этой книги и в том, как она написана. Она написана с предельной простотой, а главное — очень искренне. Искренность же автора всегда сильнее всего передается читателю и его захватывает. В книге Медведева ничего поддельного нет, она из благородного металла искренности.

И когда с этой искренностью, умом и талантом автор «дает картину некоторых общественных явлений минувшего десятилетия» (как пишет в предисловии Медведев) — то картина эта по своему значению перерастает и биографию Солженицына, и его «Один день», и отчаянную борьбу за литературу А. Твардовского, ибо из множества фактов сообщаемых автором — встает картина всей страшной действительности Совсоюза, где правящая мафия подвергает пробующую освободиться русскую интеллигенцию и моральной и духовной пытке, а порой и физическому уничтожению.

Как встретились Солженицын и Медведев? Они встретились в попытке обрести свободу творчества. Первый — в художественной литературе. Второй — в литературе научной. Солженицын восстал против превращения русской литературы в партийно-пропагандный заказ. Медведев восстал против коммунистического мракобесия в науке, выступив против известного полунеуча-полугепеушника, шарлатана Трофима Лысенко, в течение лет поддерживаемого всей безграмотной головкой

Жорес А. Медведев. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Издание исправленное. Изд-во Макмиллан. Лондон. 1973 (223 стр.).

КПСС, физически убившей некоторых ученых противников Лысенко (акад. Вавилов) и духовно убивавшей русскую науку. И когда на Медведева за его смелое выступление обрушились аппаратчики (и ученые и неучи), один единственный человек во всем Совсоюзе морально поддержал его. И это был — Солженицын. Так встретились, познакомились и подружились эти два — свободных человека. Письмо Солженицына было «единственным полученным мной письменным откликом... но и одно это письмо было достаточной поддержкой, чтоб не терять веру в силу солидарности», пишет Медведев. В своем письме Солженицын писал Медведеву: «искренность, убедительность, простота, верность построения и верно выбранный тон — выше всяких похвал».

Спокойная по тону, без единого описания какого-нибудь «ужаса», книга Медведева оставляет в читателе гнетущее чувство. Потому, что на множестве фактов показывает страшное подавление пробуждающейся к свободе России. Эта ищущая свободы Россия — Андрей Сахаров, Александр Солженицын, Анат. Марченко, Владимир Осипов, Игорь Огурцов, Лидия Чуковская, Владимир Буковский, Надежда Мандельштам, Александр Галич, Юрий Галансков, сюда же надо отнести и священников Глеба Якунина, Николая Эшлимана, епископа Гермогена и множество других людей, во многом духовно совершенно разных, но одинаковых в стремлении к свободе мысли и к защите человека от беззакония мафии.

Медведев сообщает жутковатые подробности о главлите, этой «в значительной степени секретной и междуведомственной организации», действующей на основании пресловутой «Инструкции о печати». Страшны подробности «хождения по мукам» Солженицына из-за его «Одного дня». Когда эту повесть Твардовский выдвинул на соискание ленинской премии, кто осуществлял директиву партии: — никак не допустить присуждения премии Солженицыну? Этим был занят (главным образом) когда-то талантливый поэт Н. Тихонов. «Гвозди бы делать из этих людей! Не было б крепче в мире гвоздей!», — этой строкой Тихонов когда-то прославился, но с годами из поэта мафия сделала послушного лакея и труса. И это страшно. «Нет, петля Николая чище чем пальцы этих обезьян!», писала о большевиках Зинаида Гиппиус. И писала правильно!

Книга Медведева ведет читателя по всему крестному пу-

ти Солженицына, который начался с изъятия с книжного рынка «Одного дня». А затем, после выхода заграницей романов «В круге первом», «Раковый корпус», пошла невиданная еще в истории русской литературы травля писателя. Какие тут могут быть сравнения с Чаадаевым, Полежаевым, Лермонтовым на Кавказе, Пушкиным в Бессарабии, даже арест и ссылка Чернышевского не идут в сравнение с планомерным, бесовским, изо дня в день преследованием Солженицына всей системой тоталитарной полицейщины. Тут и беспрерывная слежка на улице, и магнитофоны в потолке квартиры, и обыски с отобранием литературного архива, и исключение из ССП,, т.е. фактическое запрещение печататься, и телефонное подслушивание, и аресты близких людей, и всевозможная клевета и инсинуации (Солженицын и «военный преступник», и «Солженицер»; и даже маскировка какого-то хулигана из КГБ, выдававшего себя за Солженицына в общественных местах), и запрещение публичных выступлений с чтением своих произведений, и отказ в прописке в Москве вместе с семьей. «У нас не любят непослушных», говорил Твардовский. «Наверху решили, что Солженицын должен молчать», пишет Медведев. Книга Медведева останется в литературе, как самый правдивый материал для биографии Солженицына.

Но эта книга говорит не только о гонении на Солженицына. Она, как я уже сказал, захватывает и другие интереснейшие темы. Вот, например, глава «Кто получает доходы на литературном «черном рынке»? Эта тема вообще впервые поднята в литературе. О ней до Медведева никто не писал. А в этой главе Медведев показывает неизвестную советскую «машину» по добыванию валюты на Западе от литературных произведений, как запрещенных в СССР, так и вышедших там. Валюта выбивается не только с книг но и с «сенсационной» информации (и с дезинформации) и с сенсационных фотографий (случай Светланы Аллилуевой). Занимается этим не прямо КГБ, а т.н. «Международная Книга» и АПН (т.н. Агентство печати «Новости»). В некоторых же случаях спецагенты КГБ вроде Виктора Луи. «О многих важнейших событиях нашей внутренней жизни мир узнает не из сообщений ТАСС или советского радио, которые обычно «запаздывают», а от Виктора Луи и от его друзей. За свои сенсационные сообщения Виктор Луи, возможно, получает большое вознаграждение,

часть которого очевидно достается и ему самому», пишет Медведев. И дальше Медведев приводит «портрет» в полный рост этого самого, уже пользующегося «мировой известностью» агента КГБ — Виктора Луи, цитируя его из американского журнала «Ньюзвик», причем там под фотографией этой личности, снятой в его роскошной подмосковной вилле — подпись: «Луи в кабинете, шесть комнат и финская баня из сосны».

Приведу красочный случай выбиванья валюты. Медведев рассказывает: — «'Международная Книга', действуя 'от имени' одного советского автора, получила через посредничество французского агентства 'Ажанс литерер эт артистик паризьен' крупные гонорары от шести европейских издательств. Автора об этих операциях никто не ставил в известность. Только через девять лет совершенно случайно он узнал о произведенных платежах. В результате интенсивных расследований, при которых я оказывал некоторую помощь в переписке, директор французского промежуточного агентства Жорж Сориа в письме на мое имя от 6 июля 1967 г., а затем и председатель 'Международной Книги' в письме на имя автора сообщили следующее: гонорары автору действительно выплачивались. Однако по генеральному договору 'Международной Книги' с французским агентством это последнее получало в качестве комиссионных за свои услуги 75% гонорара. Из оставшихся 25% около половины было израсходовано на судебные процессы против издателей в Италии, отказывавшихся выплатить гонорар. (Судебные процессы были проиграны). Из оставшихся 12% 'Международная Книга' также имеет право удержать 25% комиссионных. Из остатка еще 35% удерживает 'Внешпосылторг'. Все, что осталось (около 4% исходной суммы) может быть выплачено автору». Дальше Медведев сообщает, что «возглавляемое мистером Жоржем Сориа агентство является одним из учреждений французской компартии, а сам Сориа — член Политбюро ЦК французской компартии». К такому несусветному жульничеству всякие комментарии излишни.

Медведев не щадит и некоторых западных издателей, которые зарабатывали на запрещенных в Совсоюзе рукописях Солженицына. Думаю, что негодование его порой законно. В 1963 г. «Один день Ивана Денисовича» был издан по-английски одним издателем и, став бестселлером, вероятно, принес ему немалые деньги. Но когда Солженицын (чтобы помочь

в Рязани заболевшей раком десятилетней девочке) стал через Медведева переписываться об уплате в Америке за нужные и очень дорогие лекарства из его гонорара, то издатель, предпочел просто не отвечать на письма. За него отписывалась иногда его секретарша, извиняясь за долгое молчание издателя, который «не мог ответить, так как он был в Мексико Сити на Олимпийских играх». Фотостаты писем приведены в книге.

Некоторые издатели политически компрометировали Солженицына, давая тем карты в руки КГБ. Так, другой издатель, выпустив «Один день» в дешевом издании, снабдил книгу таким объявлением на обороте титульного листа: «Мы выдадим автору гонорар, если в течение 10 лет он приедет в США. Если же автор не приедет в США в течение 10 лет, то эти деньги будут использованы для антикоммунистических целей». Спрашивается, соображали ли издатели, что они делали подобным «сообщением», какие козыри давали КГБ в борьбе с Солженицыным? Думаю, что это была, конечно, полная политическая невежественность. Но в жизни иногда бывает глупость вреднее гадости.

В книге Медведева говорится довольно много о журналах «Грани» и «Посев». Эти сведения серьезны. И мы приведем некоторые из них.

Ж. Медведев, например, рассказывает, что когда А. Твардовский отчаянно боролся за возможность печатания Солженицына в СССР, его (Твардовского) — «в начале 1965 г. вызвали к заведующему литературным отделом ЦК КПСС и показали ему там один из последних номеров, издающегося в Западной Германии журнала «Грани...» ...В журнале «Грани» были напечатаны «Крохотные рассказы» А. И. Солженицына... Беседа в ЦК сводилась примерно к следующему: — Вот, смотрите, тов. Твардовский, кого вы поддерживаете, с кем имеет связь ваш автор, кто заинтересован в его произведениях». «Лично я не исключаю и того, что в журнал «Грани» и «Посев» из советского самиздата передаются рукописи иногда теми, кто наиболее заинтересованы в ликвидации этого самиздата» (стр. 47).

Когда при сопротивлении всех цензурных инстанций Твардовский все-таки пытался в «Новом Мире» провести печатание уже набранного «Ракового Корпуса» — произошло сле-

дующие. Медведев пишет: «В начале апреля 1968 г. А. Т. Твардовскому в «Новый Мир» пришла из Франкфурта на Майне международная телеграмма следующего содержания: «Ставим вас в известность, что Комитет госбезопасности через Виктора Луи переслал на Запад еще один экземпляр 'Ракового Корпуса', чтобы этим заблокировать его публикацию в 'Новом Мире'. Поэтому мы решили это произведение публиковать сразу. Редакция журнала 'Грани'» (стр. 89).

Письмом в секретариат ССП и в редакции газет Солженицын протестовал против печатания «Гранями» «Ракового Корпуса». Но ответа на протест не получил, хотя письмо его было опубликовано и в газетах на Западе. А дальше — на летнюю дачу Солженицына приезжает Виктор Луи. «Луи пытался заявить, что он не вывозил «Ракового Корпуса» заграницу и что телеграмма из «Граней» была провокационной», пишет Медведев. Солженицын с Луи разговаривать не стал.

«Телеграмма в 'Новый Мир', как выяснилось впоследствии была действительно отправлена журналом 'Грани'. Ссылки на Виктора Луи и на какие-то попытки 'заблокировать' издание 'Ракового Корпуса' в СССР были смехотворны. Запрещение публикации 'Ракового Корпуса' было произведено еще в январе... В апреле, когда журнал 'Грани' посылал Твардовскому телеграмму сотрудники этого западно-германского журнала не могли не знать, что 'Новый Мир' уже давно рассыпал набор повести. Сообщения об этом были опубликованы во многих западных газетах и широко комментировались. Зачем же нужна была еще и телеграмма?» (стр. 98), пишет Медведев.

«Осенью 1969 г. А. Т. Твардовского, — пишет Ж. Медведев, — вызвали в соответствующий отдел авторитетного учреждения и показали ему свежий номер журнала «Посев», в котором была напечатана его последняя поэма. Твардовский немедленно написал резкий протест, который впоследствии был опубликован в «Литер. газете»: — «Наглость этой акции, — писал Твардовский, — имеющей целью опорочить мое произведение, равна беспардонной лживости с какой поэма снабжена провокационным заглавием «Над прахом Сталина». — Далее А. Т. отметил, что текст поэмы, напечатанной в «Посеве», имеет много искажений», — пишет Ж. Медведев. И продолжает: — «Публикацию поэмы в «Посеве» нельзя было прикрыть самиздатом, т.к. в «Посеве» был напечатан *старый вариант*

1968 г. сильно отличавшийся от того, который уже с апреля-мая 1969 г. начал распространяться. Этот старый вариант не ходил по рукам, он был лишь некоторое время в редакции «Юности», был знаком небольшому кругу друзей поэта, но в списках не циркулировал. Каким образом попал он в «Посев» остается тайной», пишет Медведев (стр. 142).

Медведев рассказывает и об опубликовании в «Посеве» (№ 1, 1970) ложного заявления, подписанного именем его брата Роя Медведева. Против этой публикации Рой Медведев протестовал письмом в редакцию «Посев», но «Посев» письма Роя Медведева не напечатал. Тогда Рой Медведев опубликовал свой протест в газете «Нью Йорк Таймс» от 26 апреля 1970 года.

Я не касаюсь многих ценных и интересных тем книги Жореса Медведева: подробного (и трагического) описания борьбы А. Твардовского за печатание «настоящей литературы», описания смерти его и похорон; международной кампании против Солженицына в иностранной печати, ведшейся из Москвы; несостоявшейся Нобелевской церемонии в Москве по вручению Солженицыну премии; Нобелевской лекции Солженицына и многого другого.

Как вывод из всей книги приведу слова близкого Медведеву человека, которыми Медведев заканчивает свою книгу: — «Многие думают, что при Хрущеве была демократия. Это чепуха, никакой демократии не было. Был *иногда* либерализм — это в наших условиях ненадежно. Это гуманная форма произвола... Устойчивая справедливость может быть лишь в условиях устойчивой, настоящей демократии».

Под этим подписываемся и мы.

"Новый Журнал", кн. 113, 1973 г.

ПЕРЕПИСКА ЧЕРЕЗ ОКЕАН
ГЕОРГИЯ ИВАНОВА И РОМАНА ГУЛЯ

С Георгием Ивановым я познакомился (мельком, "без слов") осенью 1922 года в Берлине, в "Доме Искусств", в кафе "Леон" на Ноллендорфпляц. Познакомил меня поэт Николай Оцуп, с которым в Берлине я общался (он привез из России привет от моего однокашника по Пензенской гимназии (и его приятеля) Вл. Борисова, вероятно, погибшего, ибо он был близок к М. Н. Тухачевскому, тоже нашему гимназисту). Больше в Берлине Г. Иванова я не встречал. Живя с сентября 1933 года в Париже, я Г. Иванова тоже не встречал. Встретил я его (т.е. "заново познакомился") лишь в 1946 году в Париже, после войны. Но "новое знакомство" было кратко: встречался раза два на литературных собраниях. Так что наша "переписка через океан" с 1953 года по год смерти Г. Иванова (26 авг. 1958 г.) правильно в одном из его писем названа "эпистолярной дружбой". В моем архиве — 62 письма Г. Иванова и 47 копий моих ответов. На копиях моих писем все даты налицо. На письмах Г. Иванова дат, к сожалению, почти нет (есть на очень немногих, которые я печатаю). В некоторых письмах (его и моих) кое-что я опускаю (резкости, отзывы о живых еще людях). Р. Г.

5, av. Charles de Gaulle
Montmorency (S.et O.)

1953

Дорогой Роман (Николаевич?)

Простите, если я ошибаюсь в Вашем отчестве. Ведь мы, в сущности, почти не были знакомы. Во-первых, очень, очень

благодарю Вас за отзыв о "Петерб. Зимах". Особенно меня обрадовало, что Вам понравились позднейшие мои статьи — о Блоке и о Есенине. И, поверьте, то, что это написали Вы, мне очень дорого: от "Генерала БО" — до "Коня Рыжего", я очень люблю и "уважаю" Вас, как блестяще одаренного писателя. Кстати, еще до получения Н. Ж. я сговорился с Мельгуновым — о ряде отзывов о книгах Чеховского издательства. Так что, когда Вы мою рецензию о "Коне Рыжем" прочтете — не подумайте, что я Вам плачу комплиментами за Ваши комплименты — все, что там сказано, сказано от души.

Хорошо. Теперь вот что. Одновременно с этим письмом я посылаю на Ваше имя единственный экземпляр повести И. Одоевцевой и свои стихи для "Нового Журнала". Думаю, так правильней, ибо возможно М. М. Карпович — уехал опять в Европу и до осени рукописи будут валяться в Кембридже, ожидая его.

Прошу Вас как члена редакции о следующем: мои стихи напечатать не вместе с прочей поэтической публикой, а отдельно. (В хвосте — это не имеет значения). Прошу это и потому, "что приятнее не мешаться с Маковскими", и потому еще, что эти стихи "Дневника" нечто вроде поэмы (для меня). Если М. М. Карпович сидит у себя — будьте любезны, передайте ему, что мы просим прислать нам под эти рукописи, не дожидаясь печатания, общий аванс. Суммы не называю, но само собою, каждые лишние 10 долларов очень существенны. Если его нет, и Вы можете "своей властью" исполнить эту просьбу, сделайте это, пожалуйста, по возможности быстро. Во всяком случае будьте милым, черкните мне обратной почтой — как и что. И европейский адрес М. М. — если он в Европе.

И. В. Одоевцева шлет Вам сердечный привет и просит сказать, что она всегда помнит Вашу дружескую услугу с кинематографистом Зильбербергом, в свое время чрезвычайно выручившую нас. Прибавлю от себя — мало кто из литературной братии поступил бы так, как Вы — особенно с незнакомыми людьми из "другого лагеря". Как правило, даже "друзья" поступают наоборот. Так ответьте, пожалуйста, насчет аванса и Карповича. Еще раз Вас очень благодарю за рецензию. Преданный Вам Георгий (Владимирович) Иванов.

5 av. Charles de Gaulle
Montmorency

31 мая 1953 г.

Дорогой Роман Борисович,

Очень благодарю Вас и за "неимоверную стремительность", с которой Вы прислали мне чек, и особенно за милые слова о моих стихах. То, что они Вам нравятся, мне очень дорого. Я совершенно так же, как Вы писали о себе в предыдущем письме, — равнодушен к мнению "сволочи" будь то восторги или ругань. Последняя даже больше забавляет меня. Но если пишешь стихи для нескольких человек, тем ценнее и дороже, если один из этих нескольких тебя так нежно и лестно приветствует. Тем более, что от Вас, скажу начистоту, я этого не ждал. Видите ли, "добрые друзья" не раз сообщали мне, что Вы меня терпеть не можете, считаете "эстетом", "мертвецом" и т.д. И Ваша рецензия была для меня большим и вполне неожиданным сюрпризом. Не будь ее, я бы не обратился непосредственно к Вам и м.б., так бы никогда не узнал, что Вы не враг, а друг. Очень жалею теперь, что пока Вы были в Париже, не столкнулись где-нибудь с Вами — мы бы наверное сошлись и близко подружились. Но так всегда, или почти всегда, в моей странной жизни.

Моя жена, напротив, торжествует: "я тебе говорила". Она, действительно, всегда, с очень давних времен тянулась к Вам и была Вашей горячей поклонницей, ставя в пример Ваши книги, от которых "прежде всего нельзя оторваться" — начал читать и обязательно прочтешь в один присест, "не то, что этот выматывающий кишки Алданов" (сравнивая — с чем я вполне соглашался — Вашего Азефа и его).

Вот тут, кстати, о рецензии, которую я написал вчерне о Вас. Вы должно быть правы насчет Мельгунова: он, когда я условился с ним насчет книг, которые я прорецензирую для июльского "Возрождения", — не моргнул глазом насчет "Коня Рыжего". Но сказал, чтобы я выписал из Чеховского фонда книги — в том числе и Вашу — так как они еще не присланы. Но теперь выяснилось, что Ваша как раз давно ему была послана. Его все нет. У секретарши книги тоже нет — "мы не получали". Опасаюсь, что тут какой-то подозрительный м...., имеющий целью замотать "Коня Рыжего" — так, как будто произошло

какое-то недоразумение. Этот старый черт на днях вернется, и я это выведу на чистую воду без обиняков. Но как быть. Обязательно хочу написать о Вас. С удовольствием бы послал маленькую статейку о "Коне Рыжем" вместо "Возрождения" в "Новый Журнал". Но возможно ли это? Не говорю уже, что о Вас была чья-то рецензия — но если можно написать во второй раз, то хотя бы та же параллель между Вами (историческими Вашими книгами) и Алдановым.

Ваш Г. И.

P.S. Ответьте, пожалуйста, на этот счет. Если да, я пришлю две-три странички, как маленькую статью, а не отзыв о книге, то есть более общего характера и о Вас и о Вашем месте в русской литературе. Тогда хорошо, если бы Вы прислали мне "Коня Рыжего" для скорости и "удобства". Читал я его и в "Новом Журнале" и в отдельном издании, и читал очень внимательно — но книга мне необходима для цитат. Ответьте.

28 rue Jean Giraudoux
Paris 16

16 марта

Дорогой Роман Борисович,

Отвечаю с опозданием. Не сердитесь. Парижская жизнь — после трехлетнего Монморенси — вдарила нас малость "ключом по голове". Моя жена этому "очень веселится", я же, сыч по природе, обалдел.

Ну, очень, очень рад, что наши "отношения" благополучно восстановились, "кошек" копать не будем: мы оба — Вы и я — обоюдно невинны, если в них поверили. В том вареве из г..., которым окончательно стала (по крайней мере здесь) литературная, с позволения сказать, среда, разобраться трудно. Значит, плюнем обоюдно и будем дружить, как нам с Вами, естественно, полагается: делить нам нечего, а общего, несмотря на разность, у нас много.

Хорошо. Материалец от И. В. и меня скоро получите. Статейку об антологии я обязательно напишу, так что держите место. Но я еще не видел ее. Полагаю, посланный Вами экземпляр скоро придет. Насчет Цветаевой я с удовлетворением узнал, что Вы смотрите на ее книгу, вроде как я. Я не только

литературно — заранее прощаю все ее выверты — люблю ее всю, но еще и "общественно" она очень мила. Терпеть не могу ничего твердокаменного и принципиального по отношению к России. Ну, и "ошибалась". Ну, и болталась то к красным, то к белым. И получала плевки и от тех, и от других. "А судьи кто?" И камни, брошенные в нее, по-моему, возвращаются автоматически, как бумеранг, во лбы тупиц — и сволочей, — которые ее осуждали. И, если когда-нибудь возможен для русских людей "гражданский мир", взаимное "пожатие руки" — нравится это кому или не нравится — пойдет это, мне кажется, приблизительно по цветаевской линии.

Так как скоро я пошлю Вам кое-что, то будет, само собой, и сопроводительное письмо — и тогда доболтаю, чего не пишу сейчас. Жму Вашу руку очень дружески. И. В. тоже.

Ваш всегда Г. И.

P. S. После присылки нам разных штанов и пижам — были такие хорошие слова: какой номер сапог поэта, какой воротник рубашки, костюм постараемся достать другой, для Одоевцевой собираем посылку... Если возможности эти прекратились, то не о чем и говорить. Но если Вы об этом всем в бурном темпе нью-йоркской жизни забыли, а сделать хотите — говорю без ломанья — будем очень польщены. Польщены, особенно, всякому барахлу американского пошиба: курткам, кофтам (неразборчиво), одним словом, таким вещам, какие в "Европах" дороги и плохи, а у Вас поносят и бросают. Номер моих сапог 42, рубашки 38... А как у Вас делают вроде ночных туфель — и удобно, и ноги мои меньше болят. Но, конечно, если попадется костюм и что другое солидное — тоже очень приятно. И какие-то тряпочки автору "Года Жизни". Покупать нам не на что: чех. гонорара едва хватает, чтобы есть и платить квартиру. Но, само собой, если это все в Вашей власти.

10 марта 1955 г. Beau-Sejour

Дорогой Роман Борисович,

Очень рад был получить от Вас и неподдельно дружеское и блестяще-забавное — как Вы умеете, когда в хорошем

настроении — писать. Я эту разновидность Вашего таланта очень ценю и письма Ваши, в отличие от большинства других, аккуратно прячу. Для потомства. И не одни лестно-дружеские, но и ругательные тоже. Для порядку и для контраста. Пусть знаменитый будущий историк литературы разбирается в нашей "переписке с двух берегов океана". Только будет ли этот будущий историк и будущее вообще?

В связи с моим пристрастием к Вашему "перу" (возвращаю комплимент из рецензии) — беру сразу же быка за рога. Ох, пожалуйста, напишите статью обо мне Вы. Вы видите ли не только блестяще пишете, но — как я всегда говорю, писал и Вам — очень чувствуете стихи. И Ваше мнение о моих стихах получится обязательно интересным и живым. Сазониха же, между нами, м.б., и более ученая, но тот же Терапианц в юбке. Я не имею страсти М. А. Алданова или покойного Бунина к пышным похвалам, пусть дурацким. М. б., это и важно для механики славы... хотя и слава делается не тупицами, а живыми и талантливыми людьми. Короче говоря, очень буду рад, если Вы и именно Вы это сделаете. Судите сами — как быстро я "реагирую" на Ваше "не трахнуть ли мне о Вас"... И как вяло отзывался на Сазонову. Трахните, трахните! И пишите, что думаете, выйдет, ручаюсь, отлично.

Теперь — о Мандельштаме — я с наслаждением напишу. Не подведу. Ручаюсь даже за досрочное перевыполнение плана, если пришлете авионом. Можете на этот раз мне поверить.

Спасибо за рекламу обо мне в радио. Удивляюсь, как это Вейдле не запротестовал. Он меня, заслуженно, не переносит: я его в свое время, м.б. помните, даже и не раз "обижал в печати".

Обязательно буду посылать Вам отрывки из моего нового oeuvre'a, то есть воспоминаний. Работа над ними у меня в полном ходу. Ничего получается, по-моему. Задержка (в смысле посылки Вам отрывка) только в том, что я хочу "начать с начала" так, чтобы в дальнейшем была хотя бы и отрывчатая последовательность. Черкните, какой, собственно, срок в моем распоряжении для этих первых (20-23) страниц.

Да, мы вымираем по порядку,
Кто поутру, кто вечерком...

Ставров, Кнут, милейший Дюк Гаврила, незаконно объявивший

себя Гран-дюком в эмиграции. Кстати, совсем недавно он был еще настолько в здравом уме, что весьма ловко сыграл роль сына лейтенанта Шмидта: явился к Гукасову и загнал ему за 50 тысяч франков пачку "неизданных стихов августейшего родителя" — К.Р. — переписанных из собрания стихов последнего издания 1908 года: "Умер бедняга", "Помню порою ночною" и т.д.

Да, вот еще. Не могли ли бы Вы прислать на адрес нашего русского библиотекаря пачку старых — какие есть — номеров "Нового Журнала" — сделаете хорошее дело. Здесь двадцать два русских, всё люди культурные и дохнут без русских книг. Не поленитесь, сделайте это, если можно. Ну, нет — это не русский дом Роговского. Я там живал в свое время за собственный счет. Было сплошное жульничество и грязь и проголодь. Здесь дом Интернациональный — бывший Палас, отделанный заново для гг. иностранцев. Бред: для туземцев с французским паспортом ходу в такие дома нет. За нашего же брата апатрида (любой национальности) государство вносит на содержание по 800 фр. в день (только на жратву), так что и воруя — без чего, конечно, нельзя, — содержат нас весьма и весьма прилично. От такой жизни не хочется даже умирать, и буду жалеть, если все-таки придется. Тогда хоть умру "с конфортом". И так почем зря выписывают мне разные ампулы по 1500 фр. коробочка, уговаривая — только не забудьте принять. Впрочем, доктор осел и едва меня уже не отравил. Но passons...

Что это Вы написали насчет гостиной желтого клена? Не совсем сообразил, на что намекиваете. Были, конечно, какие-то дурацкие стихи Игоря Северянина в таком духе, посвященные мне. Но почему из этого следует вывод "начнем с заграницы" — то есть в Вашей будущей статье обо мне. Или это значит, что Вы в моей доэмигрантской поэзии не очень осведомлены. И плюньте на нее, ничего путного в ней нет, одобряли ее в свое время совершенно зря. Впрочем, если Вы, действительно, обещаете написать эту статью, я Вам кое-что пришлю, чего для Сазоновой, к сожалению, не имел.

Ну, Ир. Вл. Вам нежно кланяется, а о "заячьем тулупчике"... Жму Вашу руку. Черкните в свободную минуту, не только по

делам, а и "для души".

Ваш Г. И.

P. S. А мои желтые лоферы? А куртки с тиграми и пр., которые я уже умственно переживал на ногах и плечах? Если, конечно, эта посылка возможна.

Эту страницу оставил нечаянно белой и, чтоб не пропадала, рисую свой портрет. Г. И.

Beau-Sejour

29 июля 1955 г.

Дорогой Роман Борисович,

Несмотря на еще усилившуюся жару — отвечаю Вам почти сейчас же. Не скрою — с корыстной целью. Что Вы там ни говорите насчет чемодана с рукописями и т.д. — из деревни Вы пишете куда очаровательнее, чем из Нью-Йорка. Опять испытал "физическое наслаждение" и срочно отвечаю, чтобы поскорей опять испытать. То же самое, конечно, и Одоевцева, только как дама она свои физические чувства стыдливо скрывает (должно быть потому, что у ихнего брата — такие чувства более — от природы — интенсивны).

На стишок о Майами — хотел порифмовать в ответ, но пот течет, как не отпиваюсь местным — чудным! — вином со льдом. Давление поднимается, но рифма не идет.

Кстати, спасибо за заботу о моем давлении. Но мой случай не так прост. Сильные средства для меня прямой путь к кондрашке — мое давление надо не сбивать, а приспосабливать к организму. Черт знает что. Я всегда чувствую, что мироздание создал бездарный Достоевский — этакий доктор Б...., если читали.

Ну, опять скажу — "нос" у Вас на стихи первоклассный. Чтобы не вдаваться в подробности: Илиаду выбросьте целиком, нечего в ней заменять. Из трясогузки две первых строфы — тоже вон. Дошлю одну или две новые — как выйдет. Насчет Нила я просто описался. Ваша гимназическая учеба совпадает с моей кадетской — я хотел написать "полноводный". Для всех стихов — напоминаю — необходима авторская корректура, пожалуйста, не забудьте и уважьте насчет этого. Но хотел бы к имеющимся теперь у Вас девяти стишкам дослать по мистически-суеверным соображениям — еще три. То есть чтобы была порция в 12. Уж потесните чуточку Ваших графоманов. Тем более, что мой "Дневник" по взаимному дружескому уговору, ведь печатается отдельно от прочих — привилегия, которую я очень ценю (и, пожалуй, все-таки, заслуживаю). Пришлю три маленьких и — по возможности — лирических.

Как Вы теперь мой критик и судья, перед которым я,

естественно, трепещу, в двух словах объясню, почему я шлю (и пишу) в ”остроумном”, как Вы выразились, роде. Видите ли, ”музыка” становится всё более и более невозможной. Я ли ею не пользовался и подчас хорошо. ”Аппарат” при мне — за десять тысяч франков берусь в неделю написать точно такие же ”розы”. Но, как говорил один Василеостровский немец, влюбленный в Василеостровскую же панельную девочку ”мозно, мозно только нельзя”. Затрудняюсь более толково объяснить. Не хочу иссохнуть, как засох Ходасевич. Тем более не хочу расточать в слюне сахарную слизь какого-нибудь N... (пусть и ”высшего” там у него качества). Для меня — по инстинкту — наступил период такой вот. Получается, как когда — то средне, то получше. Если долбить в этом направлении — можно додолбиться до вспышки. Остальное — м.б. временно — дохлое место.

Да, в последней книжке нам обоим *очень* понравился Елагин. Кроме последней строфы, в которой подъем скисает. Но все-таки очень хорошо. Таланту в нем много. Но вот ”в университете не обучался”, как говорили у нас в цехе.

При случае передайте от меня Маркову искренний привет. Он мне и стихами (Гурилевские романсы — в ”Опытах” слабо) и обмолвками в статьях очень ”симпатичен”... Но что за занятие писать афоризмы! Лейб-гусара полковника Ельца все равно не перешибить. М. б., читали в свое время: ”Смерть есть тайна, которой еще никто не разгадал”, и рядышком: ”Разбить биде — быть беде” с портретом автора в ментике и с посвящением моему другу принцу Мюрату. Куда уж тут тягаться.

Пишу я Вам, что попало, но, как видите, с явным стремлением подражать блеску Ваших писем. Разумеется, получается не то. Но и старанье то же считается. Сколько великих людей и великих произведений взошло на одном стараньи. Вся (почти) — блестящая — французская литература — живой пример. Давно ли Вы читали Флобера? Я вот сейчас перечитываю: один пот, а в общем, ведь, ”весьма недурно”. Ну, ну, — что это Вы напишете об ”Атоме” и вообще. Жду с чрезвычайнейшим интересом. Только не откладывайте, напишите. Что желаете, как желаете. Это и будет хорошо. Зинаида, которую я обожаю, писала вообще плохо. Говорила или в письмах — иногда всё отдать мало, такая душка и умница. А как

до пера — получается кислая шерсть. Кроме стихов. Я тщусь как раз в своих новых воспоминаниях передать то непередаваемое, что было в ней. Трудно.

"Атом" должен был кончаться иначе: "Хайль Гитлер, да здравствует отец народов великий Сталин, никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом!" Выбросил и жалею.

Ваш Г. И.

25 октября 1955

Beau-Sejour
Hyéres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Я еще не совсем очухался и предпочел бы написать Вам, когда очухаюсь совсем. Но, с другой стороны, мне хочется, как умею, поблагодарить Вас за Вашу статью. Хоть коряво, но собственноручно.

Ваша статья блестяща и оглушительно-талантлива. Еще блестящей, чем о Цветаевой. Никто так о поэзии не умеет писать, да и очень редко, кто вообще умел. Я говорил Вам как-то в одном из писем, что при полной "непохожести" статья о Цветаевой — эквивалент лучшим статьям Анненского. Не в "Аполлоне", где он хотел угодить — а тех, которые он писал "для себя". Еще вспоминаю Леонтьева "Эпоха, стиль, влияния". Верьте моей искренности: ведь статья напечатана, что же мне к Вам подлизываться задним числом! Самое замечательное в статье — ее подъем, полёт. Все летит и звенит. Первый поэт и прочее обо мне говорили и писали, как Вам известно. Но всегда удручающе бездарно — ни "первого", ни вообще поэта не было видно. Для примера, у Вас есть статья Зинаиды об Атоме. А ведь она прямо бесилась от Атома и несколько воскресений у Мережковских говорила только о нем. И она же пустила в ход "первого поэта". Она была умница, я безумно ее любил и уважал. Но все было, как горох о стенку: могла бы и не восторгаться. Не говорю уже об остальных.

Совсем не значит, что я со всем с Вами согласен. В части, касающейся Атома, я готов возражать слово за слово. Но и возражать Вам, "как в море купаться". Я не в форме. Отложу эти

возражения — если желаете их узнать — до другого раза. Хочу закрепить главное: Вы чудесно написали, согласен я или не согласен. Настоящий читатель согласится — Вы его кладете на лопатки. И я — как читатель — прочел и перечел, насладившись, забывая того Георгия Иванова — которого, м. б., ошибочно понимаю по-своему — видя и принимая целиком — того Г. Ив., которого преподносит Гуль. Повторяю опять — грех, если Вы не напишете свою "Книгу отражений". Или — может быть еще точнее — Ваши "Воображаемые портреты". Ибо критика большого плана всегда "Воображаемые портреты" и именно тогда она может быть восхитительно убедительной. Заметьте, что Дуанье Руссо свои фантастически гениальные портреты консьержек и бедуинов писал, предварительно измеряя "натуру" сантиметром — он хотел быть академически объективным. Все это не значит, что в основном Вы преувеличиваете или искажаете. Напротив, как раз наоборот. Правда как раз у Вас. Вы насквозь чувствуете поэзию. Ваши цитаты безошибочны. Другое дело источники этих цитат. Тут я со многим готов спорить. Но это "обывательщина", как говорил Мережковский о всем лично-частного порядка. Общее же у Вас гипнотизирующе убедительно и следовательно "остальное все равно". Ведь так? Скажу так: поздравляю нас обоих — себя, что обо мне написано, Вас, что умеете — то есть что Вам дано — так писать.

Спасибо, дорогой друг. Я болен — не взыщите. Ответьте мне. Ведь последнее время от Вас все нет письма — ужо напишу. Так вот напишите. Извините и за стиль и за почерк.

Ваш Жорж

17 мая 1953 года

Дорогой Георгий Владимирович,

Получил Ваше письмо, большое спасибо. Отчество мое — Борисович, вместо Николаевича, но сие не важно. Николаевич тоже есть — Р. Н. Гринберг ("Опыты"), с которым мы дружим (с ним).

Пойду по пунктам Вашего письма.

Отзыв о П. З. [1] — писал очень искренно. И рад, что Вам он

1. "Петербургские Зимы".

был приятен. В частности, я не отмечал некоторых досадных неверностей. Почему Вы называете Клюева — Ник. Вас. (вместо Алекс.)?. Потом, у Вас на стр. 171 — получается так, что в 1913 г. Рейснер говорит о Красной армии и чека? В стихах Есенина вместо "дождь" — "день"; и вместо "пронеслась" — "замерла".Вы не держали корректуру? Я не хотел об этом упоминать в рецензии, ибо в конце концов — не в этом же суть. Но это досадно. И читатель (литературный) это замечает. Может быть, это "Чехов" виноват? Он — могёт... Далее. Спасибо за отзыв о Кон. Рыж. Но разрешите — не поверить, чтоб на стр. "Возр." мог бы появиться не только уж хороший, на даже приличный отзыв обо мне. Уж слишком я знаю — всю психопатию и злобность господина редактора. Он уж даже "высказался" о моей книге — что ее и издавать-то вовсе было не надо (это после того, как он мне в Париже — во времена нашей "дружбы", когда он по субботам приезжал к нам завтракать и обсуждать все дела — предлагал как-то издать К. Р. вместе с его книгой — у него тогда появился какой-то издательский "шанс" в Германии). Ну, да Бог с ним. Не пей из колодца — пригодится плюнуть. Ваш отзыв на страницах Возрождения меня теперь спортивно заинтересовал. Одним словом, их бин гешпаннт. Скажу Вам по чести — я очень хладнокровен к отзывам. Конечно, хороший приятен, но и на плохие не обижаюсь. Разумеется, Ваш отзыв был бы мне и приятен и интересен. Очень тронут, что Ир. Вл. помнит что-то такое приятное для меня. А я — признаюсь — и позабыл. Но я вообще не из "ницшеанцев" (не из дорогих, не из дешевых) — не толкаю, не так скроен. Да и как толкать, когда мы сами все того гляди — упадем...

Всего хорошего! Дружески Ваш

Роман Гуль

Ирине Владимировне целую ручки.

25 мая 1953 г.

Дорогой Георгий Владимирович, — получено все. Стихи — чудесные. Сейчас пишу второпях, но все ж скажу об одной ассоциации, которую они вызвали: "Васька Розанов в стихах", много, много общего в "философии", в "касании к миру". Но сейчас дело не в "баснях", а в чеке, который посылаю Вам с

какой-то неимоверной стремительностью. Далее. Я говорил с М. М. и о прозе. Это можно тоже сделать. Стало быть — к сентябрьскому номеру шлите прозу (она может быть и вместе со стихами, сие одно другого не кусается).

Сердечный привет, Ваш Роман Гуль.

Ирине Владимировне целую ручки и с нетерпением жду повесть. Первая строфа В/ Дневника — просто гениальна — в ней такая магия — что физиологически хочется "грациозного", да как...

13 июня 1953 года

Дорогой Георгий Владимирович,

Письмо я Ваше получил, но несколько задержался ответом. По причинам вполне уважительным. Во-первых, я только на днях получил рукопись Ирины Владимировны. Ни прочесть, ни даже заглянуть — пока не в состоянии, ибо идет печатание кн. 33 — и я замотан до чрезвычайности... Постараюсь ее (с большим интересом — хочу) прочесть и высказать свое мнение Михаилу Михайловичу. Одним словом, с максимум благоприятствования и таким же интересом рукопись будет прочтена и тут же Вам сообщу, как и что.

Теперь (идя по Вашему письму). Не удивляюсь, что какие-то "друзья" что-то там наговаривали Вам о моем отношении и прочее. Эта чесотка в литературных кругах вполне эпидемична. Врали, конечно. Одни врут, как чешутся, другие — злее — живут этим почесыванием. Ну, да, как бы это сказать поэлегантнее... — скажем... Бог с ними (но подумаем круче). "Коня Рыжего" я Вам выслал и думаю, что Вы его получили. В Н. Ж. о нем ничего не было (оцените — до чего мы скромны, до "стыдливости").

Идем далее по В/ письму. Между прочим, очень интересно то, что Вы пишете о Великом Муфтии [1], о его пометках на страницах Н. Ж. Хотелось бы прочесть. Кстати, он сам, без всяких встреч, разговоров и прочего — писал мне дважды или трижды — страшные комплименты относительно "Рыжего" (часть их я опубликовал предисловием). Скажите, а читая, ругал? Между нами, по чести, — напишите, было бы интересно.

Смешно. Я, как и Вы, философски и юмористически отношусь ко всем этим вещам и вещичкам.

Письмо Ваше, слава Богу, не похоже ни на А. Ф. [2], ни на Вас. Ал. [3] А. Ф. пишет, как "порочный школьник" или даже как "Пьеро" — за кулисами. Черт знает что. Но — характерно. С эдаким почерком в правительство брать людей просто было неприлично. Вот и получилась ... клякса... правда, говорят, что через сто лет Керенский — это тема для драмы. Верно. Только трудно тянуть-то эти вот сто лет.

Очень рад, что Вы уже пишете "жизнь, которая мне снилась". Прекрасно. Вот Вам и сила ЧЕКА (но не Че-Ка!)... В удаче Вашей вещи — уверен. Я понимаю, что "прежние" П. З. Вас и не удовлетворяли, и м. б. даже раздражали. Последние главы — ведь совсем другое — по общему тону, по общему строю — крепче, проще, сильнее — и без "рококо". "Рококо" пережито. Очень, очень жду В/ вещь. М. М. тоже очень рад этому.

В стихах Ваших уже было исправлено — "толковать". Я ведь в набор сдал ВТОРОЙ список. Очень, очень хороши стихи. Я люблю возиться — с "техникой" журнала. Я сверстал их сам очень хорошо. Только одно стихотворение разорвалось (со страницы на страницу). Все остальные — целехоньки (им же больно, стихам-то, их рвать нельзя).

Вас начнем с сентябрьской (это я принял в расчет). Но прозу И. В. можем начать только с декабрьской. Впрочем, если все будет устроено в смысле гонорара — то это значения большого иметь не будет. Всё попытаюсь обговорить с Мих. Мих. Он — самодержец. Но очень конституционный. И мы с ним работаем очень хорошо и дружно. Транскрипцию карт д'идантитэ — принял во внимание. Вспомнил я эти карт д'идантитэ — и прямо рвать потянуло. Ведь тут ничего подобного, все по-человечески. Сошли на берег — и не видите никаких карт д'идантитэ, никакого Афганистана Парижской Префектуры, ничего. Вообще, хороша страна Америка! Очень! И у нас в Европе о ней были

2. А. Ф. Керенский. У А. Ф. почерк был и неразборчивый и детский.

3. В. А. Маклаков. У В. А. почерк совершенно неразборчивый, как какие-то иероглифы.

совершенно не те представления. Ну, скажите, можете ли Вы себе представить, что по Бродвею бегают белки (самые настоящие), я живу возле Бродвея. Они перебегают Бродвей и бегут к Гудзону, где живут — в саду (у берега) и в аллее (набережной). Или — на Бродвее стая голубей — садится людям на плечи, на руки, когда люди эти их кормят. А таких старичков, старушек (и не старичков, и не старушек) множество. А как хорош — этот самый Риверсайд Драйв — набережная по Гудзону — вся в зелени, на газоне, на луговинах можно валяться, как хочешь, не то что ”ферботен”. Одним словом, зря Вы не приехали в Америку. Жили бы тут во всяком случае не хуже (а уверен даже лучше), чем в Монморанси.

Кончаю. Дружески жму Вашу руку. Ручки Ирины Владимировны целую. Ваш искренно: Роман Гуль

2 марта 1954 года

Дорогой Георгий Владимирович,

был очень рад получить от Вас письмо, а то я уж голову ломал, что такое, что за история? Правда, Вы ”историю” так и не разъясняете, только ”намекиваете” о каком-то ”гнезде” и о какой-то явно глупой и совершенно лживой сплетне. Для меня это настолько ”как снег на голову”, что я даже и понять не могу, что — сплетено? Но я хочу знать, чтобы всякому вралю перекусить горло (я могу быть от мяса бешеным тоже! и как!). Если кто-то что-то выдумал и наврал, то это неспроста — есть такие в нашем литмире сволочи, которые только и заняты тем, как бы кого-нибудь с кем-нибудь пересcорить и пр. Вот и родятся творимые легенды, всегда глупые, но почти всегда достигающие цели. Вы вот в какую-то пущенную ”черную кошку” — поверили. Я уже давно не верю. Я прямо хватаю эту самую черную кошку за хвост или за ноги и са-ди-сти-чес-ки бью ее о косяк. Дайте мне крови! Напишите, кто и что наврали — и я обидчика убью...

Дальше. Антологию высылаю Вам одновременно с этим письмом, но не все воздухом, ибо спешки нет. Насчет Цветаевой — горюю, сам взялся писать о ее чудесной прозе (не целиком, м. б., чудесной, но иногда — изумительной). Я ведь довольно долго дружил с М. И., у меня есть много интереснейших писем ее.

Здесь Е. И. Еленева собрала все, что М. И. писала (тома на три прозы).

Насчет того, что "нас мало" — именно. Вот поэтому, когда брюсовские катакомбы уже наступили — "целиком и полностью" — нам как-то надо держаться "насмерть" — хоть мертвыми, а стоять. Именно из этих чувств я и тороплю чеки Иванову и Одоевцевой — как воздух, как кислород. И М. М. в этом смысле всегда очень за Вас обоих. Присланное Вами и И. В. буду очень ждать и люблю заранее.

Хорошо, что Вы переехали в Париж — "ах, Кира, увези меня в Париж!" [1] Быстрее обороты. Как получим материал, думаю, что чекушка не замедлит. Чекомания... О "Возр." всю порнографию слышал (но, конечно, подробностей не знаю) — какой-то Витте иль св. Вит? Кто это? До такого святого Витта не доходил, кажется, и мой друг Мельгунов. Между прочим, у меня хорошая память (особенно на стихи, которые как-то всегда застревают — хорошие, конечно). Или нехорошие — тоже. Петербургскую поэзию Вашего времени знаю довольно неплохо. Но вот никогда не видел и не читал Вашу старую книгу — "Памятник славы". На днях был в Паблик Лайбрери — наткнулся, взял и прочел. Это, конечно, плюсквамперфектум. Но было занятно прочесть... здорово нас жизнь помыкала и вымыкала.

Ну, кончаю. Целую ручки Ирины Владимировны, крепко жму Вашу. Ваш дружески — исполнительный член редакции Р. Г.

---

1. Стихи И. Одоевцевой.

---

12 июня 1954 года

Дорогой маэстро, только что получил Ваше письмо и стихи. И как раз наступило время относительной свободы в делах и суете. Отвечу Вам подробно обо всем. Первое, не писал Вам, ибо был оч. занят с очередн. номером (а кроме того — других дел куча). Понял, что Вы не пришлете к этому номеру.

И от прозаика слышит поэт:

Сроки пропущены! Сроков нет!

Но надо вырешить вопрос: будете ли Вы вообще писать? Об Антологии? Почему нет? Нехорошо трусить, маэстро!

Нехорошо... Чек я Вам вышлю. Скоро. Слово чести. Но я хочу с Вами поговорить по душам. Я не знаю, кто Вы — Немирович-Данченко или Станиславский? В мемуарах Данченко — есть хороший штрих. Ужинали они в "Праге" (исторический ужин — основание МХТ). И под конец, уходя, Немирович мимоходом говорит: будем, стало быть, вместе работать и давайте говорить всегда друг другу правду. И неожиданно для Немировича — Станиславский вдруг как вскинется: нет, только не — правду, ради Бога, я правды не выношу и пр. и т. п. Так вот, кто Вы? Станиславский? Все равно — я Немирович — и хочу Вам сказать, что думаю, ибо это "для дела" нужно. Вы знаете, как Н. Ж. относится к Вашим стихам. "На большой палец!" Так вот — говорю честно — я оч. был рад, что Вы опустили два стихотворения из первого присыла. Но это еще не все, маэстро! Надо опустить (дружеский совет) еще одно: "Помер булочник сосед". М. б., Вы вскрикнули, маэстро, — ах, Гуль, ах, сволочь, ах, е. т. м... Может быть. Но верьте мне, дружески говорю — это "бяка": "Пил старик молодцевато — хлоп да хлоп — и ничего". Да что Вы, маэстро, разве это Вы? Зачем же Вам ни с того ни с сего формально снижаться? Упаси Бог и святые угодники, этого совсем не надо. Вы знаете, и это не только мое мнение (а у Гуля — верьте — слух почти абсолютный, ей Богу!). Один человек, оч. любящий Ваше творчество — прочел это стихотворение (вместе с другими) и сказал: ну, кажется уж доходим до частушек. Маэстро, у Вас, кажется, опять сорвалось — Гуль, сволочь, ах, и т. д.... Но Вы все-таки не правы. А этот человек-то — прав. Дружески рекомендую и прошу — скиньте со счетов — нехорошего этого старика, который и пить-то не умеет вовсе, ну его к черту.

Далее. Переходим к следующему пункту повестки. Посылка Вам — будет беспременно. Вся задержка была в занятости жены. Это она ведает, а она была нездорова и пр. Мне известно, что для Вас уже лежат: пальто драповое, синий костюм летний, рубахи, что-то еще из белья и ботинки (как Вы любите без завязок, к черту завязки, это здесь называется "лоферы"), галстуки. Но ничего еще нет для И. В. А американка наша милая уже в деревне. Но клянемся, что из деревни пойдет (там доставать все это гораздо легче, оттуда вещи Вам и ушли в

прошлый раз). Так что и отсюда пойдет Вам. И из деревни.

То, что помирились с Адамовичем — хорошо. Лучше же мириться, чем ссориться, тем более, что Адамович... на российский престол не претендует и вообще человек умный. Кстати, поговорите с ним — может, он напишет ч.-н. для Н. Ж. Редакция Н. Ж. ничего не имеет против Адамовича. В Берлине в свое время ходил такой анекдот: Торгпредство ничего не имеет против Рабиновича. А Рабинович имеет дом против Торгпредства. Итак, поговорите с ним. Нам интересней — темы литературные, а не философические. Может быть, он напишет — по поводу статьи Ульянова? Я в статье о Цвет. тоже касаюсь Ульянова и его темы. Мне представляется нужной эта тема — пусть мы стары, пусть мы уходим — но даже "баттан ан ретрэт" — надо бить наступающего хама... Согласны?

Итак, Георгий Владимирович, подумайте об антологии и отпишите мне, пожалуйста, будете ли писать. Подумайте и о статье по поводу Ульянова. А — нет. Поговорите с Адам. Пусть он этим "начнет карьеру" в Н. Ж. К тому же мы и платим что-то. Не только слава, но и добро...

О книге И. В. хочет написать Юрасов. Мне представляется это интересным. Он — новейший эмигрант. И ему книга оч. понравилась. Он сказал мне, что с большим удовольствием напишет. Ну, кажется, написал обо всем и заслужил тем всяческие индульгенции. Когда-нибудь напишу Вам, как за три недели до смерти наш Великий Муфтий* писал мне — "обожаю подхалимаж, как Сталин. Даже больше, чем Сталин". И с эдаким "легким" посошком отправился в загробное странствование. Ох, грехи наши тяжкие...

Сердечный привет, дружески Ваш Роман Гуль

И. В. целую ручки

---

*И. А. Бунин.

27 июня 1954 года

Дорогой Георгий Владимирович, ну вот мы с Вами и в конфликте. Как скоро прерывается наша дружба! И все из-за камбалы и кенгуру...

Нет, нет, маэстро, камбалу
Я не отдам Вам в кабалу!
Иду к старейшему еврею,
Он открывает Каббалу,
И чудодейственно лелея,
Нам дарит Вашу камбалу!

В чем же дело? Да в том, что я был очень рад, что Вы сняли многое из первого присыла, но — кенгуру и камбалу — не отдаю. Как хотите. Почему? Вы говорите, что кенгуру это не "На холмы Грузии", не "Еду ли ночью по улице темной" (две первых строки), не стихи Некрасова к Панаевой. Допустим. Вы правы. Но в кенгуру такое "милейшее уродство" и такое "веселое озорство" — что убивать их никак невозможно. Протестую. Хочу их увидеть напечатанными. К тому же "вертебральную-то колонну" надо же подарить русской литературе, до этого — у нее ее не было. Я разыгрываю сразу несколько варьянтов. Понимаю, что теперь — в этом "Дневнике" — кенгуру будет не к месту. Хотя... Это не сказано... Может быть, даже наоборот, такая "запятая" будет очень недурна! Было же раз — "полы моего пальто"? И даже имело потрясающий успех... у Мельгунова. А кенгуру и камбала будут иметь в этом же кругу — совершенно ошеломительный успех. Давайте "похамим", элегантно, но элегантно. Предлагаю Вам вставить кенгуру. Это один варьянт. Другой такой. Когда я прочел впервые кенгуру и в него "влюбился без памяти", то я подумал, что этот стих написан в четыре руки. Мне показалось, что первоначально его набросала Ир. Вл. — а потом Вы кое-что прибавили, рамку. И вот у меня мелькает мысль, м. б., И. В. нас помирит? М. б., она возьмет этих милых зверей под свою высокую руку и от ее имени мы их тиснем в след. книге? Ирина Владимировна, вы как? Не слышу? Что? Согласны? Тогда — единогласно! И первоклассно! Но не слышу через океан — очень шумит... Дабы засвидетельствовать мою полнейшую искренность в отношении кенгуру — предлагаю Вам даже посвятить их "Р. Б. Гулю". Ей Богу. Конечно, было бы еще правильнее посвятить их Мельгунову или Тырковой. Это была бы, правда, "пощечина общественному вкусу". Но было бы неплохо. Но если Вы посвятите кенгуру Гулю — то Мельг. будет хохотать до колик — и всем будет показывать, всем тыкать —

"до чего Гуль и Иванов довели Н. Ж. — из лошади сделали верблюда". Это — забавно. И безобидно. Одним словом — жду ответа — чтоб конфликт не перезрел из-за этих животных черт знает во что. Нет, ей Богу, подумайте и давайте напечатаем кенгуру (это вроде как анчоус на гренке с черносливом — после всяческих десертов)...

Далее. Посылка ушла дня три-четыре назад. Перечислю вещи: пальто-драп (черное), костюм синий летний (его, мне думается, придется покрасить, он слегка выгорел, но костюм цельный); ботинки — лоферы черные, какие-то носки, платки; ботинки белые для Ир. Вл., для нее костюм летний, явно требующий переделки, ибо размер, кажется, не ее и еще какая-то мелочь для Ир. Вл. Вот, по-моему, все. Только давайте по простоте. Вы понимаете, что посылать ношеные вещи — неприятно. Было бы приятно — прийти к Бруксу — и заказать посылку на 1000 долл. всяких "уникумов". И поэтому — Вы просто пишите, то-то, мол, никуда не годится, то-то, мол, — ничего, то-то выкинули, то-то пришлось. А мы будем рыскать. Из деревни, м. б., ч.-н. приглядим. Там есть в одном городке, куда мы ездим с миссис Хапгуд часто, такое симпатичное заведение. Прошлогодние вещи были оттуда. Ледерплекс — пришлю просто по почте. Я сам его ел. Но сейчас ем другое — "Клювизол" — канадское какое-то средство — комбинэйшен витаминов с железом и пр. До Америки не ел никаких "вайтаминс", а тут все едят, даже неприлично, если не ешь. И действительно, вещь стоящая, прекрасная. Пришлю.

Ну кажется, на всё серьезное ответил. Сейчас обрываю, ибо надо укладываться. Итак, до свиданья! Дружески Ваш Роман Гуль.

18-го июля 1954 г.

Дорогой Георгий Владимирович,

Ваше интересное письмо (и одно стихотворение — прелестное) получил в глуши Массачузетса. Большое спасибо. Стих ушел в набор вместе с Камбалой. Поразмыслив, думаю, что не надо Камб. мне посвящать, я секретарь редакции, Вы писали обо мне отзыв, я писал о Вас — не стоит дразнить гусей. Повременим, так будет лучше.

Понимаю от души Вашу нелюбовь к ”умственному труду”. Я жене все твержу, что хотел бы ”собак разводить” — чудесная промышленность и очень симпатичная, но ничего не поделаешь, надо ”в общество втираться”, хоть и тяжело.

Кстати, сегодня в своем лесном ”стюдьо” — взял ”Оставь надежду” и насмерть зачитался, оч. завлекательно построено и здорово написано. Прочту запоем. Рецензию устроим хорошую. Если Юрасов не напишет (он хотел), то сделаем иначе — м. б., ”своею собственной рукой”. Простите, что не выслал еще Ледерплекс. Это потому, что все не были еще в нашем уездном городе — Атол. А тут в глуши нет этих веществ. Но в первый же выезд — я куплю и вышлю.

О Набокове? Я его не люблю. А Вашу рецензию (резковатую) в ”Числах” не только помню, но и произносил ее (цитировал) жене, когда читал ”Друг. берега”. Ну, конечно же, пошлятина — на мою ощупь, и не только пошлятина, но какая-то раздражающая пошлятина. У него, как всегда, бывают десять-пятнадцать прекраснейших страниц, читая кот. Вы думаете — как хорошо, если б вот все так шло — было бы прекрасно, но эти прекрасные страницы кончаются и начинаются снова — обезьяньи ужимки и прыжки — желанье обязательно публично стать раком — и эпатировать кого-то — всем чем можно и чем нельзя. Не люблю. И знаете еще что. Конечно, марксисты-критики наворочали о литературе всяческую навозную кучу, но в приложении к Набокову — именно к нему — совершенно необходимо сказать: ”буржуазное” искусство. Вот так, как Лаппо-Данилевская. Все эти его ”изыски” — именно ”буржуазные”: ”мальчик из богатой гостиной”. А я этого не люблю. И врёт, конечно — и бицепсы у него какие-то мощные (какие уж там, про таких пензенские мужики говорили — ”соплей перешибешь” — простите столь не светское выражение). Вообще, я к этой прозе отношусь безо всякого восторга. И честно говорю: не мог читать его книги. Возьму, подержу, прочту стр. десять — и с резолюцией — ”мне это не нужно, ни для чего” — откладываю. Прочел только — с насилием над собой — две книги (обе в деревне, летом): ”Дар” в прошлом году, ”Приглашение на казнь” (в деревне во Франции). Не могу, не моя пища. Кстати, мелочь. Не люблю и его стиль. Заметьте, у него

неимоверное количество в прозе — дамских эпитетов — обворожительный, волшебный, пронзительный, восхитительный, и дамских выражений — "меня всегда бесит" и пр. О нем можно было бы написать интересную "критическую" статью. Но это работа. А мы больше бы — "собак разводить". Спасибо за лестные слова (Ваши и И. В.) о статье о Цветаевой. Мне думается, что статья ничего себе. Еленева ей была растрогана потому, что — "в ней настоящая Марина" — а она ее оч. любила. М. б., она и права. Ах, Марина — непутевая была покойница и бешеная... но тем и хороша. Хочу написать теперь об Эренбурге (за всю работу в Н. Ж. — уже больше двух лет — о Цвет. написал первую статью; видите, неопровержимое подтверждение, что — "собак разводить"). Да и то меня друзья ругают, говорят, что стыд и позор — ничего не пишу. Дела, дела — загрызли... И все хочется *дышать,* а не писать, *идти* куда-нибудь (все равно куда), а не сидеть за письменным столом, *молчать* и *не думать* (а иногда и думать) — а не читать, вообще — *быть,* а не существовать. А *быть* трудно в наши дни и в нашем положении.

Ну, конец, крепко жму Вашу руку. Целую ручки Ир. Вл. Ваш Роман Гуль

20 января 1955 года

Дорогой Георгий Владимирович,

И Вас — с Новым Годом! Получил Ваше письмо. И совершенно согласен с Вашим предложением: принимаю единогласно! Будем в Новом Году себя вести хорошо. Насчет того, что я снял посвящение с камбалы — прошу прощенья. Но дело в том, что я с детства не люблю рыбы. Ей-Богу. А вообще я был бы, конечно, очень польщен Вашим посвящением. Только чур не на рыбьем, а что-нибудь такое — чудесное, лирическое.

Дружески Ваш: Роман Гуль

28 февраля 1955 года

Дорогой маэстро,

Был очень рад получить от вас письмо. И еще больше —
Рад тому, что живете в Варе,
Что играете на гитаре,
Что бесплатен и стол, и кров,

И от Вара далек Хрущев!

Но еще больше тому, что М. М. Карпович выхлопотал Вам прекрасную допомогу, которая докажет Вам, что жизнь прекрасна вообще, а в Варе в частности. Я не ответил Вам быстро, ибо я очень занят, так занят, как Вы никогда не были заняты в жизни. Хотя, может быть, в те времена, когда Вы в желтой гостиной какого-то клена принимали какое-то общество — может быть, тогда Вы и бывали заняты, но не тем, чем занят я "на сегодня", как пишут в советских газетах. Нет, правда, без шуток. Очень занят и очень устал. Кстати, с мюнхенской станции "Освобождение" пойдет мой скрипт, кот. я послал как-то недавно — о Вас, жуткий маэстро. Признаюсь — уточним — о Вас передавать в страну "победившего социализма", конечно, невозможно. Вы же развратитель пролетариатов, и можете их разложить... Но именно поэтому и оцените мою гениальность, как я подал Вас — я передал небольшой отрывок о Мандельштаме из петербургских зим, предпослав рекламное (Вам) предисловие: "друг Анны Ахматовой и Николая Гумилева, Георгий Иванов по справедливости считается лучшим русским поэтом за рубежом". Хорошо? Надо бы лучше — да некуда. И славу Вам даем, и деньги, и все, что хотите, а Вы все нас презираете, и только, как Петр Ильич Чайковский с бедной этой (как ее) Марфы Елпидифоровны фон Мек — все требуете кругленьких и кругленьких... А наши-то труды — без оных ведь? Это грустно. Хорошо всегда, когда за эпистолярным трудом стоит эта возможность получения кругленьких — и стиль становится резвее. Нихт вар? Это Вам не Вар (просто).

Кстати, где же Вы? В русском (публичном?) доме? Нет, правда, напишите, это, вероятно, детище Роговского? Одно время детище было красноватым, теперь наверное — не так уж чтобы.

Вы интересуетесь моей болезнью? Ну, как Вам сказать, я рад бы был так еще полежать. Лежал прекрасно, первоклассно, уйти я вовсе не хотел! Госпиталь был чудесный — и с телефоном, и с радиоаппаратом — и китаяночки вас обмывают каждый день, и негритяночки натирают через день. Вообще, чудо века. Теперь бегаю, как молодой. До поры до времени. "К чему скрывать?"

Кстати, Завалишин (чтобы не забыть) говорит, что "Распад атома" у него и письмо Гиппиус у него. И что если б Вы ответили ему своевременно, то заработали бы деньги, он парень очень милый и теперь более-менее трезвый. Если Вы напишете ему письмо (а можете просто для него вложить это письмо в то, которое Вы пошлете мне — зовут его Слава, или Вячеслав Клавдиевич, что то же), чтоб он передал книгу и слова Гиппиус мне, он передаст. А нам это надо — для статьи о Вас, которая будет. Я даже думаю, не трахнуть ли мне о Вас эдакий памятник! Могу. Но как быть с гостиной желтого клена, Ваше Сиятельство? Ее придется забыть, пожалуй. Начнем — с заграницы, а прежнее — заштрихуем. Так?

Итак, умер Ставров, умер Кнут — да, года идут, идут. Ставров был на год старше меня, а Кнут и вовсе был мальчик, что-то под пятьдесят, кажется...

Поблагодарите Юрасова, он написал прекрасную рецензию, на которую обратили внимание множество человечества. Ей-Богу! Мой друг, Марк Вениаминович Вишняк (с которым очень дружим) звонил и сказал, что самая интересная рецензия в номере! Вот до чего прославили, а все зря, все ни к чему, барыня опять недовольные. Итак, шлите все, что хотите, все будем печатать крупным шрифтом, вразбивку — курсив ваш (отдай ему его курсив! говорит, кажется, Остап Бендер)

Теперь две строки всерьез: выходит Мандельштам, хотите написать о нем? Но только *без неправды*. Если Вы не обманете нас, а напишете, то я Вам тогда пошлю. А не напишете, так и не просите. Думаю, что о Мандельштаме Вам все книги в руки. Это было бы очень интересно. Но ведь беда-то в том, что Вы неверный человек. С Буровым наверное куда верней, а нас, как народников-интеллигентов гуманитарного пошиба, — презираете.

Одним словом, кончаю. А мечтаю, знаете о чем: о деревне Питерсхем, куда хотим завалиться в этом году пораньше — ах, как там здорово. Написал бы Вам о лесе, о зорях, о птицах, но знаю, что Вы урбанист и робко смолкаю.

И. В. — привет! Крепко жму руку, Ваш Роман Гуль

14 мая 1955 года

"Сквозь рычанье океаново
Слышу мат Жоржа Иванова"

Дорогой Георгий Владимирович, некоторые литературоведы-шкловианцы настаивают, что во второй строке в слове "Жоржа" ударение должно быть на последнем слоге, другие — социалистически-реалистического направления — утверждают, что ударение должно быть на первом слоге. Я, собственно, склоняюсь к шкловианцам. При таком ударении создаются всяческие океанские (и не только океанские) ассоциации с "моржом" и пр. И так — лучше, по-моему. Теряюсь в догадках, что больше понравится Вам. Но вообще строки — "на ять".

Итак, получил Ваше письмо. Вы совершенно правы, когда, негодуя и любя, упрекаете меня в столь глубокой паузе. И писать письма — крайне желательно, но трудно. Но мы Вас никак не забываем, в чем Вы и И. В. можете убедиться, глотая витамины ледерплекс каждое утро — под соловьиные трели и прочие прелести Вашего чудесного Вара. Но больше того. На горизонте появляются и другие доказательства дружбы в виде — наконец-то: рыжих лоферов, мокасинов и прочего. Но это требует совершенно особой баллады об американском графе. Этого американского графа Бог сотворил так, что всё с него — тютелька в тютельку на Вас. И для того чтобы послать Вам лоферы и прочее, надо было разыскать графа и доказать ему, что он должен — в Вашу пользу раздеться. Граф не возражал и, как всякий граф, был демонски хорош при этом. И вот 10 мая к Вам ушла небольшая, но не без приятности посылка с вещами этого самого американского графа. В ней — рыжие лоферы и мокасины (для неграмотных — легкие туфли индейского стиля, носимые в Соединенных Штатах Америки, а также и в других странах). Серый костюм — легкий, летний, совсем легкий, совсем летний — специально для соловьев, для роз, для неутруждаемости плечей поэта. Костюм этот у графа только что пришел из чистки, так что его надо только выгладить. Далее две рубахи — какие рубахи граф положил — не упомню. Три галстука, из которых один галстук граф отдавал не без рыданий. И последнее — такой конверт из пластики, и в нем пальто из пластики на случай дождя, если таковые идут в Варе. К этому

самому пальту приложен Скач Тайп, то есть такая клейкая бумажка, но это не бумажка, а только похоже на бумажку, это пластика, и если где надо будет со временем починить это непромокаемо-непроницаемое пальто для дождя, то — вот именно этим самым скач тайпом. Вы посмотрите только какой этот граф — миляга, внимательный, хоть и забубенный. Да и две пары носков. Вуаля, се ту. Большего у графа отнять никак не мог. Граф стал упираться, хныкать, ругаться. И я решил оставить его пока что в покое — до следующего налета. Но граф оч. просил (странные бывают эти графы), чтоб я ему доподлинно сказал, что и как Вам подошло, чем Вы довольны, чем недовольны и вообще все такое прочее. Так что будьте уж любезны, маэстро, когда получите, напишите. Получите, вероятно, к самому сезону жары — числа 15-20 июля. Вуаля. Точка.

Теперь переходим к пустякам, то есть к поэзии и к прозе. Вы грозитесь прислать всякие вкусные и чудные вещи. Мы в восторге. Но почему так небыстро? Прислали ли бы Вы к сентябрьской книге, вот это было бы правильно, а Вы хотите чуть ли не к декабрьской, под самый занавес, так сказать. Поторопитесь, маэстро. И стихи, и прозу. Будет чудесно. И всем приятно. Если Вы уже написали балладу о дружбе через океан — то пришлите и ее для воспроизведения. В ответ на начало моей баллады, кое даже приведено как эпиграф к этому мессиву. Итак, идем дальше. О статье о Вас Вы знаете, я готов. То есть, готов написать. Еще не решил как — в линии ли статьи о Цветаевой или в линии статьи об Эренбурге (в посл. кн. НЖ). Но готов. Внутренне готов, *знаю что* написать (уже есть в душе "мясо" этой статьи). Но беда-то в том, что у меня нет материалов. Есть только "Распад атома". Причем Вы не правы, сейчас меня не стошнило, меня стошнило гораздо раньше, когда "Распад" только что вышел. Ты опоздал на двадцать лет... и все-таки тебе я рада. Нет, без шуток, хоть и тошнит, но "Распад" — ценю очень. Но вот как со стихами? У меня нет ничего. Я ведь из тех, кто не собирает никаких книг. "Маэстро, я не люблю музыку" [1].

1. Рассказывают, что Тосканини как-то спросил первую скрипку своего оркестра: "Почему вы всегда такой грустный?" — "Маэстро, я не люблю музыку", — ответила первая скрипка.

А для того, чтоб вжиться в Вас — нужно же начитаться. Здесь достать — едва ли ч.-н. смогу. М. б., Вы мне пришлете заказным пакетом (простой почтой). А я Вам также заказно верну все в целости и сохранности. Допустим, что ранних стихов не надо (кое-что помню), но нужно все, что было издано за границей. Беспременно. Без этого нельзя. А я бы поехав в июле (первого) опять в тот же лес, в то же стюдьо, где жили с женой в прошлом году (Питерсхем) — там-то вот бы и написал статью, как надо. ИСТОРИЧЕСКУЮ. Ну, как — "Менцель — критик Гёте" или ч.-н. такое добролюбовское. Ей-Богу. Даже знаю, с чего начну. Не догадаетесь — с цитаты из Михайловского, да, да — насчет этики и эстетики (про Каина и Авеля). Не пугайтесь, не пугайтесь, Вы, конечно, будете Каином, я Вас не оскорблю никакой неврастенией... Ну, так как же? Можете мне помочь в этом монументальном всечеловеческом деле? Попробуйте. Главное, не бойтесь прислать. Я верну все до ниточки. Я аккуратен, как Ленин (ненавижу эту собаку, но знаю, что он был оч. аккуратен, даже педантичен). Итак, жду от Вас ответа, как соловей лета. Чеховское изд-во еще живет, еще вздыхает и официально до 1956 года (сентября) будет жить. Так говорят. Но, м. б., будет жить и дальше, говорят, что они скопили (смешное слово! сколько выкинули псу под хвост!) какие-то деньги, кот. им разрешат, м. б., прожить еще. Так что еще не все надежды потеряны. Пишите, пишите. Рад, что отзыв Юрасова понравился И. В. Это гораздо лучше, чем если бы писал я. Одним словом, "Новый Журнал" имеет честь просить Вас обоих оказать честь его страницам и присылать все, что сочтете нужно-возможным.

За сим сердечно и дружески Ваш: Гуль-американец.

Сердечный привет Ир. Вл.

Я все мечтаю выпрыгнуть — устроить что-нибуть в кино иль на театре. А то так работать и жить "надоело стало", как говорил один немец, переводя с немецкого langweilich geworden.

Ваш Роман Гуль

*

В ответ на это письмо пришла открытка с изображением Авеню де Бельжик в Hyères, где жили Г. Иванов и И. Одоевцева, а на другой стороне такое стихо Г. Иванова:

Сквозь рычанье океаново
И мимозы аромат
К Вам летит Жоржа Иванова
Нежный шопот, а не мат.

Книжки он сейчас отправил — и
Ждет, чтоб Гуль его прославил — и
Произвел его в чины
Мировой величины.

(За всеобщею бездарностью).
С глубочайшей благодарностью.
За сапожки и штаны.

Г. И.

Hyères, 24 мая 1955 г.

"Новый Журнал", кн. 140, 1980 г

К ВОПРОСУ ОБ «АВТОКЕФАЛИИ»

ЧЕТЫРЕ ДРЕВНИХ ПАТРИАРХАТА ОСУЖДАЮТ РУССКУЮ АВТОКЕФАЛИЮ В АМЕРИКЕ*

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА АФИНАГОРА ПАТРИАРХУ АЛЕКСИЮ

Блаженнейший и Святейший Алексий, Патриарх Московский и всея Руси, возлюбленный и дражайший брат и сослужитель нашей верности. Мы почтительно и братски лобзаем Ваше Блаженство во Иисусе Христе и имеем честь обратиться к Вам со следующим:

Некоторое время тому назад мы были осведомлены из кругов Русской Митрополии в Нью Иорке о переговорах, которые давно ведутся между Вашим Блаженством и Митрополией для установления нормальных отношений между Митрополией и Московской Патриархией.

Наша Константинопольская Церковь, как Мать, всегда ищущая мира в лоне каждой из различных Православных Церквей, равно как соблюдения между ними уз любви, с любовью наблюдала за братскими стараниями, употребляемыми с обеих сторон для восстановления нормальных отношений и соблюдения гармонии и единства в лоне нашей Святой Православной Церкви и всегда в соответствии со Священными Канонами и церковным порядком и практикой, которая издавна стала законом.

Итак, пока мы ожидали, что, в соответствии с глубокой осторожностью Вашего Блаженства, имевшие место переговоры поведут к блаженному и мирному направлению, мы и

---

* В "The Orthodox Observer," Quarterly, в № за октябрь-ноябрь-декабрь 1971 г., под заглавием «Четыре древних патриархата осуждают русскую автокефалию в Америке» опубликованы на английском и греческом языках послания четырех патриархов. Мы приводим их в переводе с английского; к сожалению, из-за недостатка места с некоторыми но незначительными сокращениями. *Р. Г.*

наш Священный Синод, к нашему удивлению и сожалению, были недавно осведомлены из докладов нашего Высокопреосвященнейшего Архиепископа Северной и Южной Америки Иаковоса, что представители Вашего Блаженства ведут переговоры с представителями Митрополии для объявления этой Церкви автокефальной.

Мы считаем излишним и бесполезным перечислять в подробностях гибельные последствия, к которым могли бы привести такие возможные действия Святой Русской Церкви. Ибо Ваше Блаженство хорошо знаете, какое ниспровержение церковного порядка и какое общее смятение может произойти вследствие такого объявления автокефалии в любой юрисдикции произвольно и односторонне относительно Церкви со стороны одной из автокефальных Церквей.

Обращаясь же теперь к тем Православным Церквам в «рассеянии» в Америке, подчиненным различным отечественным юрисдикциям и зависящим от них до тех пор, пока не состоится обще-православное решение по данному вопросу, ясно, что объявление автокефалии одной из этих Церквей, если оно совершается так, как предусмотрено в отношении Митрополии, составляет акцию, которая не только противоречит священным канонам, которыми руководилась наша Православная Церковь в течение многих столетий, но и акцией, которая вместо способствования установлению нормальных отношений, может стать источником проблем для Православия в Америке. Результаты этих проблем неизбежны и вышеуказанная Митрополия не может избежать того, чтобы стать предметом, нарушающим обще-православные отношения.

В эти дни, когда так много усилий прилагается к тому, чтобы создать священное единство внутри Православия и списки вопросов, относящихся к Православной Церкви в рассеянии вообще, включая автокефалию, предложены для изучения и окончательного решения Священным и Великим Собором, мы без колебаний полагаем, что план, обсуждаемый относительно Митрополии, будучи осуществленным, содержит в себе большие опасности и подорвет совместные и гармонические междуцерковные усилия по подготовке Собора...

Глубоко озабоченные единством наших Православных Церквей и единством, которое проявляет каждая Церковь, твердо направляясь к Великому Собору и будучи убеждены,

что Ваше Блаженство, весьма нами возлюбленное, имеете то же мнение и те же намерения, мы пишем Вам по постановлению нашего Священного Синода. И, делая это, мы требуем от Вас и Вашей Святейшей Церкви, чтобы, взвесив обстоятельства и проистекающую отсюда ответственность, Вы не позволили бы, во имя общей пользы, чтобы дело это шло дальше, но чтобы намеченные планы были отменены.

Желая со всей ясностью оповестить заранее Ваше Блаженство о том, какова будет позиция нашего Святого Апостольского и Патриаршего Вселенского Престола, если бы мы столкнулись с обсуждаемой проблемой, касающейся Православия, мы поэтому уведомляем Вас в этом братском Патриаршем письме, что,

если Святая Российская Церковь, столь возлюбленная, вопреки нашему братскому увещанию и совету и вопреки всякой надежде, будет продолжать осуществление ныне намеченного предложения объявить автокефалию Русской Православной Митрополии в Америке, то этот Престол не признает этого деяния и не впишет этой Церкви в диптихи Святых Православных Автокефальных Церквей. В соответствии с этим, мы заклеймили бы эту Церковь, которую Вы хотите объявить автокефальной, как неканоничную. В связи с этим наш Престол принял бы и другие меры, необходимые для обеспечения канонического порядка.

Кроме того, мы полагаем, что имеем долг оповестить об этом деле наших Братьев во Христе, Патриархов, Архиепископов и Глав Святых Православных Автокефальных Церквей, каждому из коих мы пошлем копию этого нашего Патриаршего послания для сведения. Копия также посылается Высокопреосвященнейшему Архиепископу Иаковосу Северной и Южной Америки.

Мы обращаем к Вашему Блаженству это определение Священного Синода с надеждой, что отныне всякая акция, которая могла бы нарушить спокойствие и мир в Церкви, будет избегнута, и мы вновь лобызаем Вас братской любовью и с глубочайшим уважением во имя Христа Спасителя, явившегося ныне на реке Иордане.

Ваш брат во Христе
Афинагор Константинопольский,
Вселенский Патриарх

8 января, 1970

Засвидетельствовано в качестве верной копии Главн. Секретарем Священного Синода Архиепископом Колнским Гавриилом.

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА АФИНАГОРА МИТРОПОЛИТУ ПИМЕНУ КРУТИЦКОМУ

Высокопреосвященнейший Митрополит Крутицкий и Коломенский, возлюбленный брат в Духе Святом и сослужитель нашей Мерности, Господин Пимен, Местоблюститель Московского Патриаршого Престола: благодать и мир Божий да будет с Вашим Высокопреосвященством.

Мы получили и прочитали со вниманием в заседании нашего Священного Синода послание от 17 марта 1970 г., которое почивший Патриарх Московский и всея Руси Алексий послал нам в качестве ответа на наше братское послание на его имя от 8 января 1970 г., содержащее разбор его собственных суждений и его точки зрения, равно как и Священного Синода Православной Русской Церкви-сестры, по поводу недолжным образом возбужденного вопроса о предоставлении Московским Патриархатом автокефалии Русской Православной Митрополии в Нью Иорке под названием «Православная Автокефальная Церковь Америки».

Мы положительно удивлены узнать из вышеуказанного письма приснопамятного Патриарха, что он не получил нашего письма от 8 января 1970 г. за № 7 и что он ознакомился с его содержанием из копии, дошедшей до него другим путем. Наше удивление, достигшее степени тревоги, тем более оправдано, что, к тому же, наше письмо было послано заказным с обратной распиской и, в соответствии с международным порядком, мы получили соответствующую расписку от 17 января, имеющую подпись получателя. Мы прилагаем при сем фотокопию этой расписки для Вашего сведения.

Мы считали необходимым это объяснение для того, чтобы соответствующие инстанции имели возможность выяснить этот вопрос, могущий вызвать большое недоразумение. Мы просим Ваше возлюбленное и почитаемое Высокопреосвященство благоволить об уведомлении нас в свое время о результатах расследования, которое будет предпринято по этому

поводу для того, чтобы наше естественное недоумение было разъяснено.

Переходя к точке зрения, изложенной в письме от 17 марта 1970 г., мы не находим возможности для объяснения, удивления и недоумения, которые испытал блаженной памяти Патриарх по поводу содержания нашего предыдущого послания и, мы признаемся, что как раз содержание и форма его ответа причинили глубокое огорчение нам и нашему Синоду.

В нашем послании от 8 января 1970 г. за № 7 мы обратились с горячим братским увещанием, чтобы Святейшая Российская Церковь воздержалась впредь от всяких шагов, которые могли бы нарушить церковный мир и покой и создать положение, ниспровергающее установленный канонический порядок и вызывающее волнение и еще более глубокое смущение, распространяющееся в ущерб единству и согласию, достигнутому в нашей Святой Церкви после стольких трудов и лишений.

Но вместо того, чтобы найти, как мы этого ожидали понимание, которое отвечало бы нашей братской просьбе, как раз вопреки всякой надежде и ожиданию, мы констатируем, что, увы, Русская Православная Церковь упорствует в своей неправильной позиции и продолжает свои переговоры относительно проекта автокефалии вплоть до ее провозглашения.

Для оправдания своих мероприятий Ваша Церковь ссылается на необходимость устранения существующих непорядков во взаимоотношениях русских общин с Русской Церковью и между собою и на, якобы, принадлежащее ей право предоставить автокефалию, о которой идет речь, но приведенные аргументы отнюдь не убедительны в смысле справедливости предпринятого мероприятия.

И, прежде всего, в отношении аномалии во взаимоотношениях русских общин с Русской Православной Церковью и между собою, нет никакой причины или основания, чтобы, устраняя их, создавать другую, еще бóльшую (аномалию), которая может принести ущерб порядку управления всей Православной Церкви, имея в виду, что есть другие формы управления, к которым могла бы обратиться Святая Российская Церковь-сестра. Что касается якобы принадлежащего каждой православной автокефальной Церкви права предоставить ав-

токефалию, то это не отвечает ни каноническим требованиям, ни практике Церкви.

Конечно, нет сомнения, что по каноническому строю Церкви каноническая власть предоставляет автокефалию. Кто, однако, является законной властью, предоставляющей автокефалию? Каковы, далее, необходимые нормы и условия?

В церковном законодательстве нет канонов, специфически предусматривающих в подробностях вопрос об автокефалии. Но из основных принципов этого законодательства можно вывести соответствующие общие правила, ясно выраженные в каноническом сознании Церкви, как она высказалась во многих случаях в истории и как это ясно написано в статутах (Томосах) при объявлении автокефалии современных Поместных Церквей.

На основании этих источников закона, а также самого понятия об автокефалии как церковном акте, связанном с изменением церковных границ и появлением новой юрисдикционной и административной власти и создающим, т.о., новое положение во всей Православной Церкви, — следует, что объявление автокефалии принадлежит компетенции всей Церкви; оно отнюдь не может быть рассматриваемо как право «каждой автокефальной Церкви», как это значится в письме почившего Патриарха Алексия...

Полное и окончательное объявление автокефалии входит в компетенцию общего Собора, представляющего полноту поместных Православных Церквей, а именно Вселенского Собора. Поместный Собор Церкви-Матери, от которой зависят просящие автокефалии области, имеет только право принимать их первое прошение о независимости и решить, заслуживают ли представленные ими основания принятия в духе 34 Апостольского правила...

Факторами, признаваемыми как основные и необходимые для объявления автокефалии, являются прежде всего: 1) ясно выраженное мнение христианского народа, т.е. клира и мирян, 2) формулировка всем местным епископатом в официальном соборном акте соответствующего прошения, равно как и мотивов, диктующих отделение без епископата всякое деяние мирян или правительства, в качестве представляющего их, было бы самочинным актом, 3) мнение Церкви-Матери и, наконец, окончательное решение всей полноты Церкви является,

следовательно, необходимым для канонического создания автокефалии равно как и всякого подобного акта.

Если, согласно сказанному, объявление автокефалии одной Поместной Церковью части её, от неё отделенной, является неканоническим, то объявление одною Поместною Церковью церковной территории как автокефальной — территории, которая не только не составляет интегральной части её, но еще сверх того не имела никакого отношения или зависимости от нее, — явно является актом, преступающим юрисдикционные границы в нарушение явных указаний священных канонов. Ибо Святые Апостолы и Отцы Церкви настоятельно призывали к миру Церкви. Апостолы постановили: «Воспрещено одному епископу вторгаться в территорию другого» (каноны Апост. XIV и XXXIV), и Отцы, собравшиеся на I-ый Никейский Вселенский Собор: «Надлежит соблюдать древние обычаи и пусть каждый престол управляет епархиями, к нему принадлежащими» (каноны VI и VII). И Отцы, собравшиеся на Собор в Антиохии, постановили: «Ни единый епископ да не дерзает из единыя епархии преходити в другую» (правила XIII и XXII). Наконец, согласно Зонаре, Отцы, собравшиеся на Второй Вселенский Собор в Константинополе, постановили: «Епископы да не простирают своея власти на церкви за пределами своея области».

Эти священные каноны, на которых искони основывается строй Церкви, коими искони утверждается ее административный порядок и права Церквей защищены, а соблазн устраняется, эти каноны не были приняты во внимание Святейшей Церковью Российской, которая, увы, приступила к ряду действий, выходящих за пределы ее юрисдикции; все то, что она дерзнула сделать в течение последних лет в Польше и в Чехословакии, а теперь в Америке, — служит этому примером.

Русская Православная Церковь игнорировала создание Православной Церкви в Польше покойным Вселенским Патриархом Григорием VII Синодальным и Патриаршим Томосом от 13 ноября 1924 г. Этот акт Вселенского Престола в отношении Польской Церкви был охотно и безоговрочно признан в духе любви и братского общения. Между тем Русская Церковь даровала Польской Церкви новую автокефалию актом своего Священного Синода от 22 июня 1948 г. В этом случае она действовала нарушая права своей юрисдикции, ибо Православ-

ная Польская Церковь, по отрыве после второй Мировой Войны от территории Белоруссии и Украины, которые ранее были к ней присоединены, охватывает территорию, простирающуюся к западу до Балтийского моря, которая в древние времена была вне территории Московского Патриархата, и под юрисдикцией Вселенского Патриаршого Престола. Безъ основания или оправдания и преступая свою юрисдикцию Русская Церковь вмешалась в дела Православной Церкви в Чехословакии, на территории, тоже канонически и исторически принадлежащей Вселенскому Патриаршему Престолу и им организованной. Сначала она произвела давление на ее канонического епископа блаженной памяти Архиепископа Пражского и всея Чехословакии на территории, которая тоже канонически и исторически принадлежала Вселенскому Патриаршему Престолу и была им организована. Она начала с того, что произвела давление на ее канонического епископа Блаженной памяти Архиепископа Савватия Пражского и всея Чехословакии, послав туда Экзарха и, наконец, дошла до того, что пожаловала ему неканоническую и необоснованную автокефалию, нарушив еще раз канонический порядок автономии этого района, которая была дана ему Вселенским Престолом с 1923 г. и была признана Поместными Православными Церквами-Сестрами.

Идя по тому же неканоническому пути Русская Православная Церковь теперь вторгается в церковные дела в Америке. Ссылаясь на свою якобы материнскую связь с православными в Америке, основанную на факте отправления некогда миссионеров на Алеутские острова и в Аляску, она считает себя единственно имеющей законное право для дел «Греко-Кафолической Православной Церкви Америки» — как она называет русскую Митрополию в Америке под юрисдикцией Е. В. Митрополита Иринея. Следовательно она признает себя вправе решать церковные дела в Америке по своему усмотрению.

С начала второй половины XIX века, когда русские переселенцы в Америке стали спускаться из северных районов к югу, к промышленным центрам континентальной Америки, преимущественно начиная с первых десятилетий нашего века, православные почти из всех православных стран массами эмигрировали в Новый Мир, создавая таким образом православные юрисдикции, ныне существующие в Америке. Это есть новое

явление в истории Православной Церкви, новый вид диаспоры, положение исключительное и необычное, ибо оно допускает существование нескольких Митрополитов на одной территории, иногда действующих с одинаковым титулом церковной юрисдикции над отдельными национальностями. Это находится в противоречии с ясными каноническими требованиями, как напр. 21 прв. IV Вселенского Халкидонского Собора, которое определяет, что «Не бывает двух Митрополитов во единой области».

Хотя это положение противоречит основному догматическому принципу православной экклезиологии, согласно коему в основе церковной организации лежит единство всех верующих, живущих в одном месте, в едином церковном организме, имеющем во главе епископа, который укрепляет единство нового народа Божия, в коем «несть еллин, ни иудей... но всяческая и во всем Христос» (Кол. 3, 11), хотя это положение противоречит самому строю Церкви и её священному законодательству, тем не менее, поскольку это касается чрезвычайного явления, отдельного и временного, оно рассматривается и принимается нашим Святейшим Апостольским Вселенским Престолом в духе крайней вынужденности, снисхождения и терпимости для того, чтобы служить миру и единству между Церквами-сестрами, защищать его и распространять пока нельзя будет этот вопрос официально рассмотреть на будущем Святом и Великом Соборе Православной Церкви, коему он передается общеправославным решением. Вот почему мы не можем понять поспешности, проявленной Русской Православной Церковью, объявления автокефальною Церковью сравнительно малой части русской православной диаспоры в Америке, которая только недавно признала её юрисдикцию, давая ей при том титул, несоответствующий реальности.

Вследствие сего мы находим целесообразным для выполнения нашего долга и нашей ответственности в отношении всей Православной Церкви вновь братски увещевать Святую Православную Русскую Церковь воздержаться впредь от всяких действий в этом вопросе и напомнить ей, что у неё есть определенные границы и также ограничен круг её юрисдикции, который не может распространяться за границы компетенции, которая предоставлена ей Патриаршей Граматой Вселенского Патриарха Иеремии II в 1591 году, коему она обязана своим

независимым существованием, равно как и новому Томосу того же Патриарха Иеремии II, от февраля 1593 г.

Мы питаем надежду, что Русская Православная Церковь-Сестра, блюдя канонический порядок и имея в виду церковный мир, не только воздержится от действий в этом вопросе, но и сделает все возможное, чтобы устранить происходящее от сего каноническое расстройство. Но если вопреки надеждам она будет настаивать на своих нынешних взглядах, идя против постановлений, принятых на общеправославном совещании, которое отложило рассмотрение этого вопроса до будущего Святого и Великого Собора Православных Восточных Церквей, то мы объявляем, что этот Вселенский, Апостольский Патриарший Престол находит себя вынужденным для блага и в интересах всей Церкви считать все эти действия несуществующими, а действительным только всеправославное решение, регулирующее общий вопрос православной диаспоры.

Движимые братским долгом, мы даем этот ответ на письмо от 17 марта 1970 г. Святейшей Русской Церкви, и мы молим Бога, Отца мира, направить и в этом случае мысли её к деяниям, достойным её славного прошлого и её почтенных традиций для охранения канонического порядка и священного законодательства наших отцов. Бог да дарует Своей Святой Церкви мир, а Вашему досточтимому Высокопреосвященству многие лета, исполненные здравия и благополучия.

С братской любовью и глубоким уважением.

24 июня 1970 г.

Афинагор, Архиепископ Константинопольский, Вселенский Патриарх

ПОСЛАНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО ПАТРИАРХА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ АРХИЕПИСКОПУ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМУ, НОВОГО РИМА, И ВСЕЛЕНСКОМУ ПАТРИАРХУ

Возлюбленный наш брат во Христе и сослужитель нашей Мерности, досточтимый Афинагор, мы братски обнимаем Ваше Высокопреосвященство и имеем великое удовольствие обратиться к Вам. Мы получили письма, с которыми Ваше Высокопреосвященство обратилось к нам по вопросу о мероприятиях и действиях, на которые дерзостно решилась Святая Русская

Церковь-сестра в отношении Русской Православной Митрополии в Америке, возглавляемой Преосвященным Иринеем, а также корреспонденцию между Московским Патриархатом и Апостольским Патриаршим и Вселенским Престолом.

Исчерпывающим образом изучив эти письма, как лично, так и совместно с нашим Святейшим Синодом, мы были опечалены и огорчены этими антиканоническими и произвольными действиями Святой Русской Церкви-сестры, которые могут нарушить мир и расстроить единство в православной системе управления, а также привести к смущению в святых Православных Церквах.

К сожалению, статус автокефалии в какой бы то ни было форме, антиканонически провозглашенный Святой Русской Церковью Православной Митрополии Северной Америки или автокефалией Православной Церкви Америки вообще, был принят неосмотрительно не только в нарушение порядка, существующего уже много веков, согласно которому предоставление автокефалии является прерогативой всей Церкви, но также с полным игнорированием обычных норм вежливости, соблюдаемых в отношении остальных Автокефальных Православных Церквей во всем мире, которым Московский Патриархат должен был сообщить об обстоятельствах, якобы, требовавших этого предоставления автокефалии.

Согласно канонам, которые Святейшие Вселенские Соборы ввели так, чтобы они могли применяться повсеместно, одно необходимое предварительное условие провозглашения автокефалии было выделено, в особенности 4-м Вселенским Собором, а именно наличие свободно выраженного желания христианского народа, находящегося под руководством должным образом назначенного духовенства соответствующей церковной юрисдикции.

Святая Русская Церковь-сестра явно считает, что для провозглашения автокефалии какой-либо церкви требуется лишь достаточное число епископов для посвящения в сан других епископов и достаточное число верной паствы для обеспечения материальных нужд.

Эта главная и решающая роль народа Господня могла быть правильно оценена, если бы досточтимый Местоблюститель Патриаршего Престола в Москве помнил о том, что сказал покойный Московский Патриарх Тихон в своем протесте от

29 декабря 1917 г. Архиепископу Грузии, напомнив ему, что автокефалия даруется по просьбе государственных и церковных властей страны, желающей получить автокефалию, но что такая просьба должна действительно отражать «всеобщее и полностью согласованное желание народа».

Мнение досточтимого Митрополита изменилось бы еще более, если бы он знал о некоторых действиях и решениях 4-го Вселенского Собора. Своим каноном III 2-й Вселенский Собор предоставил Архиепископу Константинопольскому лишь почетный примат, сохранив в то же время своим каноном II полностью права экзархов провинций Фракии, Понта, а также Азии. Всего лишь через два десятилетия Св. Иоанн Хризостом в качестве Константинопольского Патриарха вмешался в дела вышеозначенных юрисдикций, снизив в должности этих экзархов и посвятив в сан на их место других. Эти снижения в должности и посвящения не имели бы ни канонической, ни правовой силы и вообще не было бы никаких изменений в этом отношении, если бы православные конгрегации не обратились к Св. Иоанну Хризостому с просьбой об исправлении совершенных неправильностей. Почти полвека спустя это вмешательство было признано действительным в каноне XXVIII 4-го Вселенского Собора. Согласно 16-му акту этого Святого Собора указанный канон включает Томос, предложенный собранию и имеющий подписи экзархов и большого числа епископов юрисдикций Фракии, Понта и Азии; этот Томос содержит просьбу о включении конгрегаций в сферу юрисдикции Константинопольского Престола. И когда власти спросили их, «подписались ли они добровольно или по принуждению», они заявили о своем свободном согласии...

Совершенно ясно, что в действиях Святой Русской Церкви-сестры основное предварительное условие, выражаясь мягко, было насильственно забыто и признано не имеющим силы, так как мнение наиболее многочисленной конгрегации в Америке, т.е. — мнение греко-православной епархии, не было ни запрошено, ни выслушано, как того требовало положение.

Переговоры велись и решения принимались с меньшинственной конгрегацией, составляющей едва одну треть всей православной конгрегации в Америке, большинство же продолжает оставаться вне автокефалии, либо игнорируя ее, либо же осудив ее.

Кроме того, Томос устанавливает парадоксальное и неслыханное в истории Православных Церквей положение: под юрисдикцией недавно назначенного первым заместителем в Московском Патриархате, бывшего епископа Уманского Макария, в Америке остаются все приходы бывшего экзархата Московского Патриарха. Следовательно, 43 прихода экзархата Соединенных Штатов, включая Свято-Николаевский собор в гор. Нью-Иорке со всем его имуществом, равно как и все приходы в Канаде, попрежнему находятся под юрисдикцией Московского Патриархата.

Таким образом Томос становится скорее коммерческим соглашением, вопреки любым нормам церковного строя, и этим Святейший Синод в Москве жестоко противоречит сам себе. Предоставляя одной рукой автокефалию Русской Митрополии в Америке, а другой рукой сохраняя свою собственную власть и юрисдикцию над приходами в том же самом церковном районе, что противоречит основным каноническим правилам, — Синод отрицает и делает недействительной им же самим дарованную автокефалию.

Сообщая вышеизложенные соображения, мы желаем заверить Ваше Высокопреосвященство в том, что наша Святая Церковь, будучи полностью согласна с точкой зрения, содержащейся в Ваших письмах, категорически осуждает антиканоническую, новую и самое себя лишающую законной силы автокефалию Русской Митрополии в Америке и считает ее не существующей и никогда не провозглашенной, а также считает означенный Томос никогда не изданным.

Мы принимаем и признаем положение, ранее существовавшее в Америке, впредь до того, как, согласно всеправославному обычаю, весь вопрос о Православной Диаспоре, в частности о Диаспоре в Америке, будет рассмотрен и окончательно решен Великим Святейшим Собором нашей Восточной Православной Церкви, созыв которого в настоящее время подготовляется.

Обращаясь с настоящим письмом к Вашему Высокопреосвященству с чувством глубокой братской любви и по решению Святейшего Синода, мы горячо и непрерывно молим Бога, восставшего из Его Святого Гроба, чтобы Он по своей безграничной милости пощадил свою Святую Церковь, возникшую из Его крови, от этой угрожающей ей опасности, а также

чтобы Он объединил и направил ее умы и сердца на осознание опасностей, присущих этой односторонне и антиканонично предоставленной автокефалии, и завершил восстановление согласия между церквами-сестрами ради их собственного блага и во славу их Всевышнего Создателя.

Мы обнимаем Ваше Высокопреосвященство во Христе и молим Его даровать Вам многие лета мира и спасения, и остаемся с братской любовью во Христе к Вашему Высокопреосвященству и с глубоким уважением

Бенедиктос, Патриарх Иерусалимский, 17 марта 1971 г.

ПОСЛАНИЕ АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА

Дорогой брат во Христе!

Я получил Ваше письмо и вполне понял его содержание. Этот случай с так называемой «автокефальной церковью в Америке» представляет собой значительный интерес. Я принял делегацию, состоявшую из одного епископа и известного Вам профессора А. Шмемана. Я заявил им, что автокефальная церковь в Америке может существовать только в результате соглашения между автокефальными церквами, главным образом между церквами, сохраняющими за собой юрисдикцию в Америке. Я уверен, что такого же мнения придерживаются и Ваши епископы там...

Мы в Антиохийской Церкви занимаем следующую позицию: только автокефальные церкви, действуя в консультации и согласии друг с другом, могут провозгласить Автокефальную Церковь в Америке. И мы регулируем наши церковные взаимоотношения на этой основе.

С любовью во Христе остаюсь

Элиас IV, Патриарх Антиохийский, Дамаск, 22 июля 1971 г.

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО НИКОЛАОСА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ АРХИЕПИСКОПУ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМУ, НОВОГО РИМА, И ВСЕЛЕНСКОМУ ПАТРИАРХУ

Возлюбленный наш брат во Христе и сослужитель нашей Мерности, досточтимый Афинагор, мы братски обнимаем Ваше Высокопреосвященство и имеем великое удовольствие обра-

титься к Вам. Настоящим мы доводим до сведения Вашего Высокопреосвященства и Вашего святейшего Синода о нижеследующем:

Мы со вниманием изучили любезные письма Вашего Высокопреосвященства относительно провозглашения Русским Патриархатом одной из групп православных христиан Русской Диаспоры в Америке в качестве автокефальной Церкви и в ответ мы настоящим уведомляем Вас, что на своем заседании 4 декабря 1970 г. Святейший Синод Александрийского Престола постановил:

Осудить автокефальный статус, предоставленный Русским Патриархатом в какой бы то ни было форме, будь то в форме автокефальной Русской Митрополии Северной Америки или, более широко, Автокефальной Православной Церкви в Америке, как акт, не имеющий исторического и канонического основания. Мы считаем его не имеющим силы и никогда не провозглашенным, а также считаем несуществующим освободительный Томос, изданный Московским Патриархатом, ибо он (Московский Патриархат) обязан соблюдать установленный в Православной Церкви порядок в отношении прав и власти каждой церкви и потому не допускать подобным мероприятием смущения и нарушения гармонии Вселенской Церкви, порядка и надлежащего функционирования, которые мы, епископы, должны уважать и защищать.

И для того, чтобы такое провозглашение русских в Америке в качестве Автокефальной Церкви не стало причиной бедственных последствий, Московский Патриархат должен был ждать того, чтобы вопрос о будущем русских людей в диаспоре был исследован, обсужден и решен окончательно всеми православными на ныне подготовляемом Великом Соборе Православной Церкви.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Высокопреосвященства и вновь обнимая Вас, мы остаемся с любовью и уважением брата и сослужителя.

Николаос, Патриарх Александрийский

Александрия, 16 дек. 1970 г.

ПОДРЫВНАЯ РАБОТА В МСЦ

Выражение «чекист в рясе», приводящее в негодование некоторых сторонников «автокефалии», как «политически вульгарное», принадлежит человеку, который ни к какой вульгарности не был склонен. Это выражение покойного первоиерарха американской митрополии Феофила. «Не поддавайтесь обману этих лжецов! Никакого общения, дорогие братья и сестры, с чекистами быть не может!» Так еще в 1947 г. говорил митрополит Феофил о московских посланцах на Запад.

В 1954 г., бежавший на Запад из Вены, видный работник КГБ Петр Дерябин в своей книге на английском языке «Тайный мир»* (стр. 280) рассказывает, что в Вене он работал вместе с митрополитом Николаем Крутицким (в миру Борисом Дорофеевичем Ярушевичем), который давно состоял «кооптированным сотрудником» КГБ. При чем на совести этого высокопоставленного «чекиста в рясе», тогда второго лица по рангу в Патриархии, лежит попытка предательства священника о. Арсения, пытавшегося бежать от Советов из Вены.

Другой видный беглец из Совсоюза, Юрий Растворов в 1956 г. в своих показаниях перед подкомиссией Сената США показал, что КГБ не только контролирует всю деятельность Церкви в Совсоюзе, но и засылает в нее своих агентов. Растворов рассказал, что в духовные семинарии Патриархии посылается много агентов госбезопасности. Председательствовавший на заседании сенатор Моррис спросил его: — Посылаются ли они, как студенты, для слежки за студентами? — Нет, — ответил Растворов, — они посылаются, как офицеры контрразведки в эти семинарии и впоследствии становятся священниками и епископами.

В 1961 г. Николай Крутицкий, оказавшийся в оппозиции к Патриархии, умер при загадочных обстоятельствах. Еще раньше его заменил — по подрывной работе на Западе — митрополит Никодим (Ротов). О его работе, подлинный христианский мученик, советский гражданин Борис Владимирович Талантов, запытанный кагебистами в тюрьме в Кирове (Вятка) в 1970 году, писал так: — «Деятельность Московской Патриархии за границей является сознательным предательством Рус-

---

*"The Secret World" by P. Deriabin and F. Gibney. Doubleday, N.Y. 1959.

ской Православной Церкви и христианской веры. Но настанет время разоблачения предательской деятельности Московской Патриархии за границей, час суда над митрополитом Никодимом». («Вестник РСХД», № 89-90).

Какую же работу на Западе ведет пресловутый «чекист в рясе», по рангу второе лицо в Московской Патриархии, митрополит Никодим? К сожалению, работу большого размаха, в мировом масштабе и, к сожалению, успешную. Об этом недавно рассказал Кларенс В. Холл в двух своих статьях — «Должны ли наши церкви финансировать революцию?» и «Куда ведет путь Мирового Совета Церквей?».** Обе эти статьи появились в самом распространенном в Америке журнале «Ридер'с Дайджест» (октябрь и ноябрь, 1971 г.). В этих статьях приводятся факты, как борется советская агентура (т. е. КГБ) с христианством в мире. Эта борьба главным образом началась через Мировой Совет Церквей, и с того момента, когда на конференции МСЦ в 1961 году в Нью Дели в состав этой мировой христианской организации были приняты Русская (т. е. Московская Патриархия), Румынская, Болгарская и Польская православные церкви. Кстати, на этой же конференции произошла первая встреча между «чекистом в рясе» митрополитом Никодимом и архиепископом Иоанном Сан-Францисским. Американская митрополия уже тогда состояла членом МСЦ.

Интересно отметить, что при приеме этих «чекистов в рясах» в состав МСЦ, дабы ничто не могло омрачить сего «торжественного исторического» события — «речи перед голосованием были запрещены». После же их приема гла́вы этих церквей заявили, что они представляют 70 миллионов верующих и посему группа представителей восточных церквей оказалась сразу же одной из самых крупных секций, входящих в МСЦ, заняв «ведущее» положение. Безуспешно некоторые органы западной печати высказывали разумное опасение, что прием контролируемых ленинцами церквей «даст международному коммунизму новую международную трибуну, с которой он сможет вести свое наступление на свободный мир».

** Мы приводим вкратце содержание обеих исключительно интересных статей Кларенса В. Холла. Полностью они были напечатаны в «Нов. Русс. Слове» (22 нояб. и 6 дек. 1971 г.) в переводе С. Женука и с его комментариями. *РЕД.*

«Чекисты в рясах» в МСЦ вошли и заработали. С их вхождением равновесие сил в МСЦ сразу нарушилось, дав сильный крен влево. Активное участие в руководящих комиссиях и комитетах дало возможность «чекистам в рясах» применять право вето в отношении всего, что не шло в политическом «фарватере» коммунистической иностранной политики. «Русские представители, фактически, стали диктаторами в МСЦ», такой итог подводит один из диссидентов, — пишет Кларенс Холл. Участие представителей церквей Восточного блока сразу же привело к утрате последних признаков свободомыслия в Совете Церквей. Политическая заостренность политики МСЦ стала полностью направляться на критику Западной Демократии. «Антиамериканизм, как основа христианского единения, заменил собой Никейское кредо», так сказал Джон П. Рош, бывший председатель общества «Американцы за демократическую акцию». А редактор либерального протестантского журнала «Крисчиан Сенчури» Харолд Фэй писал, что антиамериканские высказывания на конференции МСЦ, происходившей через пять лет после принятия Восточных Церквей (1966 г.), его глубоко потрясли.

Теперешний патриарх Пимен, фактически назначенный на этот пост руководством компартии, как «свой в доску», уже давно выступал именно в этом политическом антиамериканском стиле.* В свое время он писал в «Известиях»: «Мы заявляем свой решительный протест против начавшейся агрессии и призываем правительство США к прекращению военных действий и к выводу своих войск из Южного Вьетнама, Лаоса

---

* 21 февр. с.г. в «Нью Иорк Таймз» была опубликована телеграмма из Тель-Авива о встрече с печатью трех раввинов, не так давно эмигрировавших из Совсоюза. Эта пресс-конференция состоялась по их инициативе в Иерусалиме. На ней выступили секретарь недавно умершего московского главного раввина Иехуды Лейб Левина, раввин Мордехай Ханзин, раввины Израиль Бронфман из Одессы и Яков Элишковский из Москвы. Они рассказали, что КГБ стремилось поставить на пост главного московского раввина своего агента, а именно — Израиля Шварцблатта из Одессы. По их сведениям Шварцблатт уже давно сотрудничает с КГБ. В течение долгих лет Пимен и Никодим — и в своей церковной политике и в политических выступлениях — без сучка и задоринки проводят генеральную линию компартии. Зная «основы ленинизма», мы нисколько не удивимся, если кто-нибудь и их наконец разоблачит, как Израиля Шварцблатта.

и Камбоджи». А на торжестве интронизации этого самого малоуважаемого Пимена — в присутствии представителей *автокефальной «Православной Церкви в Америке»*, архиеп. Киприана, прот. Е. Пьяновича и проф. св. Д. Григорьева — было оглашено Окружное Послание Московского Собора с призывом к христианам (!!!) всего мира «бороться за прекращение американского вооруженного вмешательства во внутренние дела народов Юго-Восточной Азии». При чем американская политика была названа «реакционной, человеконенавистнической, проводимой империализмом, стремящимся к мировому господству». В том же стиле говорил и сам патриарх Пимен на торжественном приеме после интронизации.

Как же — слушая всю эту гнусную и для христианина преступную ложь — чувствовали себя *американцы, представители автокефальной «Православной церкви в Америке»*? Сведений не имеется. Никак. Американские дипломаты в таких случаях иногда хоть «покидают зал заседания». Ну, а эти? Выслушали и пошли к омерзительно роскошным, гнущимся от жратвы и обутыленным столам — есть икру, запивая московской «белой головкой». Для «автокефалии», для американской независимости — хорошая иллюстрация.

Кто же вел и ведет эту, якобы, «церковную» и, якобы, «христианскую», а на самом деле чисто политическую антиамериканскую и прокоммунистическую акцию в недрах МСЦ? Ее вел и ведет неутомимый «чекист в рясе» митрополит Никодим по директивам своего непосредственного начальства, председателя Совета по Делам Религии при Совете Министров СССР В. А. Куроедова, у которого Никодим давно состоит «на тайных послушаниях».

В статье «Должны ли мы финансировать революцию?» Кларенс Холл приводит — для рядового читателя — потрясающие факты. Разумеется, подрывная московско-ленинская работа, которую в недрах МСЦ ведут «чекисты в рясах», прикрыта самыми благовидными и даже самыми христианскими заповедями. Например. В сентябре 1970 г. МСЦ принял к исполнению «Программу борьбы с расизмом» и в исполнение этой программы выдал некоторым представителям африканских государств первые 200.000 долларов. Кому же эти деньги были выданы? Оказалось, что 14 представителей из 19 этих организаций известны, как участники партизанских терро-

ристических акций, а 4 организации, исключительно щедро поддержанные МСЦ, просто коммунистические. При чем три из этих организаций получают оружие из СССР. За всеми четырьмя организациями числятся кровавые террористические акты.

Кое-какие протесты против этого были. Но что они значат, когда фактическая сила у большинства МСЦ? Лондонский «Таймз» писал, например,: — «теперь африканские бунтари будут утверждать, что их деятельность поддерживается и благословляется церковью». Немецкая газета «Ди Вельт» совершенно справедливо указывала: «христианская вера и террористические акты несовместимы». Известный британский комментатор М. Магеридж спрашивал: «какое отношение имеет все это к утверждению Царства Христова, т. е. к главной цели всей деятельности МСЦ?» Но все такие протесты были гласом вопиющего в пустыне.

В конце прошлого года МСЦ организовал сбор средств на поддержку американских дезертиров, проживающих в Канаде и Швеции. А юношеский отдел МСЦ приступил к изданию журнала «Риск», где призывал американскую молодежь дезертировать из армии. На возмущения и смятение, которые вызвали все эти действия руководителей МСЦ, они ответили: «христиане должны заниматься и социальным переустройством общества... в прошлом мы обычно это делали мирным путем, а сегодня значительное число приверженных служителей Христа и их последователей заняли более революционные позиции». «Революция для церковных лидеров имеет различное значение, — заявил один из представителей МСЦ, — и это значение может меняться в зависимости от того о какой стране идет речь».

Первый открытый шаг от политики мирного развития общества к одобрению революционных методов борьбы был сделан на Женевской мировой конференции в 1966 г. А в 1968 г. в Лондоне на «консультативном» совещании даже наиболее «умеренный» оратор, священник Ч. Е. Филипс утверждал, что «если церковь действительно хочет атаковать расизм, она должна не только проповедывать любовь, но и поощрять силу. Там где общество окажет сопротивление, церковь должна не стесняясь помогать развитию единственной реальной силы — силы мятежной — и всячески возбуждать ее к действию».

Как показатель атмосферы на этих собраниях МСЦ, за кулисами которого действуют «чекисты в рясах», одним оратором цитировались даже слова Мао Цзе Дуна: «политическая сила вырастает из ружейного ствола». Возмущение этими действиями МСЦ было настолько велико, что даже сам архиепископ Кентерберийский, бывший председатель МСЦ, осудил «боевую программу».

Надо усиленно подчеркнуть, что кагебистская работа в МСЦ легко поддерживается и очень легко проводится благодаря исключительному легкомыслию, преступной наивности и полнейшей невежественной неосведомленности множества «либеральных» католиков и протестантов о положении церкви и верующих в Совсоюзе.

Общая атмосфера в МСЦ сейчас — по статье Кларенса Холла — такова, что теперь не может уже МСЦ и решиться обвинить в чем бы то ни было Совсоюз. Так, в первые 24 часа после вступления советских войск в Чехословакию, в августе 1968 г., почти каждая свободная церковь публично осудила эту варварскую агрессию. Но этого не сделал МСЦ. Только спустя неделю, когда советские танки уже раздавили Чехословакию, генсек МСЦ выступил с «тепленьким», едва заметным осуждением Москвы. Так работает Никодим с своими подручными в недрах МСЦ.

То, что для нас, русских, особенно важно, так это указание Кларенса Холла на то, что «ни в чем МСЦ не проявил такой преступности, как в отказе от защиты десятков тысяч верующих, подвергающихся жестоким преследованиям в СССР...» Комментируя конференцию МСЦ в Упсале, шведский священник Кнут Норберг говорит: «Проблемы, касающиеся расового вопроса, мятежи и насилия в МСЦ обсуждались свободно и темпераментно. Но как только дело касалось положения за железным занавесом, воцарялась мертвая тишина. Почему же, — спрашивает Норберг, — мировая церковная организация отказывается замечать все усиливающиеся призывы о помощи из лагерей, тюремных камер и штрафных казематов, где мучатся и умирают братья-христиане? Что это? Если все это происходит в результате проведения в жизнь специально разработанной МСЦ тактики, то не является ли такая тактика, тотальной капитуляцией перед Советским Союзом и его марксистско-ленинской религией?»

Сейчас одну из забот МСЦ составляет дальнейшее сближение МСЦ с коммунистами. Проявляется это в настойчивом налаживании марксистско-христианских «диалогов», при чем коммунисты горячо приветствуют эту деятельность МСЦ, как «начинание огромной важности в деле усиления новых либеральных течений в религиозном мире». И это несмотря на то, как сказал проф. Чикагского Университета Мартин Е. Марти, что «20-й век видел многие тысячи христианских мучеников от рук людей, называющих себя марксистами».

ЧТО ДАЛИ ДВА ГОДА «АВТОКЕФАЛИИ»?

В кн. 100-й «Нов. Журн.» я высказал мнение, что «дарование» Американской митрополии, так называемой, «автокефалии» надо рассматривать политически, «как диверсию в лагерь противника для уничтожения этого лагеря», то-есть, как обычную большевицко-ленинскую «военную хитрость». Для всякого здравомыслящего человека, знающего «основы ленинизма» и понимающего, что Московская Патриархия для партии только орудие пропаганды и действия, это ясно.

В кн. 101-й «Нов. Журн.» я дал отзыв о сборнике «Автокефалия» и мельком упомянул о лицах, ведших с Никодимом тайные переговоры о даровании автокефалии. Мне стало известно, что мое мнение — в обеих книгах «Н. Ж.» — вызвало негодование среди приверженцев «автокефалии» и особенно среди иерархов митрополии — партнеров по переговорам с Никодимом.

По правде говоря, негодование это мне непонятно. Ведь обвинял-то я в диверсии КГБ и его агентов в лице т. н. митрополита Никодима, явно состоящего у КГБ «на тайных послушаниях». Митрополию же я считал всего-навсего жертвой политического легкомыслия и м. б. личного честолюбия некоторых ее высших иерархов, «поверивших» в «правду» Никодима. «Повернуть колесо истории церкви» — для честолюбца, в особенности легкомысленного, — перспектива не без соблазна. Отметим, кстати, что из кругов митрополии нам известно, что митрополитИриней до последней минуты был противником получения этой «автокефалии» от Куроедова — Никодима.

Но под конец он был сломлен своим проникодимовским окружением.

Конечно, вопрос об «автокефалии» окончательно разрешит только время. Оно полностью выявит всё. Но думаю, что уже сейчас время поддерживает меня, а не партнеров Никодима. Обратимся к фактам. Со дня «дарования» автокефалии прошло два года. И некоторые итоги, еще не окончательные (окончательные будут наверное много хуже) подвести уже можно. Каковы они? Прежде всего, оправдалось ли что-нибудь из того «куроедовского договора» («Томоса»), который был заключен формально между Американской митрополией и покойным патриархом Алексием (а фактически между Американской митрополией и председателем Совета по делам религии при Совете министров СССР В. А. Куроедовым). Кстати, в упомянутой выше книге Петра Дерябина говорится, что предшественник В. А. Куроедова на этом посту Г. Г. Карпов имел в КГБ чин генерал-майора. Надо полагать, что и у Куроедова не меньший чин.

О благодатном церковном акте и о последствиях дарования автокефалии наиболее оптимистически высказывался парижский «Вестник РСХД». С моей точки зрения это были предельно наивные и необдуманно оптимистические высказывания. Разберем их. Наиболее полно они выражены в статье прот. Г. Беннигсена в № 95-96 «Вестника РСХД».

Прот. Г. Беннигсен писал: «совершенно ясно, что в настоящее время Московская Патриархия готова признать Американскую Митрополию автокефальной Православной Церковью в Северной Америке на самых нормальных канонических основаниях, которые можно суммировать в нескольких формулах». Дальше идут эти самые «формулы». Прот. Г. Беннигсен пишет: «в качестве автокефальной поместной Церкви Митрополия ожидает признания себя таковой со стороны всех остальных поместных автокефальных церквей». Оправдались ли эти ожидания? Произошло ли что-нибудь подобное за эти два года? Нет. Произошло как раз обратное. Четыре самых древних православных патриархата резко и категорически отвергли законность «дарования» Москвой автокефалии, несмотря на все усилия и поездки на Ближний Восток, например, епископа Дмитрия и прот. А. Шмемана. Даже нахо-

дящаяся в коммунистической стране Румынская Православная Церковь не признала «дарования» автокефалии Москвой.

Больше того. Входившая раньше в состав руководства Постоянной Конференции Православных Епископов в Америке (в лице митрополита Иринея), Американская митрополия, после принятия ею «автокефалии» от Москвы, выпала из этой высшей православной организации. На последних выборах в январе с. г. в правление ее оказались избраны: председателем — греческий архиепископ Иаковос, товарищем председателя — карпато-русский епископ Джон Мартин, казначеем — епископ украинской православной церкви Андрей Кущак и генеральным секретарем — греческий протоирей Роберт Стефанопулос. Эти выборы означают изоляцию в Америке — т. н. «Православной церкви в Америке». Поместные православные церкви — вопреки ожиданиям партнеров Никодима — ее не признали.

После Америки диверсия Никодима, направленная на Русскую Православную Церковь во Франции, поддерживаемая теми же его партнерами по тайным переговорам — потерпела тоже неудачу. Возглавляемая архиепископом Георгием русская православная церковь во Франции, объявив свою автономию, перешла в юрисдикцию Константинопольского патриарха.

В другой «формуле» прот. Г. Беннигсен писал: «Московская Патриархия убирает свой Экзархат с территории автокефальной Православной церкви в Америке, оставляющей за Патриархией право на подворье в г. Нью Иорке, обслуживаемое духовным лицом не в епископском сане». И эта «формула» оказалась детской наивностью партнеров Никодима. Московская Патриархия, как и раньше, сохранила за собой все 43 прихода в Северной Америке и все приходы в Канаде. Она попросту «обманула» своих партнеров разговорами «о подворье» и против этого обмана митрополия не возражает и возражать, наверное, не может. Что же касается «обслуживанья подворья духовным лицом но не в епископском сане...» то после подписания договора об автокефалии, в Америке появился никодимовский посланец епископ Уманский Макарий, проявляющий кипучую энергию. В Питтсбурге, например, он не только сослужил митрополиту Иринею, без всякого

на то приглашения архиепископа Питтсбургского Амвросия,* но и выступил после богослужения с «патриотической» речью о любви «к Родине» (с большой буквы).

Следующая «формула» прот. Г. Беннигсена оказалась не менее фантастичной. Он писал: «Московская Патриархия передает автокефальной церкви все имущественные права, за исключением вышеупомянутого подворья». Увы, на это «Томос» Московской Патриархии ответил с полной ясностью: «Св. Николаевский Собор с его имуществом и находящейся при нем резиденцией, а также имение в Пейн-буш будут управляться Святейшим Патриархом Московским и всея Руси через посредство представляющего его лица в пресвитерском сане». Дальнейшая «формула» прот. Г. Беннигсена не поддается ясному осязанию. Он писал: «все претензии Московской Патриархии на какую бы то ни было зависимость от нее автокефальной церкви в Америке прекращаются». Но о какой «зависимости» идет речь? Ведь признание митрополией патриархии, как «церкви-матери» несомненно воссоздает некую «духовную» связь, а через нее и не только «духовную», а вероятно, и многие жизненно-практические связи. Это естественно. Вот не так давно в патриаршем Св. Николаевском Соборе совершали торжественную литургию три высоких иерарха: Архиеп. Филадельфийский и Пенсильванский Киприан (тот самый, который представлял митрополию в Москве на интронизации патриарха Пимена и даже фотографировался с ним), архиепископ патриаршей церкви Досифей и уже упомянутый епископ Макарий. Конечно, — сослужение, это действие церковное и духовное. Но ведь после-то сослужения, вероятно, остаются все-таки и простые человеческие отношения и связи?

---

* В «Нов. Русс. Сл.» от 29 февр. с. г. напечатано письмо архиепископа Амвросия о выходе его из Американской Митрополии. Архиеп. Амвросий пишет: «давно страдая от последствий получения автокефалии Американской Митрополией от Москвы и от все большего сближения ее с Московской Патриархией, я смущался сердцем от своего невольного участия в этом деле. Вследствие моего принципиального расхождения с курсом Американской Митрополии я теперь нашел для себя невозможным дальнейшее пребывание в ней по принципиальным основаниям. Поэтому я заявил митрополиту Иринею о выходе моем из состава Американской Митрополии».

Читая «формулы» несбывшихся надежд иерархов митрополии, ведших тайные переговоры с Никодимом, невольно вспоминаешь хорошую английскую поговорку: «Садясь есть с чертом, запасись большой ложкой». В этих тайных переговорах с Никодимом «большая ложка» оказалась, несомненно, в руках Никодима.

В разгар полемики в русской эмиграции по поводу «автокефалии» один видный иерарх митрополии, участник всей этой «тайной» акции с Никодимом, так морально определил свою позицию: «Сила наша в том, что мы наивно принимаем это и как бы говорим Москве: мы верим, что вы поступите так, как говорите. Поэтому, если тут обман, то совесть наша чиста: обман падет на Москву, но не на нас, стыдом и позором». Не знаю видит ли этот иерарх, что на Москву обман уже «пал стыдом и позором», только Москва и ухом не ведет. А митрополия вынуждена молчать. Ленинцы обманули митрополию, поставив ее именно в такое положение, *какое им нужно*: тоесть, в положение изоляции от других православных поместных церквей.

Но что такое, упомянутая видным иерархом, «сила наивности»? И я не уверен может ли и должен ли христианин — а тем более видное духовное лицо — в своих действиях касающихся жизни церкви, руководиться «силой наивности»? Вот что на эту тему пишет протопресвитер Александр Шмеман и пишет, по-моему, очень правильно: — «Нет в христианской вере более важного и нужного призыва, чем призыв различия духов — от Бога ли они; нет более губительной опасности, чем подмена, подделка и ложь» («Зрячая любовь», «Вестник РСХД» № 100, стр. 147). Но неужели протопресвитер А. Шмеман думает (и нравственно уверен!), что «призывы» Никодима были «призывами от Бога», а не «подменой, подделкой и ложью» В. А. Куроедова? Неужели с самим Куроедовым нельзя вести переговоры только потому, что он в штанах и в пиджаке, а с Никодимом можно только потому, что он в рясе?

Тут поднимается невольный и большой вопрос (о благодати): может ли прикрыть ряса прохвоста? Или прохвост остается прохвостом и в рясе? Может-быть (с точки зрения некоторых людей) я держусь «еретического» мнения, но искренне говорю, что я не верю в то, что ряса прохвоста покрывает. И думаю, что прав был Владимир Соловьев, когда

в письме к Льву Толстому (2 авг. 1894 г.) писал: «только лицемеры и негодяи могут ссылаться на благодать в ущерб нравственным обязанностям». То же говорил и св. Василий Великий в учении о благодати: от *свободы человека* зависит как сохранение и преумножение, так и потеря благодати.

Мы не только не отождествляем Никодима с Русской Православной Церковью в СССР. Мы (согласно с великомучеником Б. В. Талантовым) противопоставляем Никодима Церкви. Он противостоит ей также, как Куроедов. И когда иерархи митрополии садятся за один стол с Никодимом вести «тайные переговоры» — они ведут их с чертом.

"Новый Журнал", кн. 106, 1972 г.

АВТОКЕФАЛИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ГРЕКО-КАФОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ (МИТРОПОЛИИ) АМЕРИКИ. Всеславянское изд-во. Нью Иорк. 1970 (203 стр.). Ц. 2 долл.

Книга начинается с истории вопроса об отношениях большевицкой власти и православной церкви. Тут даются выдержки из «Послания» Св. Патриарха Тихона, как известно, предавшего большевиков анафеме: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это дело поистине сатанинское... Властью данной нам от Бога запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас... Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: 'Изымите злаго от вас самих'...»

Далее идут документы, освещающие вопрос о том, как была «дарована» Московской Патриархией «автокефалия» и кто вел эти сугубо-тайные переговоры с Никодимом почти семь лет. Первый контакт с Никодимом произошел, оказывается, еще в 1961 году. Американский журнал «Ньюзвик» передает репортаж своего корреспондента о том, что происходило в Нью Дели, в Индии, на Третьей Ассамблее Национального Совета Церквей:

«Желая сгладить отношения, Никодим высказал мысль, что его визит в США мог бы помочь выяснить все вопросы. Эта идея произвела потрясающее впечатление на архиепископа Иоанна Сан-Францисского, делегата Русск. Прав. Церкви. — 'Может-быть', ответил он, 'неофициальная встреча могла бы быть устроена через немного лет, но только вне США'. — 'Почему вне?', спросили советские. Один из помощников архиепископа ответил: — 'Американская пресса убила бы нас!' У советских заблестели глаза: — 'Значит, кто из нас более свободен, вы или мы?'» («Ньюзвик», 11 дек. 1961).

Эти «неофициальные» встречи митр. Никодима и архиеп. Иоанна Сан-Францисского (и других иерархов митрополии) начались с 1963 года, но, действительно, не в Америке, а в Швеции и Швейцарии. Велись они в глубокой (почему бы это?) тайне и от православных прихожан и от православных клириков в США. А закончились в 1970 г. «дарованием автокефалии», согласно духу которой «митрополия» стала «духовной дочерью» Московской Патриархии.

Как оправдание принятия этой «автокефалии» в книге полностью перепечатана статья проф. А. А. Боголепова «Исторический путь американской митрополии». В ней знаток канонического права, А. Боголепов весьма искусно («комар носа не подточит») защищает принятие автокефалии с канонической точки зрения. Правда, одно место его защиты нам не кажется убедительным. Это, когда автор ссылается на исторический факт провозглашения автокефалии Русской Православной Церковью, «вследствие подчиненности Константинопольского Патриарха турецкой власти» (т. е. султану, **Р. Г.**). Мы осмеливаемся думать, что власть большевиков-ленинцев гораздо хуже власти турецкого султана, ибо в «программе» турецкого султана не было задачи искоренения всех религий, как таковых. Турецкие султаны не называли веру в Бога «труположством», как называл Ленин. Эту заповедь его исповедует вся КПСС (включая, конечно, и фактического управляющего делами Православной Церкви в СССР т. Куроедова).

Никакой турецкий султан не объявлял, как Ленин, что «всякая мысль о Боге есть чудовищная подлость!» Но тем не менее статья А. А. Боголепова была бы убедительна, если б в другом документе в этой же книге не были приведены высказывания о Московской Патриархии того же самого проф. А. А. Боголепова из его книги «Церковь под властью коммунизма» (Мюнхен, 1958). В этой своей книге А. А. Боголепов пишет, что принятая в Москве система «налагает яркий отпечаток на систему подбора личного состава священнослужителей Церкви и является одним из лучших опровержений ходячего утверждения, что Православная Церковь пользуется свободой внутреннего управления» (стр. 42). Далее Боголепов говорит, что Московская Патриархия неизменно «**поддерживает основные политические цели коммунизма**» (стр. 78). Стало-быть и искоренение религии тоже? И наконец А. Боголепов, на наш взгляд совершенно правильно, утверждает, что «преодолев раскол живоцерковников и обновленцев позднейшие руководители Патриаршей Церкви не могли найти иного выхода для сохранения ее, как переступив через переходные формулы Патриарха Сергия, **принять в основе политические воззрения Живой Церкви**» (стр. 79). Очень верно. Только читатель удивлен неувязкой этих взглядов проф. А. Боголепова с его теперешней защитой принятия автокефалии из рук именно вот этих «живоцерковников», «поддерживающих политические цели коммунизма».

Среди других документов в защиту «автокефалии» напечатано и «Послание» архиеп. Иоанна Сан-Францисского, но о нем мы предпочитаем не говорить, до того это «Послание» написано не только уж «не в духовном плане и не в духовном стиле», а просто, надо сказать, в бестактном стиле, с личными выпадами против неугодных автору лиц (А. Л. Толстая, С. С. Белосельский) и с такими выдуманными утверждениями, как, например: «Для Америки очень важен факт, что Экзархат Московской Патриархии прекращает свое существование в США». Откуда же это следует? Неужто только из того, что этот «Экзархат» переименовался в «Управление»? Но ведь в ведении этого «Управления» так и остались все те же патриаршие приходы в США (43!) и все патриаршие приходы в Канаде, которые согласно Томосу, «будут управляться Святейшим Патриархом Московским и всея Руси через посредство одного из его викарных епископов». Слепому ясно, что перемена тут только в названии. И утверждение архиеп. Иоанна Сан-Францисского мы вынуждены признать действительности не соответствующим. Напротив, с «дарованием автокефалии» позиция Московской Патриархии в США чрезвычайно укрепилась и усилилась. Это «дарование» уже использовано и в международной, и в американской печати, и в международном, и в американском общественном мнении, как доказательство коммунистического «либерализма». А московские епископы уже начали не только сослужить епископам митрополии, но и выступать (в присутствии иерархов митрополии) с проповедями «о миротворческих усилиях нашей дорогой Родины», как уже выступал еп. Макарий. Это как раз то, что нужно ленинцу Куроедову и компартии.

Прав был покойный первоиерарх митрополии Феофил, когда с амвона так говорил о московских посланцах: — «...Приехал сюда архиерей. Заявляю вам, дорогие, с этого святого места, что этот посланец пожаловал к нам, чтобы нарушить течение нашей жизни, уничтожить мир, внести раздор и смуту. Предупреждаю вас, что он будет рассказывать вам о благоденствии Церкви в России. Все это — неправда! Это — ложь! Не поддавайтесь обману этих лжецов. Никакого общения, дорогие братья и сестры, с чекистами быть не может!» (НРС, 8 авг. 1947 г.).

Так в 1947 году говорил первоиерарх митрополии Феофил. А вот, что сейчас говорит о политике Москвы по отношению к свободной русской православной церкви за рубежом, мученик, писатель по церковным вопросам, советский гражданин Б. В. Талантов, томящийся теперь не то в мордовских концлагерях, не то во владимирской тюрьме: — «Деятельность Московской Патриархии за границей является сознательным предательством Русской Православной Церкви и христианской веры. Но настанет время разоблачения предательской дея-

тельности Московской Патриархии за границей, час суда над митрополитом Никодимом!» (см. «Вестник РСХД», № 89-90, 1969).

И это говорит настоящий мученик за свою веру, в то время как комфортабельно живущие в полной свободе на Западе, главные деятели по получению автокефалии из рук Никодима (с разрешения Куроедова — т. е. партии!) получают за «автокефалию» всяческие награды. Отсылаю к стр. 170 отчетной книги: митрополит Ириней — титул «блаженнейшего», прот. А. Шмеман — сан протопресвитера, прот. И. Мейендорф — наперсный крест с украшениями, свящ. К. Фотиев — сан протоиерея с правом ношения золотого креста с украшениями (этот священник сопровождал митр. Никодима на Аляску). Архиепископ же Иоанн Сан-Францисский получил «право ношения бриллиантового креста на клобуке». Было бы хорошо, если б эти «золотые кресты с украшениями» и «бриллиантовые» были бы — от греха — проданы и вырученные деньги переведены для советских политзаключенных (верующих).

Заканчивая обзор книги «Автокефалия», хочу еще привести цитаты из «приветственного адреса» «Великому Вождю СССР генералиссимусу И. В. Сталину, в день его 70-летия». Подписан этот «незабываемый» по подхалимажу и лести адрес самим патриархом Алексием и 76 (!) архиереями, что достаточно говорит о той степени низкой сервильности, после которой в людях отмирает человеческое. «Нам особенно дорого то, что в деяниях Ваших, направленных к осуществлению общего блага и справедливости, весь мир видит торжество нравственных начал в противовес злобе, жестокости и угнетению, господствующим в отживающей системе общественных отношений... Как и все вообще интересы трудящихся, близки Вам и нужды верующих русских людей». К этой лжи и мерзости — не поднимается рука делать комментарии. «Приветственный адрес» цитирует А. Л. Толстая в своем письме об автокефалии (НРС, 24 дек. 1969), приведенном в книге.

"Новый Журнал", кн. 101, 1970 г.

ДВА НЕКРОЛОГА

Б. И. НИКОЛАЕВСКИЙ

Почти сорок лет мы были с Б. И. Николаевским большими друзьями. И вот 22 февраля в Калифорнии, на 79 году жизни, он умер от сердечной болезни. Мне хотелось бы о Б. И. (как и о скончавшемся Н. В. Вольском) написать большие воспоминания. Но сейчас я вынужден ограничиться этим кратким некрологом.

Б. И. несомненно был человеком выдающимся и смерть его — большая утрата не только для русской политической эмиграции, но и для множества иностранцев, занимающихся изучением Сов. Союза. Когда-то Наполеон сказал о себе: «я существо только политическое». Б. И. тоже, конечно, был существом по преимуществу политическим. Таким его знали многие и русские и иностранцы. Но я то знал Б. И. и не политического. За долгие годы дружбы я знал Б. И. в частной жизни, как друга, как человека верного слова, как человека хорошей души; знал его и слабости и достоинства.

Перед второй мировой войной Б. И. очень старался, чтоб мы с женой уехали в Америку. Но обстоятельства сложились так, что мы остались во Франции, а Б. И. уплыл за океан. Помню, когда сразу после войны он приехал к нам в Париж, моим почти первым вопросом было: «Ну, Б. И., как в Америке? Довольны?» И на это с какой-то застенчивой улыбкой Б. И. сказал: «Да в Америке-то очень хорошо, только мне бы где-нибудь в Белебее было бы лучше. Я же в заграницах нигде не приживаюсь».

Это было верно. Несмотря на все свои интернационалы и социаль-демократии (Б. И. всегда произносил это слово по старинке, с мягким знаком посередине), Б. И. был страшно русский человек и как Тургенев, Вырубов, Мечников, не мог бы добровольно жить заграницей.

Б. И. родился в Белебее, Уфимской губернии, в 1887

году. В его характерной наружности было что-то от тех краев — славяно-башкирское. В свое время он показывал мне фотографию своей матери — женщины с типично-русским хорошим лицом — которую он очень любил. Помню, в Париже я был в его комнате, когда ему из Москвы должна была позвонить мать. Помню, его страшное волнение, помню, как он кричал в телефонную трубку каким-то надтреснутым голосом: «мама, это я! мама, это я!» Но разговор не то из-за плохой слышимости, не то из-за чего-то другого оборвался.

Отец Б. И. был священник и в его роду, как он говорил, было «премного поколений священников». У Б. И. хранилось самотканное деревенское полотенце, вышитое синими и красными крестиками, с вышитой надписью «отцу Иоанну от верных прихожан». Это был подарок прихожан своему сельскому священнику о. Иоанну Николаевскому. Но Б. И. с ранней юности принял иной «сан», сан революционера-интеллигента. В этом «сане» он был крайне типичен. Он был одним из последних могикан. Таких русских интеллигентов почти уже нет и, конечно, не будет. Эта страница истории русской интеллигенции уже перевернута. Когда-нибудь, несмотря на многие прегрешения русской революционной интеллигенции, о ней вспомнят потомки. В ней было и много привлекательного. И это прекрасно понимал такой ее антипод, но тонкий психолог В. В. Розанов, написавший о революционной интеллигенции замечательные строки в своих «Опавших листьях».

С юности Б. И. стал марксистом и при том большевиком (хоть и не надолго). С юности знавал аресты, тюрьмы, ссылки. Это были «его университеты». С начала революции 1917 г. Б. И. был уже видным меньшевиком (левым) и был избран в ЦК РСДРП. В среде революционной демократии Б. И. был уже на виду. Но широкая публика его не знала. В 1922 году, вместе со всей головкой меньшевиков, Б. И. был выслан советским правительством заграницу. И вот тут, в Берлине, в том же 1922 году мы познакомились.

Помню, к нам в редакцию «Новой Русской Книги», где работали мы вдвоем с проф. А. С. Ященко, в приемный час однажды пришел очень высокий и очень худой человек с редкой бородкой: типичный интеллигент-революционер, хоть портрет пиши. Тогда меньшевики, кроме своего «Соц. Вест-

ника», ни в каких русских зарубежных изданиях не участвовали, чтобы не оскоромиться «буржуазностью». Даже «Современные Записки» были для них табу. Этот запрет (или обет) наложил на них, как говорили, их игумен, их лидер Ф. Дан. Но в библиографическом журнале «Н. Р. К.» сотрудничать было можно. И Б. И. стал постоянным сотрудником «Н. Р. К.» Известно, что сжигающей страстью Б. И. был — архивизм, собирание документов. Помню, на упрек одной дамы, что Б. И. не заходит к ним, Б. И. с хитровато-виноватой улыбкой ответил: «Да у вас же нет ничего архивного». Над этой страстью Б. И. к архиву, к книге, к документу, любил подтрунивать его старый друг И. Г. Церетели: «Б. И. не только любит книгу иль документ, у него страсть к ним такая же, как у других — к женщинам. Он готов даже похитить книгу, но за это нельзя его судить, ибо ведь за похищение любимой женщины не судят». И в «Новую Русскую Книгу» Б. И. стал ходить чуть ли не ежедневно. Дело в том, что мы получали тогда неописуемое множество русских газет и журналов со всех концов мира. Боюсь ошибиться, но их надо было считать, пожалуй, сотнями. И увидев эти кучи газет и журналов, которые я по молодости лет и по своей неархивности просто выбрасывал, Б. И. страшно взволновался. Он просил меня Христом Богом не выбрасывать ничего, а всё сохранять для него, он всё унесет.

Позже, когда я стал работать для своих книг в архиве Б. И., я оценил эту его страсть к документу. В те времена у Б. И. уже составился не только громадный, но совершенно исключительный, уникальный архив. Тут был и подбор книг по русскому и международному революционному движению, но главная ценность, это — отдельные именные папки с вырезками из газет и журналов. Кого только в папках не было! Русские ученые, писатели, политики, военачальники, поэты, художники — вся русская культура! В литературных и научных кругах уникальный архив Николаевского был широко известен. Недаром однажды «темной ночью» в помещение архива вломились с заднего хода советские агенты, по наводке (как теперь разоблачено) некоего провокатора, «троцкиста», и похитили документы из хранившегося здесь архива Троцкого. А когда в Париж, во время войны вступили нацисты, они в первые же дни бросились на розыски знаме-

нитого архива Николаевского и бо́льшую часть этого архива захватили. Так и погиб этот уникальный архив где-то в Германии, под бомбами союзников. А кто только не пользовался им. Б. И. с удовольствием давал возможность всем работать в его архиве. А мне, для моих книг часто добывал такой — даже рукописный! — материал, какого было не достать во всем мире! В архиве Б. И. работали Алданов, Чернов, Церетели, Милюков, много людей, всех не перечислишь.

За эти годы (20-ые и 30-ые) Б. И. писал в «Соц. Вестнике», но мало. За это время он выпустил две книги — одну об Азефе, другую — о раннем Марксе (в сотрудничестве с немецким социал-демократом, эмигрантом, Менхеном). Только после второй мировой войны, когда «запреты Дана» пали и меньшевики стали широко сотрудничать в русской зарубежной печати, Б. И. стал много писать и в «Новом Журнале», и в «Народной Правде», и в «Новом Русском Слове». Одно время (недолго) Б. И. редактировал и собственный журнал «За рубежом», где напечатал много ценного документального материала. Но самой ценной и интересной работой Б. И. является, конечно, его последняя книга, вышедшая по-английски с предисловием Дж. Кеннана, незадолго до смерти Б. И. — «Власть и советская элита».

После второй мировой войны Б. И. проявил кипучую политическую деятельность, став председателем «Лиги Борьбы за Народную Свободу». Он много потратил усилий по объединению всей демократической эмиграции. Правда, из этих усилий ничего не вышло. Он близко к сердцу принял судьбу новых советских эмигрантов и, в частности, власовцев, хотя именно это привело его к острым столкновениям с некоторыми старыми товарищами из группы меньшевиков. Но уфимец был упрям. И тут его свернуть было невозможно. В своей позиции Б. И. оставался непоколебим, хоть это и принесло ему много тяжелых минут и неприятностей.

На вид сухой, книжный червь, архивариус, историк революционного движения, Б. И. был, в сущности, человеком теплого сердца. Так, например, когда он вернулся из послевоенной Германии и делал в Нью Иорке доклад о положении новых советских эмигрантов, он разрыдался. Надо было видеть с какой трогательной любовью и заботой относился Б. И. к своему самому близкому другу — «Ираклию», И. Г. Церетели

(в особенности, во время болезни последнего). Помню, однажды жена моя встретила на парижском сквере двух голодных русских детей, оказавшихся детьми известного крайне-правого офицера-разведчика, и стала организовывать помощь этой попавшей в беду семье. Услышав рассказ об этих детях, Б. И. тут же полез за кошельком и дал свой основательный взнос, сказав: — «Я тоже буду давать, только не называйте меня, это никому ненужно».

Б. И. до конца своих дней оставался твердокаменным марксистом (но марксистом гуманистического толка). Эту жесткую и в глубине своей бесчеловечную доктрину в Б. И. часто исправляло мягкое русское сердце. По-моему, это оно иногда диктовало Б. И. его политическую линию. Так, чудовищную, насильственную сталинскую коллективизацию, в противоположность многим социалистам (и русским и западным!), которые этот погром, убийства, уничтожения крестьян целыми селами, насилья, депортации восприняли «всё-таки, как социалистический эксперимент», Б. И. воспринял **человечески,** а не «доктринально». Так, как воспринимают еврейские погромы, всякое убийство и насилье. И Б. И. выступил против этого бесчеловечья вразрез с мнениями других социалистов-марксистов. Думаю, что и в отношении к новым советским эмигрантам мягкое русское сердце заставило Б. И. разойтись с некоторыми партийными товарищами.

Б. И. был человеком исключительных, энциклопедических знаний. Из-за своей ранней революционной работы, он не получил законченного образования, не окончил даже среднего учебного заведения. Но он был на редкость широко образованным человеком. Он знал не только свою сферу — история вообще и история международного революционного движения, в частности; у него были большие знания и в естественных науках, и в юриспруденции, и в богословии, и в литературе. За долгие годы эмиграции, в интеллектуальных кругах Европы и Америки многие, занимавшиеся вопросами России, знали и ценили по достоинству необычайную эрудицию Б. И. Я думаю, я не преувеличу, если скажу, что такого знания истории русского революционного движения, истории КПСС и истории Советского Союза, какое было у Б. И., не было ни у кого в мире. Уход Б. И. от нас — это тяжкая потеря для русской зарубежной политической мысли. Для

меня же, это еще и потеря давнего друга, которому я был многим обязан.

В. А. КРАВЧЕНКО

25 февраля с. г. в своей квартире в Нью Иорке, на 61 году жизни, выстрелом из револьвера в висок покончил с собой Виктор Андреевич Кравченко. Ровно двадцать лет тому назад своей книгой «Я выбрал свободу» (1946) Кравченко сделал себе мировое имя. Его книга была переведена и издана почти во всех странах мира. Она имела международное политическое значение, ибо самому широкому кругу западных читателей открыла глаза на преступления коммунистической диктатуры. «Я выбрал свободу» была первым разоблачением русским коммунистом диктатуры Сталина. Через 10 лет, в 1956 г., на 20-м съезде КПСС эти разоблачения повторил Хрущев (но далеко не всё и не полностью). Разоблачения Хрущева были бомбой для Советского Союза, но для Запада Хрущев не сказал ничего нового: Запад всё это знал. И в этом знании книга Кравченко «Я выбрал свободу» была одним из очень ценных показаний.

И вот через двадцать лет В. А. Кравченко пустил себе пулю в висок. Он был сильный и мужественный человек, как же он пришел к этому трагическому концу?

Я был хорошо знаком с Виктором Андреевичем. Мы познакомились с ним в Париже в 1949 г., когда он приехал на свой процесс с журналом «Леттр Франсез». Общие друзья дали ему мой адрес. И в первый же день приезда (о котором я не знал) в нашу скромную квартиру на пятом этаже (без лифта) постучался незнакомый высокий брюнет, которого сопровождали два господина в темных пальто, по чьим лицам нетрудно было узнать, что это — детективы-телохранители. Я рад, что мне удалось тогда кое-чем помочь В. А. Мы нашли ему превосходного секретаря на время процесса, с которым Кравченко остался дружен на всю жизнь, а после смерти этот человек стал одним из его душеприказчиков. Удалось достать тогда и некоторых ценных свидетелей — бывших сидельцев советских концлагерей.

На процессе я бывал ежедневно. И надо было видеть, как мужественно, необычайно смело и находчиво вел себя на этом

процессе В. А. Это была отчаянная борьба одного человека со всем аппаратом сталинщины, нагнавшим в Париж целую ораву всяческих лжесвидетелей и продажных французов-коммунистов. Но в свободном суде этот один человек победил сталинский аппарат, как победил Давид Голиафа. Вспоминаю, как на одном заседании Кравченко кричал советскому свидетелю, весьма благоговейно произнесшему «имя отца народов». — «Да мне наплевать на вашего Сталина! Я двадцать лет хотел сказать об этом открыто!» Но особенно памятна на процессе была дуэль Кравченко и генерала от НКВД Руденко. Не понимая «климата» Франции и французского суда Руденко появился, как свидетель, в военной форме, со всеми регалиями и даже в фуражке с голубым околышем. Он попробовал было говорить нагло, именно так как привык говорить в советском суде, но В. А. сорвал это фальшивое и напыщенное выступленье. «Вы, Руденко, уверяете Францию в дружбе Сталина? — говорил Кравченко, — но ведь вы со Сталиным во время войны своими поставками Гитлеру убивали французов. Вы убивали французских женщин, стариков и детей. Вы политические и уголовные преступники! Это Сталин выдал Европу на растерзанье фашизму!» И это была не единственная реплика. Кравченко забросал «генерала» подобными «репликами» так, что под конец Руденко, не договорив, предпочел уйти с свидетельского места. А Кравченко кричал ему вслед: «Куда же вы, Руденко! Будьте смелее! Оставайтесь! У меня есть что о вас рассказать на суде!»

Часто встречаясь с Кравченко в его отеле после заседаний суда, я удивлялся, как он нервно выдерживает этот процесс, требующий страшного напряжения. И тем не менее Кравченко блестяще его провел. И это было его вторым сильным ударом по мировому коммунизму. Об этом Кравченко издал документальную книгу «Я выбрал правосудие», имевшую тоже значительный успех.

И вот этот же человек сам лишил себя жизни. Странно? Но нет, кто близко знал В. А., тот видел и понимал, что жизнь его на Западе была трудная. Он был одинок, при чем в значительной мере это одиночество он создал себе сам, из-за предосторожности избегая людей, особенно русских. Он знал, что НКВД охотится за ним и таких ударов, какие нанес ему Кравченко — не прощает. Вместе с одиночеством пришли болезни. Последнее время Кравченко был тяжело болен, чувствуя что

может полностью потерять зрение; у него сдало сердце; другие болезни одна за другой трепали его усталый и нервно изношенный организм. Была и еще одна «болезнь», угнетавшая Кравченко: в противоположность многим эмигрантам он был «деревом непересадочным». Не знаю, достоинство это или недостаток, но Кравченко был настолько русский, настолько был связан с родной почвой, с своей страной, с русским душевным обликом, что нигде вне России жить, собственно, не мог, несмотря на все его материальные возможности. И эта ультрарусскость, а еще более того — сильная советскость — на Западе для него оказалась тягостью и только усиливала одиночество.

Отсюда пришло и то, что он жил ложными политическими иллюзиями. Он ненавидел Сталина, как только можно было его ненавидеть. Но будучи долголетним партийцем и совершенно советским человеком по своему складу, он уже не питал ненависти, например, к Хрущеву. Я помню наши длинные разговоры о том, что — «Вы не понимаете Хрущева, а я его знаю, я его понимаю. Никита неплохой, Вы вот увидите, он повернет к народу, он даст и свободу и хорошую жизнь». Никаких возражений Кравченко не хотел и слушать. После конца Никиты Кравченко помрачнел. Но вскоре же стал строить новые иллюзии: Леня Брежнев, с которым Кравченко вместе учился в Харьковском Институте, с которым был на ты. И вот, Леня теперь повернет к народу. Когда же в Москве поставили процесс Синявского и Даниеля, надо было видеть, как это подействовало на Кравченко. «Стало-быть ничто не меняется?», повторял он. На него, больного. уже, находившегося всё время в крайне нервном состоянии этот процесс подействовал потрясающе. Стало-быть он опять ошибся в своих прогнозах об «оттепеле» и «весне»? Кравченко всё мерещилась такая иллюзорная перспектива: Сов. Союз пойдет направо, а США пойдут немного влево и вот наступит настоящее сосуществование двух великих стран и их общий расцвет. Все возраженья о нереальности политического превращения этого поколения коммунистов в неких «термидорианцев», он воспринимал резко и болезненно. И в его выстреле — разочарование в политических «иллюзиях» тоже сыграло не последнюю роль.

Болезнь, одиночество, разочарование в своих «прогнозах», неудачи в финансовых операциях (он предпринял в Перу

разработку серебряных руд), всё это вместе сломило крепкого днепропетровца. В минуту душевного упадка, когда ему показалось, что выхода нет — он спустил курок револьвера, с которым никогда не расставался. В своем завещании Кравченко просил, без всякого церковного обряда и без гражданской панихиды, сжечь его тело. Но урну с пеплом просил сохранить и когда будет можно отвезти в Россию, чтобы бросить его пепел в любимый Днепр.

Кравченко с людьми мог быть резок, груб, в делах, вероятно, бывал очень жестким человеком. И в то же время он был по-русски и сантиментален и мог быть добр. Когда ему в Париже, после заседаний суда, я рассказывал о какой-нибудь бедствующей семье новых советских эмигрантов, он сразу же, без разговоров отпирал чемодан полный франками и давал к. н. крупную сумму. Кравченко поддерживал многих советских эмигрантов («наших», как он их называл). Особенно безотказен был Кравченко всегда, когда дело заходило о нуждающихся детях.

Виктор Андреевич был недюжинным человеком. Как делец и администратор он был, я думаю, выдающимся. И, несмотря на свою внешнюю грубоватость и резкость, по душе был хорошим человеком. Пусть сбудется его последняя воля, чтобы прах его поплыл в любимом Днепре, чтобы настала когда-нибудь в России та свободная и привольная для народа жизнь, чего он так хотел и во что не переставал верить даже вопреки очевидным препятствиям однопартийного режима. Народ свой он любил страстно и искренне.

"Новый Журнал", кн. 83, 1966 г.

КНИГИ РОМАНА ГУЛЯ

РОМАН ГУЛЬ. *Ледяной поход* (с Корниловым). Изд-во С. Ефрон. Берлин. 1921.

РОМАН ГУЛЬ. *В рассеяньи сущие*. Повесть. Изд-во Манфред. Берлин. 1923.

РОМАН ГУЛЬ. *Пол в творчестве*. (Разбор произведений А. Белого). Изд-во Манфред. 1923.

РОМАН ГУЛЬ. *Ледяной поход* (с Корниловым). Предисловие Н. Л. Мещерякова. Государственное издательство. Москва-Петроград. 1923.

РОМАН ГУЛЬ. *Жизнь на фукса*. Государственное изд-во. Москва. 1927.

РОМАН ГУЛЬ. *Белые по Черному*. Государственное изд-во. Москва. 1928.

РОМАН ГУЛЬ. *Генерал БО*. Роман в двух томах. Изд-во «Петрополис». Берлин. 1929.

РОМАН ГУЛЬ. *Генерал БО*. Роман. Второе издание в одном томе. Изд-во «Петрополис». Берлин. 1929.

ROMAN GUL. *Boris Sawinkow*. Der Roman eines Terroristen. Autorisierte Uebersetzung von F. Frisch. Paul Zsolnay Verlag. Berlin — Wien — Leipzig. 1930.

ROMAN GOUL. *Lanceurs de bombes. Azef*. Traduit par N. Guterman. Librairie Gallimard Paris. 1930.

ROMANS GULS. *Kaujas organizacijas generalis*. Romans. Ar autora atlauju tulkojis Valdis Grevins. A. Gulbia Romanu biblioteka. Riga. 1930.

ROMAN GUL. *General Bo*. Authorised Translation by L. Zarine. Edited by Stephen Graham. Ernest Benn Limt. London. 1930.

ROMAN GUL. *Provocateur*. A Historical Novel of the Russian Terror. Authorised Translation by L. Zarine. Edited with an Introduction by Stephen Graham. Harcourt, Brace and Company, New York. 1930.

ROMAN GOUL. *Los Lanzadores de bombas. Azef. Savinkov*. Traducido por Amando Lazaro y Ros. Zevs Editorial. Madrid. 1931.

R. GUL. *Sprogstancios bombos*. Romanas. Pirmoji Dalis. Verte P. Kezinaitis. Kaunas. 1932.

ROMAN GUL. *Generał BO. Powieść*. Przełozyła z rosyjskiego Halina Pilichowska. Towarzystwo Wydawnicze "Rój", Warszawa. 1933.

ROMAN GUL. *Generał BO. Powieść*. Przełożyła z rosyjskiego Halina Pilichowska. "Książka i Wiedza". Warszawa. 1958. (Переиздано без ведома и согласия автора).

РОМАН ГУЛЬ *Скиф*. (Бакунин и Николай I). Роман в двух томах. Изд-во «Петрополис». Берлин. 1931.

РОМАН ГУЛЬ. *Тухачевский, красный маршал*. Изд-во «Парабола». Берлин. 1932.

РОМАН ГУЛЬ. *Красные маршалы.* Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский. Изд-во «Парабола». Берлин. 1933.

ROMAN GOUL. *Les Grands Chefs de l'Armée Soviétique.* Traduit du russe par J. Civel. Editions Berger-Levrault. Paris. 1935.

ROMAN GUL. *Die Roten Marschälle.* Obelisk Verlag. Berlin. 1933.

ROMAN GUL. *De Röda Marskalkarna.* Söderström Co. Helsingfors. 1936.

ROMAN GUL. *Punaiset Marsalkat.* Suomentanut K. M Wallenius. Helsingissä. Kustannusosakeyhtiö. Otava. 1936.

ROMAN GUL. *Czerwoni Dowódcy.* Towarzystwo Wydawnicze "Rój". Warszawa. 1934.

ROMAN GUL. *Rudí Maršálové.* Přeložili Dr. V. Foch a Oleg Vojtíšek. Zemědělské Knihkupectví A. Neubert. V Praze. 1934.

РОМАН ГУЛЬ. *Дзержинский.* (Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода). Изд-во «Дом Книги». Париж. 1936.

ROMAN GOUL. *Les Maîtres de la Tcheka.* Histoire de la terreur en URSS (1917-1938). Traduit du russe. Les Editions de France. Paris. 1938.

РОМАН ГУЛЬ. *Ораниенбург.* Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере. Изд-во «Дом Книги». Париж. 1937.

РОМАН ГУЛЬ. *Конь Рыжий.* Изд-во имени Чехова. Нью Иорк. 1952.

ROMAN GOUL. *El Caballo Rojo.* Traducción directa del ruso par Agustin Puig. Maestros Rusos. Editorial Planeta. Barcelona. 1961.

РОМАН ГУЛЬ. *Азеф* Исторический роман. Третье переработанное издание. Изд-во «Мост». Нью Иорк. 1959.

ROMAN GOUL. *Azef.* Traduit du russe par N. Guterman. Gallimard. Paris. 1963.

ROMAN GOUL. *Azef.* Translated from the Russian by Mirra Ginsburg. Doubleday. New York. 1962.

ROMAN GOUL. *Azeff.* Translated from Russian into Japanese by Noboru Kanzaki. Kavado Shabo. Tokyo. 1960. (На японском языке в том же издательстве «Азеф» вышел двумя изданиями).

РОМАН ГУЛЬ. *Скиф в Европе.* (Бакунин и Николай I). Переработанное второе издание. Изд-во «Мост». Нью Иорк. 1958.

РОМАН ГУЛЬ И ВИКТОР ТРИВАС. Товарищ Иван. Пьеса в 3-х актах и 9 картинах. Изд-во «Мост». Нью Иорк. 1968.

ROMAN GOUL AND VICTOR TRIVAS. Comrade Ivan. A Play in 3 acts. Translated by Elizabeth Reynolds Hapgood. "Most". New York. 1969.

РОМАН ГУЛЬ. *Читая «Август Четырнадцатого» А. И. Солженицына.* Изд-во Раузен Паблишерс. Нью Иорк. 1971.

РОМАН ГУЛЬ. *К вопросу об «автокефалии».* Изд. автора. Нью Иорк 1972.

РОМАН ГУЛЬ. *Одвуконь.* Советская и эмигрантская литература. Изд-во «Мост». Нью Иорк. 1973.

РОМАН ГУЛЬ. *Азеф.* Исторический роман. Изд 4-е, исправленное. Изд. «Мост». Нью Иорк. 1974.

РОМАН ГУЛЬ. *Дзержинский.* Начало террора. Изд. 2-е, исправленное. Изд. «Мост». Нью Иорк. 1974.

РОМАН ГУЛЬ. *Бакунин.* Историческая хроника. Изд. 3-е. Изд. «Мост». Нью Иорк. 1974.

РОМАН ГУЛЬ. *Конь рыжий.* Автобиография. Изд. 2-е. Изд. «Мост». Нью Иорк. 1975.

РОМАН ГУЛЬ. *Котовский.* Анархист-маршал. Изд 2-е. Изд. «Мост». Нью Иорк. 1975.

РОМАН ГУЛЬ. *Солженицын.* Статьи. Изд. «Мост». Нью Иорк. 1976.

РОМАН ГУЛЬ. *Я унес Россию.* Апология эмиграции. Изд. "Мост", Нью Йорк. 1981.

РОМАН ГУЛЬ. *Одвуконь два.* Изд. "Мост". 1982.

С конца 1959 года Роман Гуль — редактор «Нового Журнала».

В 1970 году за заслуги в области русской литературы за рубежом Роман Гуль получил от Славянского Отделения Нью Иоркского Университета звание "Writer in Residence of the Department of Slavic Languages and Literatures at New York University."

СОДЕРЖАНИЕ

Прогулки хама с Пушкиным 5

Ленин и Архипелаг ГУЛАГ 12

Все ли было благополучно в Датском королевстве? 41

Алексей Толстой 46

О книге Глеба Струве 51

Солженицын в СССР и на Западе 59

Книга Жореса Медведева 83

Переписка через океан Г. Иванова и Р. Гуля ... 90

К вопросу об "автокефалии" 119

Два некролога 149